

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 2 • 2013 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

История и экономика

- Мельянцева В.А.* Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития. Часть 1. 3
- Каимова А.С.* Проблемы интерпретации понятия «Тайваньская идентичность» 27

Филология

- Громова Н.В.* Собственное имя в языках банту Восточной Африки 40
- Воробьева С.Н.* Система жанров в средневековой турецкой ашыкской поэзии: проблемы жанровой классификации 48
- Дрейзис Ю.А.* Тема смерти в романе Юй Хуа «Крики в морозящий дождь» 59

Публикации

- Давид ибн Марван ал-Мукаммис.* Двадцать глав. Главы 5–6. *Перевод Д.В. Фролова.* 71

Критика и библиография

- Аврутина А.С.* Турецкий язык: Учебное пособие по переводу турецко-российской прессы / Е.А. Оганова, С.Н. Воробьева; Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Восточная литература, 2012. 87

Научная жизнь

- Насилов Д.М.* Международная научная конференция «Рукописи — первичный источник изучения национального наследия» 90
- Липилина И.Н.* Всероссийская мемориальная конференция «Губеровские чтения»: «Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм их взаимодействия. История и современность» 92

Памяти...

- Юрий Владимирович Щека 93

CONTENTS

History and Economy

- Meliyantsev V.A.* Countries of West, East and Russia: Long-term Tendencies, Factors and Contradictions of Economic Development. Part 1 3
- Kaimova A.S.* Problems of Interpreting the Notion of “Taiwanese Identity” 27

Philology

- Gromova N.V.* Personal Name in Bantu Languages of East Africa 40
- Vorobyova S.N.* Genre System of Medieval Turkish Ashik Poetry: Problems of Genre Classification 48
- Dreyzis Yu.A.* The Subject of Death in Yu Hua’s Novel “Cries in the Drizzle Rain” 59

Publications

- David ibn Marwan al-Muqammi. Twenty Chapters. Translation of chapters 5–6. *Translated Into Russian By Dmitry Frolov.* 71

Critique and Bibliography

- Avrutina A.S.* Review article: “Russian-Turkish Mass Media: Translating and Interpreting” by Elena Oganova and Svetlana Vorobyeva; The Institute of Asian and African MSU. MV University. Moscow: Oriental Literature, 2012 87

Scholarly Life

- Nasilov D.M.* International Conference “Manuscripts are the First Source for Studying National Heritage” 90
- Lipilina I.N.* The Conference in Memory of Alexander Gouber (1902–1971): “Southeast Asian Countries and the West: Diversity of Interaction. History and Modern Times” 92

In Memoriam ...

- Yury Vladimirovich Scheka 93

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

В.А. Мельянецв

СТРАНЫ ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИЯ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Часть 1

В статье, основанной на серии расчетов и моделей, показано, что глобальная экономика, в целом ускоренно развивавшаяся с начала XIX в., в последние три десятилетия заметно замедлила темпы своего роста. Проанализированы причины парадоксального феномена, при котором в развитых государствах, несмотря на создание основ знаниеемкой экономики, произошло, если верить общепринятой статистике, существенное замедление роста ВВП и совокупной факторной производительности. Уточнены масштабы, детерминанты и важнейшие ограничители азиатского экономического рывка. Исследованы важнейшие составляющие и противоречия современной российской модели развития. Даны оценка социально-экономических и ряда политических последствий несбалансированного роста мировой экономики и прогноз контуров мирохозяйственного роста на ближайшее десятилетие.

Ключевые слова: долговременные тренды глобального экономического развития, парадигма роста экономически продвинутых государств, азиатский экономический рывок, российская модель развития, макроэкономическая результативность, «ловушка среднего уровня развития», низкое качество управления и институтов, предельная капиталоемкость роста, совокупная факторная производительность, структура национального богатства, глобальная конкурентоспособность, мировое неравенство.

In the article, based on a series of computations and models, it is shown, that global economy which on the whole had been rapidly progressing since the start of the 19th century, during the last thirty years has noticeably slowed down rates of its growth. There are investigated causes of the paradoxical phenomenon, when, despite the emergence of foundations of knowledge-based economy in the advanced countries, there came about, according to generally accepted statistics, substantial decrease in growth rates of their GDP and Total Factor Productivity. Also are specified the scales, determinants and major restraints of the Asian economic upsurge as well as major components and contradictions of modern Russian developmental model. There also are provided an assessment of socio-economic and a number of political consequences of unbalanced growth of the world economy and a prognostic estimate of contours of world economic growth for the nearest decade.

Key words: long-term trends of global economic development, growth paradigm of economically advanced countries, Asian economic upsurge, Russian developmental model, macroeconomic performance, 'middle income trap', low level of government

and institutions, incremental capital output ratio, total factor productivity, structure of national wealth, global competitiveness, world inequality.

Долговременные тренды мирового роста. Анализируя *глобальные тренды развития*, ставшие в последнее время предметом интенсивных исследований и оживленных дискуссий мирового экспертного сообщества¹, можно, выделяя так называемые *longues durées*², выявить ряд более или менее устойчивых закономерностей. В результате трансформаций, инициированных промышленной и в последние десятилетия информационной революциями, возникновения *современного экономического роста*³, произошло — отчасти вопреки, а быть может, в немалой мере благодаря существенному ускорению динамики численности населения⁴ (график 1)⁵ — феноменальное по своим масштабам повышение темпов прироста мирового

¹ См., например: Россия и мир в 2020 г. М., 2005; *Колодко Г.Я.* Мир в движении. М., 2009; Прогноз и моделирование кризисов в мировой динамике / Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М., 2009; *Шаниро Р.* Прогноз на будущее. М., 2009; *Фридман Дж.* Следующие сто лет. М., 2010; *Стиглиц Дж.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011; Стратегический глобальный прогноз 2030 / Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2011; Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011; Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. М., 2011; *Рейнхарт К., Рогофф К.* На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М., 2011; *Мойо Д.* Как погиб Запад. 50 лет экономической неадаптивности и суровый выбор впереди. М., 2012; *Акимов А.В., Яковлев А.И.* Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012; Мир в 2050 г. / Под ред. Д. Франклина и Дж. Эндрюса. М., 2013.

² О принципиальной важности изучения долговременных процессов говорили многие исследователи, в том числе Н.Д. Кондратьев, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Мэддисон, П. Бэрок и др. Дж.М. Кейнс утверждал, что «экономист высшей пробы должен изучать настоящее в свете прошлого во имя будущего» (цит. по: *Кузак-ова О.А., Бобко Е.И.* История мировой экономики. СПб., 2011. С. 8).

³ *Kuznets S.* Modern Economic Growth. New Haven, 1966.

⁴ Это также предмет дискуссий. См.: *Boserup E.* Population and Technology. Oxford, 1981, а также: *Ashraf Q., Galor O.* Dynamics and Stagnation in the Malthusian Epoch // *The American Economic Review*. 2011. Vol. 101. N 5.

⁵ Влияние роста численности населения на экономическое развитие носит амбивалентный характер (см.: *Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю.* Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М., 2012). Широко известны отрицательные так называемые мальтузианские шоки. Но серьезные «вызовы» (по А.Дж. Тойнби) нередко подталкивали человечество к технологическим и институциональным инновациям (Дж. Шумпетер). Возросшая численность и плотность населения при определенных обстоятельствах могут способствовать развитию позитивных экстерналий — через рост спроса, расширение рынков, повышение интенсивности коммуникаций, усиление действия законов конкуренции в обществе, ускорение темпов генерации и диффузии идей. Эмпирически на материалах мировой статистики несложно установить, что при прочих равных условиях, когда среднегодовые темпы прироста численности населения существенно выше (или существенно ниже) 1%, наблюдается в тенденции замедление роста подушевого ВВП.

ВВП в расчете на душу населения (график 2) и индекса человеческого развития (далее — ИЧР, график 3).

ИЧР, который за первые восемьсот лет прошлого тысячелетия в целом по миру вырос не более чем на 1/10, в последующие сто пятьдесят лет увеличился более чем втрое, а затем всего за шесть послевоенных десятилетий повысился как минимум в 2.5 раза. Заметим, что будущие развитые страны, которые по рассматриваемому показателю к началу второго тысячелетия отставали в целом от стран Востока и Юга почти вдвое, сумели, прежде всего вследствие существенного прогресса в своих институциональных и технологических структурах⁶, обогнать последних также, примерно вдвое, к началу промышленного переворота. Максимальным (четыреждыкратным — по ИЧР) этот разрыв оказался в 1913 и 1950 гг.⁷ Затем в результате существенного ускорения темпов экономического и социокультурного развития в целом по развивающимся странам (далее — РС) упомянутый разрыв между развитыми государствами (далее — РГ) и РС⁸ сократился до трехкратного в 1980 г. и примерно 2.5-кратного в 2010 г.

Ничуть не умаляя успехов, достигнутых человечеством за прошлые столетия, обратим внимание на существенные сбои в глобальном росте последних десятилетий, которые усугубились кризисными явлениями, охватившими РГ и многие РС в конце 2000-х — начале 2010-х годов. Хотя в мире продолжается НТР, наступила эра информационных (плюс био- и нано-) технологий, а также произошло значительное (почти на две пятых) уменьшение среднегодовых темпов прироста численности населения (с 1.9–2.0 % в 1960-е до 1.2 % в 2000-е годы), среднегодовые (учтенные) темпы прироста глобального ВВП в расчете на душу населения не выросли,

⁶ Проблемы институциональной и технологической зрелости стран Запада и Востока в доиндустриальную эпоху обсуждаются в работах Л.Б. Алаева, Л.С. Васильева, Л.Е. Гринина, Н.А. Иванова, А.В. Коротаева, В.А. Красильщикова, Э.С. Кульпина, М.С. Мейера, О.Е. Непомнина, С.А. Нефедова, А.М. Петрова, Л.И. Рейснера, А.Л. Рябикина, Н.А. Симонии, П.Ю. Уварова, Л.А. Фридмана, А.И. Фурсова, Г.К. Широкова, а также П. Бэрока, И. Валлерстайна, Дж. Голдстоуна, Э. Джоунса, Й.Л. Ван Зандена, Г. Кларка, Д. Ландеса, У. Макнейла, А. Мэддисона, Дж. Мокира, Я. Морриса, К. Перссона, К. Померанца, Э. Рейнерта, Н. Фергюсона, А.Г. Франка и др.

⁷ См.: Мельянецов В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 145.

⁸ В работе допущен ряд упрощений. В частности, в группу РС включены (если специально не оговорено) и переходные экономики. Некоторые из них, хотя и отличаются в лучшую сторону по уровню развития от многих РС, в разы отстают по этому же критерию от РГ. В 2010 г. подушевой ВВП (в ППС) в РФ не превышал двух пятых от уровня США, в Казахстане — трети от Японии, в Украине — одной пятой от Германии. На страны СНГ приходится менее 8–9 % совокупного ВВП развивающихся и переходных экономик (рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012. P. 20–22; The IMF. World Economic Outlook. 2012. October. P. 179). К тому же РФ, как известно, активно позиционирует себя среди группы БРИКС.

а сократились более чем на четверть — с 2.7–2.8 % 1950–1980 гг. до 1.9–2.1 % в 1980–2010/2012 гг. (график 2).

То что темпы прироста мирового ВВП в расчете на душу населения не снизились еще больше, связано с тем, что резкое падение этого показателя в РГ (с 3.6 % в год в 1950–1980 гг. до 2.5 % в 1980-е гг., 1.8 % в 1990-е гг. и 1.2 % в 2000-е гг.) было в известной мере компенсировано его увеличением в РС (с 2.6 % в 1950–1980 гг. до 3.1 % в 1980–2010 гг.).

Современная парадигма роста развитых государств. Оценивая *макроэкономическую результативность РГ*, подчеркнем, что в целом за последние 50–60 лет в хозяйственных структурах стран Запада и Японии произошли значительные сдвиги, масштаб которых, возможно, недооценен современной статистикой⁹. В результате возникновения *новой экономики*, связанной с ИР и глобализацией, значительно возросла мобильность товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, технологий и информации¹⁰. Вклад экспорта товаров и услуг в прирост глобального ВВП вырос с 1–3 % в 1500–1800 гг. до 10–12 % в 1800–1950 гг., затем удвоился (до 23–25 %) в 1950–1980 гг., а в последующие три десятилетия еще раз почти удвоился (до 42–44 %, в том числе в РС до 36–38 % и в РГ — до 49–51 %)¹¹.

В РГ стала формироваться *знаниемоекая экономика*, в немалой мере основанная на наращивании не вещного богатства, человеческого капитала. *Общие (учтенные) расходы* на образование, здравоохранение и науку в среднем по ведущим странам Запада и Японии выросли с 2.4–2.8 % их ВВП в 1910–1913 гг. до 7.5–8.0 % в 1950 г., 14–15 % в 1973 г. и 18–19 % ВВП в 2006–2008 гг. *Доля инвестиций в человеческий капитал* (затраты на образование, здравоохранение и

⁹ К этому вопросу мы еще вернемся.

¹⁰ Глобализация оказала огромное, хотя и неоднозначное воздействие на мировую экономику. Но ее «размах» все же завышать не стоит. Только 2 % студентов учатся в зарубежных вузах, 3 % людей живут не в тех странах, где родились, 7 % риса торгуется на внешних рынках, менее 1 % американских компаний экспортируют свою продукцию (причем почти три пятых из них только в одну страну). Приток ПИИ не превышает десятой от объема мировых капиталовложений, менее одной пятой венчурного капитала используется вне страны. Примерно такую же долю составляют акции, которые в среднем по миру принадлежат иностранцам. И не больше пропорция интернет-трафика пока еще переходит национальные границы (*Crooks E. America: Riveting Prospects // The Financial Times. January 6. 2011; The Case Against Globaloney // The Economist. 2011. April 23rd*).

¹¹ Рассчитано по следующей формуле: $V = [a \cdot 0.5 (b_1 + b_2) : c] \cdot 100, \%$, где V — вклад экспорта в прирост ВВП, a и c — среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b_1 и b_2 — доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода. Исходные данные взяты из источников к графикам 2 и 3, а также: *Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997. T. 2. P. 306; Maddison A. Monitoring the World Economy. 1820–1992. Paris, 1995. P. 38, 236, 239; The World Bank. World Development Indicators. 1998. P. 206; 2012. P. 244, 248; Мельянецов В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 87, 111.*

НИОКР) в их совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) увеличилась с одной пятой в 1870–1913 гг. до двух пятых в 1950 г., половины в 1973 г. и не менее трех пятых в 2006–2008 гг.¹²

Показатель среднего числа лет обучения взрослого населения, скорректированный с учетом качества, вырос с 7.3 в 1913 г. до 10 в 1950 г., 12–13 в 1973 г. и 17–17.5 лет в 2006–2008 гг.¹³ В РГ создан внушительный по численности «креативный класс»¹⁴. Доля квалифицированных работников в числе занятых в среднем по странам ЕС приблизилась к трем пятым, а в США превысила три четверти¹⁵. По нашим расчетам и оценкам, за последние полвека общая мощность компьютеров в мире увеличилась более чем в 100 млрд раз. Поток информационного обмена в системе интернет ныне удваивается, как минимум, каждые 100 дней¹⁶.

Однако в последние десятилетия экономический рост в РГ, как отмечалось выше, резко замедлился, оказавшись ниже, чем в среднем по РС. При этом если в целом по миру неустойчивость роста мирового ВВП (график 4), измеренная по коэффициенту вариации темпов прироста вокруг среднего¹⁷, выросла более чем на три четверти — с 20–21 % в 1950–1960-е гг. до 28 % в 1970–1980-е гг. и 36–37 % в 1990–2000-е годы¹⁸, то в среднем по РГ — более чем в два с половиной раза (с 28 % до 54 и 75 %). В странах Запада и Японии обозначилась также тенденция к существенному увеличению *предельного коэффициента капиталоемкости роста* (с 5.3 в 1950–1970-е годы до 6.7 в 1980-е, 8.1 в 1990-е и 12.7 в 2001–2010 гг.), а *среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности* (да-

¹² Рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators. 1998; 2003; 2012; UNDP. Human Development Report, 2000; 2009; 2011; Мельянец В.А. Восток и Запад. С. 114, 166.

¹³ Составлено и рассчитано по: Мельянец В.А. Восток и Запад. С. 145, 181–184, 202; *Он же*. Как это произошло. Возникновение и распространение интенсивного способа производства в ныне развитых, развивающихся странах и России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2004. № 3. С. 11; UNDP. Human Development Report, 2000; 2009; 2011; The World Bank. World Development Indicators, 2008; 2010; 2012.

¹⁴ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. С. 60–61.

¹⁵ Васильев В.В. Методология и инструментальный мониторинг информатизации и развития информационной экономики. М., 2006. С. 73.

¹⁶ См.: Мельянец В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12; Building with Big Data // The Economist. 2011. May 28th.

¹⁷ Коэффициент погодовой флуктуации (нестабильности) рассчитан по следующей формуле: $F = \{I \sum (y_i - \bar{y})^2 \cdot n^{-1}\}^{0.5} \cdot (\bar{y}^{-1}) \cdot 100, (\%)$, где F — коэффициент флуктуации, y_i и $\bar{y}$ — соответственно темп прироста ВВП в i -м году и среднегодовой темп прироста ВВП за период, охватывающий n лет.

¹⁸ В 2008–2012 гг. коэффициент составил 66 %.

лее — СФП, график 5) сократились втрое (с 2.9% в 1950–1973 гг. до 1% в 1973–2010 гг.)¹⁹.

Этот парадокс торможения роста в РГ лишь отчасти (по моим подсчетам, на четверть — треть) можно объяснить достижением продвинутыми странами более высокого уровня развития²⁰. Сам феномен имеет, как представляется, комплексный характер. В немалой мере он в условиях быстрого морального обесценения техники и знаний²¹ связан с *недонакоплением физического капитала* (норма капиталовложений в РГ сократилась более чем на четверть — в среднем с 25% в 1960 г. до 17–18% в 2008–2010 гг.); *стагнацией уровня расходов на НИОКР* (после роста в среднем с 0.7% ВВП в 1950 г. до 1.6% в 1960 г., 1.9% в 1973 г. и 2.4% в 1990 г. до 2.2–2.3% впоследствии), а *также расходов на образование* (3.2% в 1950 г. до 4.6% в 1960 г. и 6.2% в 1990 г. и 5.6–5.8% ВВП впоследствии); *уменьшением демографического дивиденда*²², связанного со старением населения (доля населения свыше 65 лет приближается к 1/5, в Японии и Италии — к 1/4; медианный возраст в Японии 45 лет, в странах Запада 39, в РС — 28 лет); *эффектом Баумоля* (в 1950–1960-е годы вклад перемещения труда из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью давал до 10–15% прироста ВВП, а теперь, когда в сфере услуг 3/4 и более занятых, вклад перемещения труда стал отрицательным, эквивалентным в среднем (-)3–7% прироста ВВП); *активной передислокацией производственных мощностей и рабочих мест в РС*²³; *замедлением роста качества в системе образования* (каждый пятый выпускник школы в Великобритании, США и Франции, по оценкам экспертов из РГ, функционально безграмотен);

¹⁹ Рассчитано по: Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). М., 2009. С. 179, 182, 190, 204; The World Bank. World Development Indicators, 2010. P. 228–230, 254–256; 2012. P. 46–48, 214–216, 246–248.

²⁰ См.: Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся. С. 24–25.

²¹ В наше время «технология зачастую теряет актуальность уже через 3–4 года, успев в лучшем случае лишь окупить расходы на разработку» (Малкин В. Высоко-технологичная ловушка: Зачем России инновации // Ведомости. 2010. 17 нояб.). Есть данные, согласно которым в расчетах совокупных факторных затрат недоучитывается амортизация как физического, так и человеческого капитала (Wallis G. Capital Services Growth in the United Kingdom: 1950 to 2006 // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 2009. Vol. 71. N 6. P. 809).

²² Gros D. The Japan Myth // Project Syndicate (www.project-syndicate.org) 2011–01–06. Одно из его проявлений — в том, что ныне в странах Запада и Японии расходы, связанные со старением населения составляют уже 12–13% их ВВП, а через несколько десятилетий этот показатель удвоится (Szabo St. The Washington Bubble: Why US Foreign Policy Is Oversized? // Current History. 2009. Vol. 108. N 721. P. 369).

²³ Kollmeyer Chr. Explaining Deindustrialization // American Journal of Sociology. 2009. Vol. 114. N 6. P. 1667–1670; Still Full of Ideas, but Not Making Jobs // The Economist, April 30th, 2011; Родрик Д. Промышленность — основа жизнеспособной демократии // Ведомости. 2011. 18 авг.

торможением НТП (по числу прорывных изобретений на 100 млн человек РГ находятся на уровне XVII–XVIII вв.)²⁴.

Феномен торможения роста обусловлен также падением престижности труда в сфере науки и образования на фоне галопировавшего в последние два–три десятилетия роста доходов в финансовом секторе²⁵, доля которого в США в общем объеме корпоративных прибылей выросла с 1/6 в 1973–1985 гг. до 2/5 в середине 2000-х годов²⁶. По одной из оценок в США та сфера экономики, диспропорциональное развитие которой вызвало рецессию (финансы, страховое дело, жилищный сектор), в 1995–2009 гг. обеспечила четверть прироста ВВП²⁷. Нарастающие масштабы рискованного инжиниринга в дерегулированном финансовом секторе²⁸, который по имеющимся расчетам в США в 2007 г. сосредоточил 80 % всех банковских кредитов (и возрастающую долю «сметливых умов»)²⁹, тормозили развитие реального сектора экономики РГ и, в конечном счете, спровоцировали возникновение глобального финансового кризиса.

Ныне, как известно, страны Запада и Япония переживают острые проблемы, связанные с резко возросшей (государственной и частной) задолженностью, размеры которой, по меньшей мере, вдвое–втрое

²⁴ Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 26–31.

²⁵ Это привело к резкому усилению неравенства. В 1976–2007 гг. реальная средняя почасовая зарплата американцев практически не увеличилась, в то время как 3/5 прироста ВВП происходило за счет 1 % богатейших. В результате доля последних в совокупных доходах жителей США повысилась с 8.9 до 23.5 %, а разрыв в доходах между верхушечными 0.1 % американцев и низшими 90 % населения страны вырос с двадцати до восьмидесятикратного. Frank R. Income Inequality: Too Big to Ignore // The New York Times. 2010. October 16; Unbottled Gini // The Economist. 2011. January 22nd; Atkinson A., Piketty Th., Saez E. Top Incomes in the Long Run History // The Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. N 1. P. 9; Pаix P. Послешок. М., 2012. С. 5, 21, 66.

²⁶ Brooks D. Greed and Stupidity // The New York Times. 2009. April 3. Несмотря на то что в США произошло существенное замедление роста экономики, доля финансового сектора в ВВП этой страны, по меньшей мере удвоилась — с 4 % в 1981 г. до 8 % в 2008 г. Kumhof M., Ranciere R. Inequality, Leverage and Crises // VoxEU.org. 2011. 4 February.

²⁷ Botox and Beancounting // The Economist. 2011. April 30th. По мнению ряда экономистов, в ряде сегментов этой сферы происходил иллюзорный рост полезностей и было создано много «сомнительной добавленной стоимости», приведшей к разрастанию токсичного виртуального богатства (Stagnation or Inequality // The Economist. 2011. March 5th).

²⁸ Дерегулирование сопровождалось резким увеличением масштабов финансового мошенничества (понци–схемы, манипулирование бухгалтерскими документами, камуфлирование реальных кредитных рычагов), нередко прикрытых причудливыми математическими расчетами. См.: Стиглиц Дж. Крутое пике. М., 2011. С. 17, 204–209, 325–327, 350, 387–389.

²⁹ Bezemer D. Lending Must Support the Real Economy // The Financial Times. November 4, 2009; Brooks D. The Genteel Nation // The New York Times. 2010. September 9.

превышают объемы их ВВП³⁰. Происходит перекалывание частных долгов на общество. Проценты по долгу (и сравнительно немалые военные расходы — в США в 2000 г. 3.0 % ВВП, в 2009 г. 4.7 и в 2010 г. 5.4 % ВВП³¹) уменьшают бюджеты на НИОКР, образование и инфраструктуру³². Спекулятивность экономики, как главная причина последнего кризиса, постигшего мир, к сожалению, быстро «не рассасывается». Это тормозит быстрое преодоление кризиса и серьезно подтачивает столь ценный капитал общества, как доверие³³.

Вместе с тем подчеркнем, что, несмотря на огромные трудности, с которыми столкнулись РГ и уменьшение их веса в ряде значимых глобальных макроагрегатов (ВВП, экспорт товаров и услуг, в потоках ПИИ), они сохраняют *огромную неценовую конкурентоспособность*. На США приходится свыше половины глобальных расходов на военные исследования, 16 из 20 лучших университетов мира, две пятых мировых расходов на НИОКР, почти две трети наиболее часто цитируемых публикаций, большинство нобелевских научных лауреатов³⁴. В 2010 г. разрыв между РГ и РС по величине душевых расходов на НИОКР и числу поданных заявок на патенты в расчете миллион жителей достигал 10–12-кратной, а по количеству опубликованных научных статей на миллион человек 16–18-кратной величины. Хотя доля экономически продвинутых стран в мировом экспорте высокотехнологических товаров сократилась с 78–82 % в 2001 г. до 65–70 % в 2010 г., на них приходится львиная доля (в 2001–2010 гг. свыше 9/10, на США — более половины) мировой экспортной выручки от продажи патентов и лицензий³⁵.

Страны Запада и Япония имеют вследствие более дорогой рабочей силы сравнительно высокий уровень издержек производства. Но они располагают мощным интеллектуально-инновационным потенциалом³⁶ и (пока еще) высоким уровнем качества общественных институтов, которые могут позволить им, пройдя через полосу испытаний, выйти на более высокие технологические траектории

³⁰ Wolf M. How This Crisis Catapulted Us into Future // The Financial Times. 2011. February 1; Plender J. Deleveraging Efforts Have Stalled too Soon // The Financial Times. 2011. February 8.

³¹ The World Bank. World Development Indicators. 2011. P. 292; Scars, Scares and Scarcity // The Economist. 2011. May 14th.

³² Шушунова Е., Сейранян Т. Отказ от экономии приведет США к грани пропасти // Ведомости. 2010. 11 нояб.

³³ Johnson P. The Sickness of the West // Forbes. 2010. March 15. P. 15; Стиглиц Дж. Крутое пике. М., 2011. С. 344.

³⁴ См.: Мельянец В.А. Развитие и развивающиеся страны. С. 60; Алексеев А., Малыгин М. МГУ не вошел в топ–200 The Times // Ведомости. 2010. 16 сент.

³⁵ Рассчитано по источникам к графику 3, а также: The World Bank. World Development Indicators. 2003. P. 204, 304; 2012. P. 24, 334.

³⁶ Wadhwa, Vivek. U.S. Schools Are Still Ahead — Way Ahead // Businessweek. 2011. January 12.

развития³⁷. Не следует также забывать, что *основа глобальной конкурентоспособности* стран Запада и Японии — это их компании, которые нередко зарабатывают от своих внешних операций (в США в 2008 г. в три раза) больше, чем от экспорта товаров и услуг³⁸.

Заметим также, что ныне действующие в РФ системы национальных счетов, созданные для оценки роста индустриализирующихся стран, производящих стандартные товары массового производства, все в меньшей мере способны уловить структурные и качественные сдвиги в их во многом уже постиндустриальных экономиках³⁹. Судя по имеющимся расчетам и оценкам, в действительности дефляторы валового продукта в странах Запада и Японии не занижены, как иногда об этом пишут, в том числе в популярной литературе у нас и за рубежом. Наоборот, с учетом значительно возросшего разнообразия товаров и услуг, улучшения их качественных характеристик (в течение года в РФ треть продуктов заменяется или подвергается существенной модификации)⁴⁰, а также более тщательного и своевременного отражения в ценовых индексах изменения структуры спроса населения (в последнее время такие альтернативные пересчеты сделаны рядом исследователей) можно говорить о том, что официальные данные о динамике агрегативных дефляторов, скорее всего, завышены. В ре-

³⁷ Если, «когда все успокоится», а воздействие кризиса несколько ослабнет, и американцы, возможно, вместе с японцами и некоторыми европейцами возьмутся, как предполагается, за новый мегапроект — освоение глубокого космоса, многим из ныне быстрых стран, но с более слабыми научно-исследовательскими и институциональными системами, до них будет просто не дотянуться (см.: *Покровский В.* Земля ждет эпидемия Красной лихорадки // НГ— наука. 2010. 24 нояб.).

³⁸ *Crooks Ed.* America: Riveting Prospects // *The Financial Times*, January 6, 2011.

³⁹ Услуги в современной экономике / Отв. ред. Л.С. Демидова, В.Б. Кондратьев. М., 2010. С. 130–149; Современные проблемы модернизации экономики зарубежных стран / Отв. ред. В.Б. Кондратьев. М., 2012. С. 182–183; *Nordhaus W.* Traditional Productivity Estimates Are Asleep at the (Technological) Switch // *The Economic Journal*. 1997. Vol. 107. N 444. P. 1553–1555; *Gordon R., Griliches Z.* Quality Change and New Products // *The American Economic Review*. 1997. N 2. P. 86; *Moulton B., Moses K.* Addressing the Quality Change Issue in the Consumer Price Index // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1997. N 1. P. 354; *Hay C.* The ‘Dangerous Obsession’ with Cost Competitiveness and the Not So Dangerous Obsession with Competitiveness // *The Cambridge Journal of Economics*, 2012. Vol. 36. N 2. P. 472–478.

⁴⁰ См.: *Мельяницев В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 30–32, 205–206, 219; *Закария Ф.* Постамериканский мир будущего. М., 2009. С. 214–215. В мире, в котором, в частности, быстрое действие компьютеров, производство софта и вообще информации растет на 45–60 % в год и, по оценкам, ежегодно не менее чем на 1/10 недоучитывается рост качества информационных систем и компьютеров, стало весьма трудно подводить сколько-нибудь окончательные итоги экономического роста (*The Data Deluge* // *The Economist*. 2010. February 25th; *Song M.* The Quality Adjusted Price Index in the Pure Characteristics Demand Model // *The Journal of Business and Economic Statistics*. 2010. Vol. 28. N 1. P. 193, 198). Правда, одновременно недоучитывается растущая в современной экономике доля так называемых транзакционных издержек, которые по методологии нобелевского лауреата по экономике Д. Норта целесообразно для определения чистой добавленной стоимости удалять из ВВП.

зультате среднегодовой темп прироста ВВП в США и ряде других РГ в последние два десятилетия, возможно, недооценен, как считает ряд экономистов, минимум на 0.2–0.7 проц. пункта⁴¹.

Азиатский экономический рывок. Глобализация, сколько бы ее ни критиковали, в целом способствовала ускоренному росту ряда развивающихся, прежде всего азиатских стран⁴², достаточно интенсивно включенных в международные цепочки создания стоимости, с *сильным прорыночным государством*, проводящим *взвешенную* макроэкономическую политику (и избегающим преждевременной либерализации капитальных счетов)⁴³, опирающимся на продвинутые бизнес-ориентированные элиты⁴⁴, огромные массы сравнительно дешевой, деспособной рабочей силы⁴⁵.

По нашим расчетам (график 7), доля РС в приросте глобального ВВП увеличилась с немногим более одной четверти в 1800–1950 гг. до двух пятых в 1950–1980-е годы, свыше трех пятых в 1990-е годы и почти трех четвертей в 2000-е годы⁴⁶. Основываясь на оценках МВФ, можно предположить, что этот показатель составит в 2011–2012 гг. 79–81 % и будет на уровне 74–76 % в период между 2013 и 2017 гг.

Быстрый рост крупнейших азиатских РС стал *мотором глобальной экономики*. Вклад Китая в прирост мирового ВВП увели-

⁴¹ *Bils M.* Do Higher Prices for New Goods Reflect Quality Growth or Inflation? // The Quarterly Journal of Economics. 2009. Vol. CXXIV. Issue 2. May. P. 637, 672–673; *Mulligen van P.* Quality Aspects in Price Indices and Its International Comparisons. Voorburg, Statistics Netherlands. 2003. P. 154–155; *Tortella G.* The Origins of the Twenty-First Century. N. Y., 2008. P. 323; *Corrado C., Hulten Ch.* How Do You Measure a ‘Technological Revolution’? // The American Economic Review. 2010. Vol. 100. N 2. P. 99–104.

⁴² См. об этом: *Stephens Ph.* Crisis Marks Out a New Geopolitical Order // The Financial Times. 2008. October 9; *Singh A.* Asia Leading the Way // Finance and Development. 2010. Vol. 47. N 2; Asia 2050. Realizing the Asian Century. Asian Development Bank. Singapore, 2011; OECD. Looking to 2060: Long-term Global Prospects. Paris, 2012; National Intelligence Council. Global Trends 2030. Alternative Worlds. Washington, D.C., 2012.

⁴³ См.: *Попов В.В.* Стратегии экономического развития. М., 2011; *Потанов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В.* Экономика современной Азии. М., 2011; *Lin J.* Industrial Policy Comes Out of the Cold // Project Syndicate. 2010. 2010–12–01. URL: <http://www.project-syndicate.org>; *Grabel I., Chang H.-J.* Why Capital Controls Are Not All Bad // The Financial Times. 2010. October 25.

⁴⁴ Элиты во многих быстрорастущих азиатских странах руководствуются принципом трех «С», предложенным бывшим сингапурским премьер-министром Ли Куан Ю (commitment, competence, consensus).

⁴⁵ См.: *Фен Ш.* Слово и дело: приватизация по-китайски // Ведомости. 2011. 24 янв.; *Caldwell Chr.* Sins of the Tiger Mothers // The Financial Times. 2011. January 21. Среди факторов, благоприятствовавших росту так называемых быстро догоняющих экономик, можно отнести также практику занижения валютного курса, интеллектуальное пиратство, низкие экологические и социальные стандарты, способствовавшие, сокращению издержек производства, удешевлению экспорта. Это, однако, как известно, в немалой мере осложняло проблемы платежных балансов РГ.

⁴⁶ The IMF. World Economic Outlook. 2012. October. Washington, D.C., 2012. P. 179–190.

чился с 8% в 1980-е годы до 16% в 1990-е, 28% в 2000-е и 32–33% в 2010–2012 гг., а Индии — соответственно с 4% до 6, 11 и 16%. Их совокупная доля в приросте глобальной экономики в последние 10–12 лет оказалась *в три раза (!) выше*, чем у США, Германии и Японии⁴⁷.

Успехам ведущих развивающихся и новоиндустриальных стран Азии в наращивании капиталовложений (КВ), промышленного и экспортного потенциала уделено в литературе много внимания. Подчеркнем, что Китай вышел на третье место в мире по абсолютным расходам на НИОКР, а кроме него в первую десятку вошли также Южная Корея, Индия и Тайвань⁴⁸. По данным на середину 2010 г. по общей производительности суперкомпьютеров КНР занял второе место в мире после США⁴⁹. Китай занял первое место и по числу выпускников вузов. Китай и Индия выпускают специалистов в сфере ИКТ в полтора раза больше, чем все страны Запада. Примерно четверть из них неплохо подготовлены, и они составляют конкурентную угрозу для 1/5 рабочих мест в ЕС и США. К тому же Китай и Индия наращивают военные расходы темпами, в полтора раза превышающими темпы их экономического роста⁵⁰.

По нашей модели⁵¹, в последние два–три десятилетия быстрый хозяйственный рост в странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии *на треть* определялся сравнительно более высокими темпами роста их экспорта⁵²; *наполовину* — более значительным в этих трех

⁴⁷ Рассчитано по источникам к графику 5.

⁴⁸ UNESCO. Science Report. 2010. Paris, 2010; Мельянцеv В.А. Развитые и развивающиеся страны. Ч. 2. Гл. 4.

⁴⁹ Воронин А. Самый быстрый млечный путь. Китайские процессоры обогнали американские // Финансовые известия. 2010. 3 нояб.

⁵⁰ См.: Мельянцеv В.А. Развитые и развивающиеся страны. Ч. 2; Он же. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9. С. 20; Jacobs A. China's Army of Graduates Struggles for Jobs // The New York Times. 2010. December 11; Hille K. China to Boost Military Spending // The Financial Times. 2011. March 4.

⁵¹ $Y = 0.164 * EXP + 0.150 * NKN - 0.052 * GIN - 0.873$, $R^2 \text{ adjusted} = 0.809$, $N = 43$, $L = 1980\text{--}2006$ ($p = 0.0074$) ($p = 0.0002$) ($p = 0.0049$) Y и EXP — соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП и физического объема экспорта; NKN — доля валовых КВ, расходов на образование и НИОКР в ВВП, %; GIN — средний за период показатель Джини по доходам. Основные параметры статистически значимы на уровне менее 1%. См.: Мельянцеv В.А. Африканский подъем на фоне азиатского экономического рывка // Восток как предмет экономических исследований. М., 2008. С. 330.

⁵² В последние два–три десятилетия в РС коэффициент корреляции между динамикой экспорта товаров и услуг (а также нормой КВ) и темпов экономического роста достигал в среднем 0.75–0.85 (Мельянцеv В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 203, 205). Не исключено поэтому, что, если КНР перейдет к модели, в которой большую роль будет играть личное потребление, доля которого в ВВП ныне составляет всего 35–38%, темпы роста экономики могут снизиться (Wolf M. Wen Is Right to Worry about China's Growth // The Financial Times. 2010. September 21).

регионах масштабom накопления физического и человеческого капитала и на одну пятую — более умеренным, чем, например, в Африке южнее Сахары (АЮС) и Латинской Америке (ЛА), уровнем неравенства. В ряде новоиндустриальных стран, например, в Южной Корее, роль экспорта в приросте ВВП была особенно высока, достигая в последние два–три десятилетия 50–60 %, в то время как в более крупных странах, таких как Китай и Индия, она оказалась меньше — соответственно 18–22 и 8–12 % (это обстоятельство в определенной мере способствовало тому, что спад во время мирового экономического кризиса в последних двух странах был меньше)⁵³.

Азиатские новоиндустриальные страны, а также Китай и Индия, при всех немалых дефектах в их хозяйственных механизмах, сумели в последние два–три десятилетия достичь среднегодового темпа прироста *совокупной факторной производительности* (СФП), равного 2 или даже 3 % в год, что в два–три раза выше, чем в РГ и существенно больше, чем в среднем по странам ЛА, АЮС и арабским государствам. Однако до глобального финансового кризиса более или менее устойчиво подтягивалась к РГ по уровню подушевого ВВП лишь одна седьмая часть всех РС. Но и среди последних большинство все еще не дотягивало даже до 1/5 от уровня США⁵⁴.

В РГ средневзвешенный вклад СФП в прирост ВВП в 1980–2010 гг. (43–47 %) был почти вдвое выше, чем в целом по РС (24–26 %, см. графики 5 и 6) и примерно на треть больше, чем в среднем по Китаю, Индии и азиатским НИС (33–37 %)⁵⁵. Хотя ряд

⁵³ Расчеты произведены по следующей формуле: $\Delta Y = d_1 \cdot \Delta S + \Delta X + (d_2 - d_1) \cdot S_2$, где ΔY — прирост ВВП, S_1 и S_2 — внутреннее предложение ресурсов ($Y - X + M$) в начале и конце периода, d_1 и d_2 — соответственно доли внутреннего производства ($Y - X$) в начале и конце периода во внутреннем предложении ресурсов — $(Y - X) / (Y - X + M)$. Прирост ВВП складывается из трех эффектов: увеличения внутреннего спроса, экспортной экспансии и эффекта импорзамещения (исчислено по: The World Bank. World Development Indicators. 1998, 2003, 2008, 2010).

⁵⁴ См.: Мельянец В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 182, 190, 208.

⁵⁵ В последние два–три десятилетия в КНР, в которой норма КВ в ВВП достигла примерно его половины, экономический рост примерно на 3/5 определялся увеличением вклада физического капитала (что не видано по мировым меркам), а рост производительности труда примерно на треть «съедался» снижением капиталоемкости. В результате за счет эффективности (СФП) обеспечивалась только четверть прироста ВВП (см.: Мельянец В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 182, 208). Сравнительно невысокая производительность экономики КНР (и многих других РС и стран с переходной экономикой) вызвана широким распространением коррупции, неэффективностью функционирования госпредприятий, незрелостью банковской системы. В КНР госпредприятия, которые в 2008–2009 гг. располагали 43–47 % всех активов, производили 26–30 % ВВП и общего объема прибылей, но получали при этом свыше 4/5 всех кредитов. По имеющимся оценкам, непогашенные долги в конце 2000-х годов были эквивалентны примерно 10–15 % ее ВВП, а общий объем государственной задолженности (включая долги региональных властей и госбанков) в 2010–2011 гг. достиг 80–90 % ВВП (Lee J. If Only China Were More like Japan // The Business Week. 2010. August 31; Anderlini J. China's Growth Model 'Unsustainable' //

быстрорастущих стран Востока и Юга стал подтягиваться к РГ не только по показателю подушевого ВВП и ИЧР, но и по уровню СФП (в 1980–2010 гг. в Китае этот показатель относительно США вырос примерно на две трети⁵⁶), отставание по последнему индикатору от США во второй половине 2000-х годов составляло по Нигерии 7–9 раз, по Египту, Китаю и Индии 5–7, по Бразилии примерно 3, по Южной Корее 1.5 раза, что определялось более низкими у них, чем в среднем по РГ, характеристиками свободы ведения бизнеса, качества инфраструктуры, институтов, технологий.

Многие, даже весьма успешные, РС испытывают немало финансово-экономических, социальных и экологических проблем. В ряде сценариев будущего развития мировой экономики предполагается *торможение роста азиатских стран* в связи с обострением у них структурных диспропорций, возникновением «ловушки среднего уровня развития»⁵⁷. Наш расчет по ряду успешных азиатских стран показывает, что достижение, например, 20 % уровня подушевого ВВП США (в КНР в 2010 г. 16 %) может, при прочих равных условиях, «сбить» среднегодовой темп его прироста до 4–5 % (график 8). Кстати, в Китае, в котором, по предварительным оценкам, в 2011–2012 гг. подушевой ВВП достиг примерно 17–18 % от уровня США, произошло, судя по расчетам, сделанным профессором П. Чованеком из университета Цинхуа на основе композитных индикаторов, замедление роста ВВП до 4–5 % в год⁵⁸.

The Financial Times. 2010. December 23; *Elliot W.* Stimulus Spree Leaves China on the Edge // *Euromoney*. 2010. April. P. 113; Let a Million Flowers Bloom // *The Economist*. 2011. March 12th; *Anderlini J.* Behind Its Lectures, China Is a Sinner Too // *The Financial Times*. 2011. August 11). О пропорциях и диспропорциях в китайской модели роста см. также: *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009; *Гельбрас В.Г.* Экономика Китайской Народной Республики. М., 2010; *Хуан Я.* Капитализм по-китайски. М., 2010.

⁵⁶ Рассчитано по следующей формуле: $TFR_c / TFR_u = (Y_c / (L_c^{0.65} * K_c^{0.35})) / (Y_u / (L_u^{0.65} * K_u^{0.35}))$, где TFR_c и TFR_u , Y_c и Y_u , L_c и L_u , K_c и K_u соответственно уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в Китае и США. Объем капитала рассчитан методом непрерывной инвентаризации, предложенным Р. Голдсмитом. Исчислено по источникам к графикам 2 и 3.

⁵⁷ Речь идет об уменьшении демографического дивиденда и эффекта межотраслевого перемещения занятых в КНР, удорожании рабочей силы и юаня, невозможности продолжать рекордное по темпам наращивание капиталовооруженности труда. *Asia 2050. Realizing the Asian Century*. ADB. Singapore, 2011; *Eichengreen B. et al.* When Fast Growing Economies Slow Down. NBER, Cambridge, MA, 2011; *China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society*. The World Bank, Washington, D.C., 2012; Торможение Китая. Специальный доклад // Эксперт. 2012. № 42 (824). С. 40–63. К тому же, учитывая исторические прецеденты, вряд ли можно ожидать, что передовые государства «без боя» сдадут свои позиции догоняющим странам.

⁵⁸ *Anderlini J.* Economists Weigh a Chinese 'Hard Landing' // *The Financial Times*. 2012 August 19. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/cc05e828-e860-11e1-8ffc-00144feab49a.html#axzz246ERrLAS>. В дискуссиях, развернувшихся в последнее время о путях развития современного Китая, обсуждаются такие острые проблемы, как

Между тем, судя по данным графиков 3 и 9, несмотря на некоторое *сокращение относительного разрыва* в подушевом ВВП и ИЧР между РГ и РС, произошедшее в целом за последние три с небольшим десятилетия⁵⁹, *абсолютный разрыв* в этих показателях между ними заметно вырос. По ВВП в расчете на душу населения в 1950–1980 гг. — более чем в три раза, в 1980–2012 гг. — в 1.6–1.7 раза, а по ИЧР — соответственно в полтора и в 1980–2010 гг. — в 1.2 раза (графики 3 и 9).

Хотя доля бедных, которая прежде всего благодаря экономическим успехам Китая сократилась в 1980–2000-е гг. в среднем по РС более чем в полтора раза, она все еще превышает 2/5⁶⁰. Показатель внутреннего неравенства по доходам (коэффициент Джини), который во многих азиатских РС вырос за последние два–три десятилетия (в КНР — с 0.25 до 0.45–0.50⁶¹, приблизившись к уровню латиноамериканских и субсахарских стран), почти на треть выше, чем в среднем по РГ. Ресурсозатратный экономический рост в таких огромных многонаселенных странах, как Китай и Индия, ощутимо сказывается на состоянии окружающей среды и здоровья населения в этих и близлежащих странах⁶². Растущий уровень неравенства и в

несбалансированно высокий уровень накопления и соответственно низкий уровень потребления, препятствующие углублению и расширению внутреннего рынка страны, низкий уровень собственных технологических разработок, сохранение имитационной модели развития и превалирование экстенсивных факторов роста; эффективность его финансовой системы; возросшие в стране уровень коррупции, дифференциации доходов и богатств, а также экологическое неблагополучие (см.: Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 92–101, 440–492; Гельбрас В. Г. Экономика Китайской Народной Республики. М., 2010. С. 316–320, 395–400, 621–636; Хуан Я. Капитализм по-китайски. М., 2010. С. 275–346; Roach St. The Next Asia. New Jersey, 2009; Meyer Cl. La Chine, centre du monde // Etudes. 2010. N 4124. P. 440–442; Gulard M. Le modèle chinois atteint-il ses limites? // Problèmes économiques. 2010. N 3006. P. 17; Leichman E. L'Argent cache des Chinois // Problèmes économiques. 2011. N 3021. P. 12–15).

⁵⁹ В частности, по первому показателю он вначале, в 1950–1980 гг. увеличился с 6.3 до 8.4-кратной величины, затем, по предварительным данным, за 2012 г. опустился до 5.5–5.6, т. е. достиг значения более низкого, чем в 1950 г.

⁶⁰ The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012. P. 72.

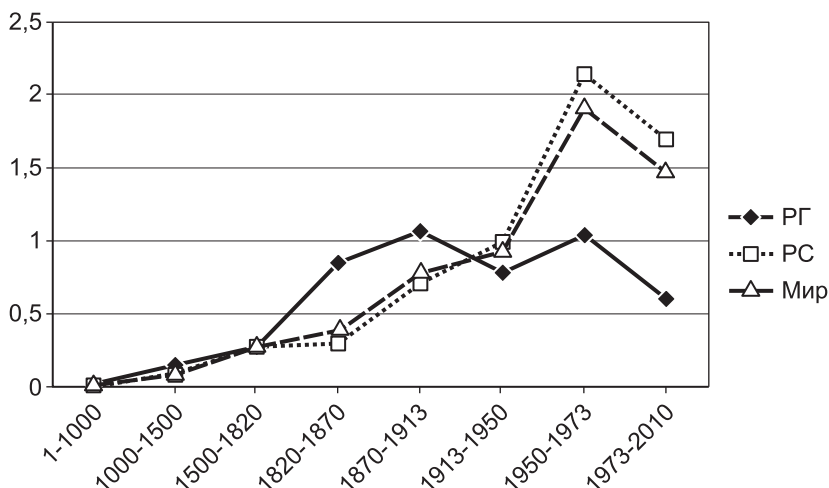
⁶¹ В КНР в 1998–2007 гг. доля зарплаты в ВВП сократилась на четверть — с 53 % до 40 % (Завадский М. Новый китайский горизонт // Эксперт. 2011. № 2. 17 янв.). По оценкам, делающим поправку на недоучтенные теневые доходы китайских чиновников и предпринимателей, реальный разрыв в доходах верхних и нижних десяти процентов китайского общества в конце 2000-х годов превышал 23-кратную величину (Roberts D. China's Growing Income Gap // The Business Week, January 31, 2011; Lai H. Uneven Openness of China's Society, Economy, and Politics // The Journal of Contemporary China. 2010. Vol. 19. N 67. P. 828). Публикуемые по Индии данные о неравенстве (в 2005 г. показатель Джини по расходам населения 0.33–0.34), скорее всего, приукрашивают ситуацию (The World Bank. World Development Indicators, 2012. P. 75). Согласно одному из обследований, реальный уровень неравенства по доходам мог быть примерно в полтора раза выше (For Richer, for Poorer // The Economist. 2012. October 13th. Special Report. P. 8).

⁶² Китай потребляет по меньшей мере половину мирового производства цемента, треть — стали, четверть — алюминия. Хотя в Китае энергоотдача росла в последние два десятилетия в два–три раза быстрее, чем в среднем по миру, энер-

коммунистическом Китае и демократической Индии способен при неблагоприятном стечении обстоятельств дестабилизировать в них социально-политическую обстановку (как это произошло, например, в ряде арабских стран)⁶³.

График 1

Среднегодовые темпы прироста численности населения в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, %

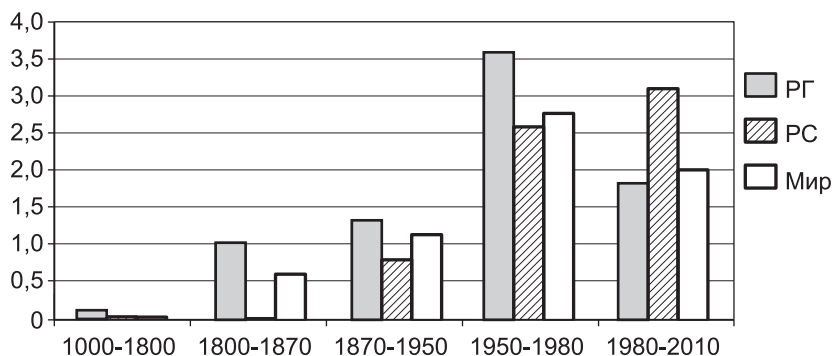
Рассчитано по: *Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. N. Y., 2007. P. 376; The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012. P. 42–44.*

гоемкость его ВВП (по ППС) все еще в два раза выше, чем в среднем по РГ. КНР, наращивая почти шестипроцентными темпами производство CO₂, сумела, еще не догнав США по объему ВВП (в 2010 г. 67–69% от уровня США), перегнать их по выпуску двуокси углерода (в 1990–2007 гг. доля США в его мировом производстве снизилась с 21–22% до 19,0%, а Китая, напротив, увеличилась — с 11 до 21–22%). По имеющимся оценкам, в КНР в 1980–2000-е годы среднегодовой темп прироста так называемого зеленого ВВП был на 2–2,5 проц. пункта ниже роста официального ВВП (составлено и рассчитано по: *The World Bank. World Development Indicators, 2011. P. 154–156; Wang Y. Green Action in China. Beijing, 2006. P. 88; Мельянец В.А. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9. С. 22; Pilling D. How Being Big Helps and Hiders China // The Financial Times. 2010. October 6; Hook L. China Warned on Pollution Threat to Growth // The Financial Times. 2011. February 28.*

⁶³ См.: *Мельянец В.А. Развитые и развивающиеся страны. С. 147–170; Он же. Арабо-исламский мир в 1980–2000-е годы: тенденции и противоречия экономического и социального развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2011. № 2. Число официально зарегистрированных общественных выступлений в КНР росло в 1994/2006–2009 гг. среднегодовым темпом, в два–три раза превышающим официальный показатель увеличения ВВП (*Lai H. Uneven Openness of China's Society, Economy, and Politics // The Journal of Contemporary China. 2010. Vol. 19. N 67. P. 831; Why China Fears the Arab Spring // The Financial Times. 2011. February 28; Anderlini J. Why China's Leaders Respond to Nimbyism // The Financial Times. 2011. August 17).**

График 2

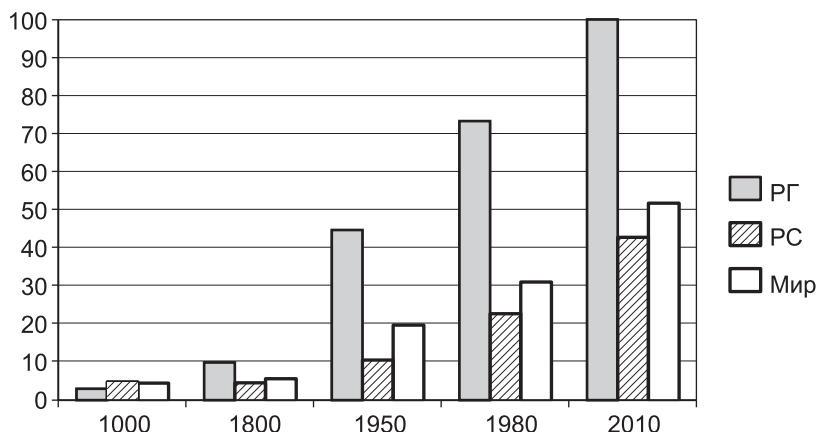
Среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, %

Рассчитано на основе данных в ППС 2010 г. по: The World Bank. World Development Indicators. 2012. P. 42–44, 214–216; The IMF. World Economic Outlook. 2011. September. P. 167; 2012. October. P. 190; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003. P. 174, 232–233; Мельяницев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 61, 145.

График 3

Динамика индекса человеческого развития в развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру (РГ в 2010 г.=100)

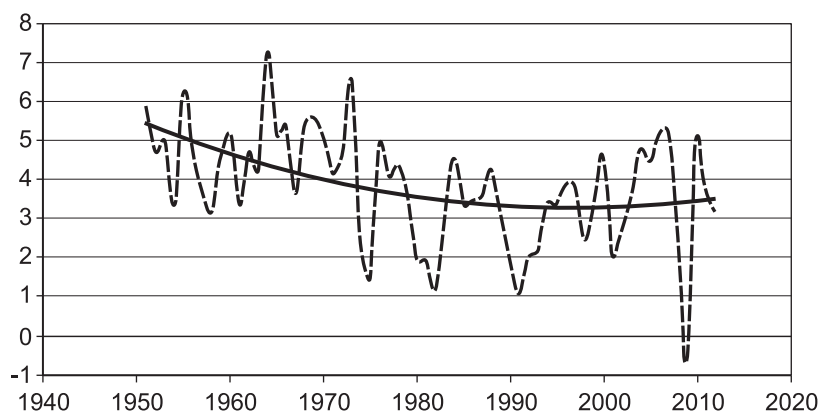

Примечание. Индекс человеческого развития (ИЧР) рассчитан как среднегеометрическое относительных показателей подушевого ВВП (в ППС 2010 г.), средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, уровня образования взрослого населения (за 1000–1800 гг. оценено по грамотности, за 1800–2010 гг. — по среднему числу лет обучения). ИЧР по группам стран и в целом по миру взвешен по численности населения.

Рассчитано по: Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 61, 145; *Он же*. Как это произошло. Возникновение интенсивного способа производства в ныне развитых, развивающихся странах и России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востокведение. 2004. № 3. С. 36–37; *Он же*. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). М., 2009. С. 206; The World Bank. World Development Indicators, 2012. P. 22, 86–88, 130, 214–216.

График 4

Темпы прироста ВВП в среднем по миру, %

Рассчитано по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003. P. 236; The IMF. World Economic Outlook. 2008. October. P. 259; 2012. October. P. 190.

График 5

Развитые государства: среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП) и ее вклад в прирост ВВП, %

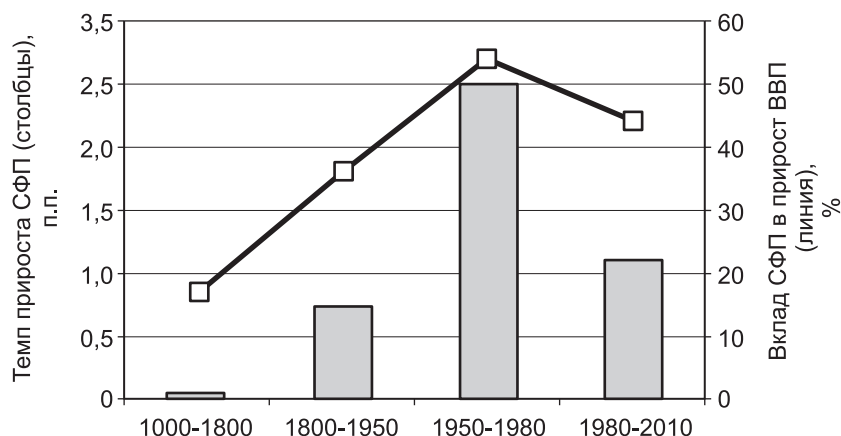
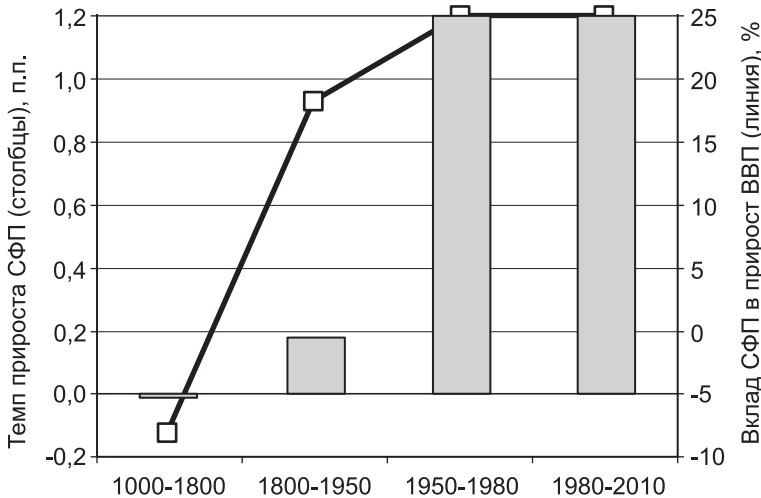

График 6

Развивающиеся страны: среднегодовые темпы прироста факторной производительности (СФП) и ее вклад в прирост ВВП, %

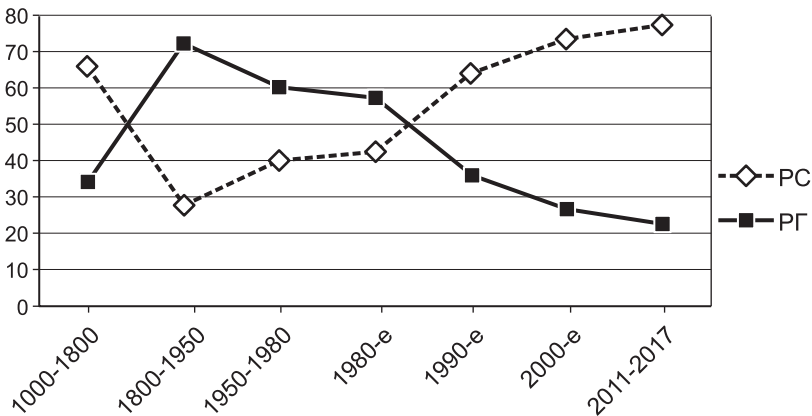

Примечания: 1. Рассчитано по формуле: $y = \alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k + r$, где y , l , k и r — среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и совокупной факторной производительности; 2. Вклад СФП в прирост ВВП рассчитан по формуле: $u = r/y$, %; 3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными соответственно в 1000–1800 гг. 0,8 и 0,2; в 1800–1950 гг. 0,7 и 0,3 и в 1950–2010 гг. 0,65 и 0,35.

Графики 5 и 6 рассчитаны по источникам к графикам 2–4, а также: Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 58, 95, 121, 198, 190–191, 201, 224; Он же. Развивающиеся и развивающиеся страны. С. 18–19, 138, 182; Он же. Как это произошло. С. 39–40.

График 7

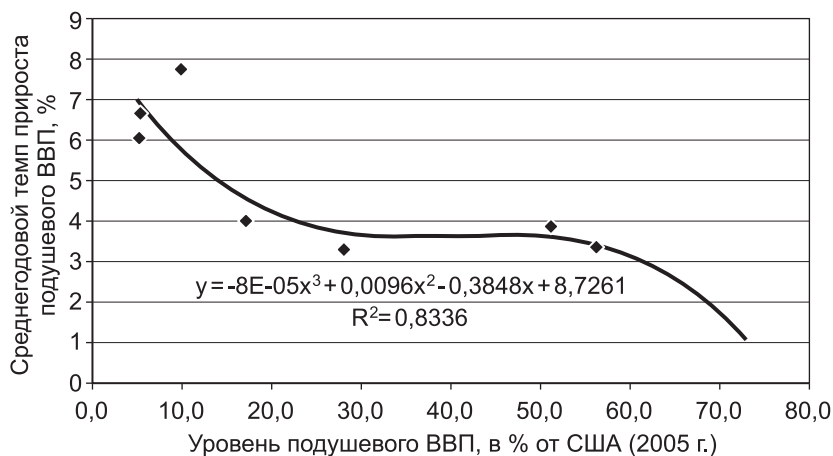
Доля развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в приросте мирового ВВП, %

Рассчитано по источникам к графикам 2 и 3.

График 8

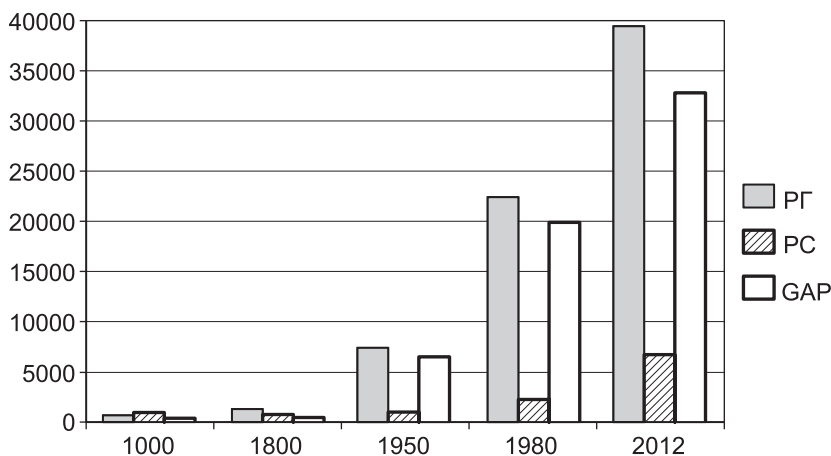
Влияние уровня подушевого ВВП на среднегодовой темп его прироста (2000-е гг.), %

Рассчитано по группе азиатских НИС, КНР, Индии, Вьетнаму и Японии по: The World Bank. World Development Indicators, 2008. P. 8–10; 2011. P. 194–196; ADB. Key Indicators for Asia and the Pacific, 2011. Manila, 2011. P. 161, 173.

График 9

Динамика абсолютного разрыва (GAP) в подушевом ВВП (в долл., ППС 2010 г.) между развитыми государствами и развивающимися странами (РС)

Примечание: данные за 2012 г. — предварительные.

Рассчитано по источникам к графику 3, а также: The IMF. World Economic Outlook. 2012. October. P. 190, 194.

Список литературы

- Акимов А.В., Яковлев А.И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012.
- Балацкий Е. В. Рец. на книгу Н. Талеба «Черный лебедь» // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 6.
- Башикатова А. Виртуальная экономическая реальность Росстата // Независимая газета. 2011. 15 июня.
- Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009.
- Воронин А. Самый быстрый млечный путь. Китайские процессоры обогнали американские // Финансовые известия. 2010. 3 нояб.
- Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. М., 2010.
- Гуриев С., Цывинский О. Россия — лидер по распределению богатства // Ведомости. 2012. 11 июня.
- Давыдов А.А. Системная социология. М., 2007.
- Жуков С.В. Развивающиеся страны: углубление дифференциации // Современное состояние бизнес-среды развивающихся стран / Отв. ред. А.А. Рогожин. М., 2006.
- Иноземцев В. Украденное завтра // Известия. 2010. 28 сент.
- Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. М., 2008.
- Колодко Гж. Мир в движении. М., 2009.
- Колодко Гж. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М., 2011.
- Кузакова О.А., Бобко Е.И. История мировой экономики. СПб., 2011.
- Лесков С. Скипетры науки вечны // Известия. 2010. 21 сент.
- Малкин В. Высокотехнологичная ловушка: Зачем России инновации // Ведомости. 2010. 17 нояб.
- Масарский М. В. Неустойчивость порядка. Очерки философии истории. М., 2010.
- Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.
- Мельянцева В.А. Как это произошло. Возникновение интенсивного способа производства в ныне развитых, развивающихся странах и России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2004. № 3.
- Мельянцева В.А. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9.
- Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (Сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). М., 2009.
- Мельянцева В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12.
- Мир в 2050 г. / Под ред. Д. Франклина и Дж. Эндрюса. М., 2013.
- Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. М., 2011.
- Мойо Д. Как погиб Запад. 50 лет экономической неадаптивности и суровый выбор впереди. М., 2012.
- Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии. М., 2011.
- Прогноз и моделирование кризисов в мировой динамике / Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М., 2009.

- Райх Р. Послешок. М., 2012.
- Рейнхарт К., Рогофф К. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М., 2011.
- Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011.
- Россия и мир в 2020 г. М., 2005.
- Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М., 2012.
- Смил В. Глобальные катастрофы и тренды: следующие 50 лет. М., 2012.
- Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011.
- Стратегический глобальный прогноз 2030 / Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2011.
- Торможение Китая. Специальный доклад // Эксперт. 2012. № 42 (824).
- Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. М., 2010.
- Шапиро Р. Прогноз на будущее. М., 2009.
- Услуги в современной экономике / Отв. ред. Л.С. Демидова, В.Б. Кондратьев. М., 2010.
- Феллер В. В смуту XXI века. Самара, 2002.
- Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.
- Фридман Дж. Следующие сто лет. М., 2010.
- Фридман Л.А. Процесс глобализации и его воздействие на развитые и развивающиеся страны. М., 1999.
- Фридман Л.А. О многовариантности международных экономических сопоставлений // Россия в окружающем мире. М., 2006.
- Фридман Л.А. Россия и страны мира в XIX — начале XXI века // Россия в окружающем мире. М., 2007.
- Фридман Л.А. «Бедность» и «богатство» человеческих сообществ и государств в I и XXI веке н.э. (опыт количественной оценки) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М., 2011.
- Хуан Я. Капитализм по-китайски. М., 2010.
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М., 2002.
- Шишков Ю.В. Глобальная дифференциация подушевых доходов: некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 3.
- Эльянов А.Я. К вопросу о догоняющем развитии // Восток как предмет экономических исследований / Отв. ред. А.М. Петров. М., 2008.
- Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. L., 2012.
- Anderlini J. Behind Its Lectures, China Is a Sinner Too // The Financial Times. 2011. August 11.
- Anderlini J. Economists Weigh a Chinese 'Hard Landing' // The Financial Times. 2012. August 19.
- Ashraf Q., Galor O. Dynamics and Stagnation in the Malthusian Epoch // The American Economic Review. 2011. Vol. 101. N 5.
- Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris, 2011.

- Atkinson A., Piketty Th., Saez E.* Top Incomes in the Long Run History // The Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. N 1.
- Bairoch P.* Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997. T. 1, 2, 3.
- Bils M.* Do Higher Prices for New Goods Reflect Quality Growth or Inflation? // The Quarterly Journal of Economics. 2009. Vol. CXXIV. Issue 2.
- Boserup E.* Population and Technology. Oxford, 1981.
- Botox and Beancounting // The Economist. 2011. April 30th.
- Brooks D.* Greed and Stupidity // The New York Times. 2009. April 3.
- Brooks D.* The Genteel Nation // The New York Times. 2010. September 9.
- Building with Big Data // The Economist. 2011. May 28th.
- Caballero R.* Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // The Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. N 4.
- The Case Against Globaloney // The Economist. 2011. April 23rd.
- Corrado C., Hulten Ch.* How Do You Measure a ‘Technological Revolution’? // The American Economic Review. 2010. Vol. 100. N 2.
- Crooks E.* America: Riveting Prospects // The Financial Times. 2011. 6 Jan.
- The Data Deluge // The Economist. 2010. February 25th.
- Davies H.* Economics in Denial // Project Syndicate. 2012. August 22. URL: <http://www.projectsyndicate.org/commentary/economics-in-denial-by-howard-davies>
- Deaton A.* Price Indexes, Inequality and the Measurement of World Poverty // The American Economic Review. 2010. Vol. 100. N 1.
- Economic Forecasts: Hard to Rely On? // The Finance and Development. 2008. September.
- Eichengreen B. et al.* When Fast Growing Economies Slow Down. NBER, Cambridge, MA, 2011.
- Emerging Economies Now Have Greater Heft on Many Measures than Developed Ones // The Economist. 2011. August 6th.
- For Richer, for Poorer // The Economist. 2012. October 13th. URL: <http://www.economist.com/node/21564414>
- Frank R.* Income Inequality: Too Big to Ignore // The New York Times. 2010. October 16.
- Grabel I., Chang H.-J.* Why Capital Controls Are Not All Bad // The Financial Times. 2010. October 25.
- Gros D.* The Japan Myth // Project Syndicate. 06.01.2011. URL: <http://www.project-syndicate.org>
- Gulard M.* Le modèle chinois atteint-il ses limites? // Problèmes économiques. 2010. N 3006.
- Hay C.* The ‘Dangerous Obsession’ with Cost Competitiveness and the Not So Dangerous Obsession with Competitiveness // The Cambridge Journal of Economics. 2012. Vol. 36. N 2.
- Hook L.* China Warned on Pollution Threat to Growth // The Financial Times. 2011. February 28.
- Jacobs A.* China’s Army of Graduates Struggles for Jobs // The New York Times. 2010. December 11.
- Johnson P.* The Sickness of the West // Forbes. 2010. March 15.

Kay J. Economics Fails to Resolve Exceptions to the Rule // *The Financial Times*. 2011. September 6.

Kollmeyer Chr. Explaining Deindustrialization // *American Journal of Sociology*. 2009. Vol. 114. N 6.

Kumhof M., Ranciere R. Inequality, Leverage and Crises // *VoxEU.org*. 2011. February 4.

Kuznets S. *Modern Economic Growth*. New Haven, 1966.

Leichman E. L'Argent cache des Chinois // *Problèmes économiques*. 2011. N 3021.

Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris, 1995.

Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, 2003.

Maddison A. *Contours of the World Economy, 1–2030 AD*. N.Y., 2007.

Morris I. *Why the West Rules for Now. The Patterns of History and What They Reveal About the Future*. L., 2011.

Morrison Chr., Murtin F. Inégalités et pauvreté depuis trois siècles // *Commentaire*. 2012. N 138.

Moulton B., Moses K. Addressing the Quality Change Issue in the Consumer Price Index // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1997. N 1.

Rhee Ch. Inequality Threatens Asia Growth Miracle // *The Financial Times*. 2012. May 7. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/fba71e2c-9607-11e1-9d9d-00144-feab49a.html#axzz1wOBj0Vda>

Roberts D. China's Growing Income Gap // *The Business Week*. 2011. January 31.

Rodrik D. *The Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist*. Oxford, 2011.

Romer P. What Parts of Globalization Matter for Catch-Up Growth? // *The American Economic Review*. 2010. Vol. 100. N 2.

Roubini N. Is Capitalism Doomed? // *Project-Syndicate*. 15.08.2011. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/roubini41/English>

Song M. The Quality Adjusted Price Index in the Pure Characteristics Demand Model // *The Journal of Business and Economic Statistics*. 2010. Vol. 28. N 1.

Still Full of Ideas, but Not Making Jobs // *The Economist*. 2011. April 30th.

Stagnation or Inequality // *The Economist*. 2011. March 5th.

Sutcliffe R. *World Inequality and Globalization // Globalization and Economy*. Vol. 1 / Ed. by P. James, B. Gills. Los Angeles, 2007.

Szabo St. The Washington Bubble: Why US Foreign Policy Is Oversized? // *Current History*. 2009. Vol. 108. N 721.

Tortella G. *The Origins of the Twenty-First Century*. N. Y., 2008.

Unbottled Gini // *The Economist*. 2011. January 22nd.

Wadhwa V. U.S. Schools Are Still Ahead — Way Ahead // *Businessweek*. 2011. January 12.

Wallis G. Capital Services Growth in the United Kingdom: 1950 to 2006 // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2009. Vol. 71. N 6.

What Went Wrong with Economics // *The Economist*. 2009. July 16th.

Why China Fears the Arab Spring // *The Financial Times*. 2011. February 28.

Wolf M. How This Crisis Catapulted Us into Future // *The Financial Times*. 2011. February 1.

Zak P., Knack St. Trust and Growth // *The Economic Journal*. 2001. Vol. 111. April.

Источники

- ADB. Key Indicators for Asia and the Pacific, 2011. Manila, 2011.
- ADB. Asia 2050. Realizing the Asian Century. Singapore, 2011.
- Credit Suisse. Global Wealth Report 2012. Geneva, 2012.
- Economic Report of the President. Washington, D.C., 2012.
- The IMF. World Economic Outlook. Washington, D.C., 2008, 2011–2012.
- Markets Overview. 11.15.2012. URL: <http://www.bloomberg.com/markets>
- National Intelligence Council. Global Trends 2030. Alternative Worlds. Washington, D.C., 2012.
- OECD. Looking to 2060: Long-term Global Prospects. Paris, 2012.
- Political Instability Index. 15.11.2012. URL: http://viewswire.eiu.com/site_info.asp?info_name=instability_map&page=noads
- Transparency International. Corruption Perceptions Index, 2012, Washington, D.C., 2012. URL: <http://www.transparency.org>
- UNDP. Human Development Report. N. Y., 2000, 2009, 2011.
- UNESCO. Science Report, 2010. Paris, 2010.
- UN. National Accounts Main Aggregates Database. URL: <http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast.asp>
- The World Bank. China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. Washington, D.C., 2012.
- The World Bank. Global Economic Prospects, 2011. Washington, D.C., 2011.
- The World Bank. Russian Economic Report. Washington, D.C., 2008. N 16; 2010. N 22.
- The World Bank. Where Is the Wealth of Nations. Washington, D.C., 2006.
- The World Bank. World Development Indicators. Washington, D.C., 1998, 2003, 2008, 2010–2012.

Сведения об авторе: *Мельянец Виталий Альбертович*, докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vamel@iaas.msu.ru

А.С. Каимова

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ТАЙВАНЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

Объектом рассмотрения данной статьи является проблема «тайваньской идентичности», способная оказать прямое влияние на будущее развитие отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Данная тема занимает важное место в исследованиях тайваньских и западных авторов, однако практически не изучена в отечественной историографии. В статье рассматриваются особенности определения понятия «тайваньской идентичности» и связанные с ними терминологические трудности и отдельные явления тайваньской общественной жизни.

Ключевые слова: «тайваньская идентичность», национальная идентичность, государственная идентичность, этническая идентичность, отношения между основными этническими группами Тайваня.

The article deals with the problem of “Taiwanese identity”, that may have a direct impact on the future development of the relations between the two sides of Taiwan strait. This subject attracts the attention of many Taiwanese and Western researchers but is still poorly studied in Russian historiography. The article discusses main peculiarities of defining the notion of “Taiwanese identity” and related to this terminological difficulties and certain phenomena of Taiwanese social life.

Key words: “Taiwanese identity”, national identity, state identity, ethnic identity, relations between main ethnic groups of Taiwan.

Понятие «национальная идентичность» является одной из базовых категорий теории национализма, под которой обычно подразумевается отнесение индивидом себя к определенной группе людей (нации), члены которой разделяют общие территорию, культуру, язык, обычаи, верования, историческую память и др. В историографии национализма сложилось традиционное разделение на «западную» и «восточную» концепции нации, первая из которых в качестве ключевых особенностей нации называет историческую территорию, законно-политическое равенство ее представителей и общую гражданскую культуру и идеологию, в то время как вторая (характерная для Восточной Европы и Азии) делает акцент на общности происхождения, языка, традиций и тем самым определяется как «этническая концепция нации». При этом, как отмечает большинство исследователей, в современном мире как на Западе, так и

на Востоке, сложно найти пример той или иной концепции нации в чистом виде¹.

Понятие «тайваньская идентичность» (*Тайвань жэньтун/ Тайваньжэнь жэньтун*) или «тайваньское самосознание» (*Тайвань иши/ Тайваньжэнь иши*) является одним из самых употребляемых сегодня терминов, который можно встретить как в научных трудах, посвященных самым разным аспектам социально-политического развития Китайской Республики (КР), так и в выступлениях лидеров основных партий Тайваня в моменты обострения политической борьбы и в СМИ².

Если обратиться к определению идентичности в общей аналитической литературе, то под «тайваньской идентичностью» следует понимать самоидентификацию жителей острова как «тайваньцев» (а не «китайцев»³) и, если воспользоваться терминологией английского исследователя национализма Бенедикта Андерсона, восприятие ими себя в качестве особого «воображаемого сообщества», рамки которого ограничиваются территорией самого Тайваня и нескольких групп островов, находящихся под юрисдикцией КР. Вопрос заключается в том, можно ли говорить, что это «воображаемое сообщество» понимается его членами как отдельная нация, т. е. можно ли назвать «тайваньскую идентичность» «национальной идентичностью» или это всего лишь одна из региональных идентичностей, характерных как для Китая, так и для других стран мира, и в качестве которой «тайваньское самосознание» воспринимается правительством Китайской Народной Республики (КНР), отстаивающим принцип «одного Китая» и неизменно подчеркивающим, что Тайвань — его «неотъемлемая часть».

Большинство научных трудов, затрагивающих тему «тайваньской идентичности», рассматривают ее в свете многочисленного круга вопросов, таких как «национальная идентичность жителей

¹ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Prigin and Spread of Nationalism*. L.; N.Y., 2006; Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford, 2006; Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780*. N.Y., 2012; Smith A.D. *Nationalism*. Cambridge, 2010; Smith A.D. *National Identity*. L.; N.Y., 1991.

² Главным апологетом «тайваньской идентичности» на острове является Демократическая прогрессивная партия (ДПП или Миньцзиньдан, образована в 1986 г.), позиция которой противостоит установке партии Гоминьдан, поддерживающей принцип «одного Китая».

³ В данной связи «тайваньская идентичность» противостоит «китайской идентичности», насаждаемой на острове гоминьдановским правительством после 1945 г., когда Тайвань был передан под управление КР в результате поражения Японии, колонией которого остров был в 1895– 1945 гг., во Второй мировой войне. После эвакуации гоминьдановского правительства на Тайвань в результате его поражения в Гражданской войне с КПК в 1949 г., когда остров превратился в базу для последующего возвращения ГМД на материк, необходимость распространения на Тайване «китайской идентичности» стала еще более острой.

Тайваня», «этническая идентичность» тайваньцев, отношение к «вопросу об объединении Тайваня с материковым Китаем или его независимости» (*тунду взънъти*) и т. д. В связи с этим крайне важно разобраться в том, какой смысл тайваньские и западные исследователи вкладывают в такие понятия, как «национальная» и «этническая идентичность».

Тайваньская «национальная идентичность». Существует три варианта перевода английского термина “national identity” на китайский язык: «*гоцзя жэньтун*» (где слово «*гоцзя*» чаще всего переводится на русский язык как «государство»), «*миныцзу жэньтун*» («*миныцзу*» — «нация») и «*гоцзу жэньтун*» («национально-государственная идентичность»), являющийся синтезом двух первых вариантов. Во многом причиной такого разнообразия переводов служит многозначность английского слова «*nation*», под которым могут иметься в виду такие близкие, но все же различные понятия, как «нация» и «государство». Неслучайно англоязычные исследователи национализма ввели в оборот сочетание «*nation-state*» (национальное государство), поскольку, согласно наиболее авторитетным теориям, главной целью любого националистического движения является образование национального государства, без наличия которого существование нации невозможно.

Многие тайваньские исследователи практически ставят знак равенства между терминами «*гоцзя жэньтун*» и «*миныцзу жэньтун*» и зачастую пользуются ими как взаимозаменяемыми, а также употребляют их наряду с другими понятиями, такими, как «проблема независимости Тайваня или его объединения с Китаем» или «этническая идентичность» (*цзуюнь жэньтун*). В то же время некоторые авторы, наоборот, склонны различать эти понятия и даже утверждать неправомерность одного или другого. Так, например, один из крупнейших исследователей проблемы «национальной идентичности» тайваньцев, научный сотрудник Института социологии Академии «Синика», У Найдэ, в своей статье «Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня» утверждает, что перевод понятия «*гоцзя жэньтун*» как «государственная идентичность» (*state identity*) неверен. Для У «*гоцзя жэньтун*» — это «национальная идентичность». Более того, развивая свою теорию, У Найдэ приходит к выводу, что понятие «*гоцзя жэньтун*» в принципе невозможно, так как государство — это «правлящий авторитет», «система политической власти», а не «человеческая общность», с которой можно себя идентифицировать. Что касается «государственной системы», то «индивид может поддерживать ее, служить ей или противостоять ей, но никак не может идентифицировать себя с ней». Таким образом, существование «национальной идентичности», по мнению У Найдэ, возможно лишь в значении

«миньцзу жэньтун» (*national identity*), где «миньцзу» выступает как нация — группа людей⁴.

Другой видный исследователь проблемы тайваньской идентичности — профессор политологии Тайваньского государственного университета, а также вице-председатель Исполнительного Юаня Китайской Республики — Цзян Ихуа — в своей монографии «Либерализм, национализм и государственная идентичность» дает определение понятию «гоцзя жэньтун» именно как «государственной идентичности», поскольку, по его мнению, понятие «миньцзу» («нация» или «национальность») не может служить основой для интерпретации «государственной идентичности», так как до сих пор не существует точных критериев определения нации. Слово «гоцзя» («государство») он воспринимает как «любое политическое сообщество, обладающее государственной властью и независимостью». Цзян считает, что «нация — это коллективная общность, которая вовсе не обязательно имеет намерение создания государства... а государство в свою очередь далеко не всегда подразумевает единство на национальной основе». Таким образом, по мнению Цзян Ихуа, «государство» первично по отношению к «нации», т. е. скорее нация строится на основе государства, а не наоборот. Исходя из всего выше сказанного, Цзян предлагает свое определение «государственной идентичности», согласно которому под этим понятием подразумевается «интеллектуальная деятельность индивида», связанная с определением им собственной принадлежности к какому-либо государству и того, каковым это государство является⁵.

Воспринимая понятие «гоцзя жэньтун» как «государственную идентичность», многие авторы отождествляют эту проблему с «тайваньским национализмом» или вопросом о независимости Тайваня или его объединении с материковым Китаем. Американская исследовательница истории Тайваня Шелли Риггер отмечает, что для современного подхода к «тайваньской проблеме» в США также характерно смешение понятий «тайваньская идентичность» и «тайваньский национализм»⁶. Однако наиболее авторитетные исследователи, признавая связь между этими понятиями, ставят под сомнение правомерность их смешения. Упомянувшийся выше У Найдэ в попытке обосновать разграничение между ними наряду

⁴ У Найдэ. Мянбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бяньдун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня) // Тайвань чжэньчжи сюэкань (научный журнал «Тайваньская политология»). Тайбэй, 2005. 9:2. С. 10–11.

⁵ Цзян Ихуа. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). Тайбэй, 1998. С. 65, 6–8, 12.

⁶ Rigger Sh. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics and "Taiwanese Nationalism". Washington, 2006. С. 5. URL: <http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/handle/10125/3494/ps026.pdf?sequence=1>

с термином «национальная идентичность», который он относит к «чувственной/эмоциональной сфере», вводит понятие «государственный выбор» (гоцзя сюаньцзэ) «рационального» порядка. Под первым подразумевается безусловная идентификация индивида с каким-либо государством, в независимости от его экономического процветания и политической системы. Под вторым имеется в виду готовность человека в любой момент признать над собой власть другого государства, если оно может предложить ему лучшие экономические и политические условия существования⁷. Следуя этой логике, У Найдэ делает вывод, что «позицию по вопросу об объединении с материковым Китаем или независимости Тайваня» можно назвать «государственным выбором», в то время как «национальная идентичность» — это приверженность и принадлежность [к какому-либо государству] на чувственном уровне⁸.

Цзян Ихуа также считает, что, несмотря на «укрепившуюся в обществе привычку» смешивать проблемы независимости/объединения и «государственной идентичности» Тайваня, эти понятия следует отличать друг от друга. Он не согласен с подходом У Найдэ к форме данного размежевания, полагая, что «эмоциональный» и «рациональный» подходы могут присутствовать как в том, что касается вопроса об отношении жителей острова к определению будущего статуса Тайваня, так и в том, что касается «государственной идентичности» населения КР. По мнению Цзяна, главное различие между двумя понятиями заключается в том, что первое отвечает на конкретный политический вопрос, должен ли Тайвань объявить о создании независимого государства, тем самым поставив резкую точку в конфликте с КНР относительно суверенитета острова. Второе же относится скорее к интеллектуально-философской сфере и ставит такие вопросы, как «в чем заключается “государственная идентичность”», что лежит в ее основе, зачем она нужна, возможно ли ее изменение» и т. д. При этом автор справедливо подразумевает, что изучение проблемы государственной идентичности Тайваня невозможно в отрыве от теорий, касающихся вопроса о независимости острова или его объединении с материковым Китаем. Просто необходимо максимально абстрагироваться от «политических вы-

⁷ У Найдэ. Шэнцзи иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун — Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность — к вопросу о теории тайваньской этнической политики) // Цзуюнь гуаньси юй гоцзя жэньтун (Межэтнические отношения и национальная идентичность). Тайбэй, 1993. С. 44–45.

⁸ У Найдэ. Гоцзя жэньтун хэ чжэндан чжичи. Тайвань чжэндан цзинчжэн дэ шэхуэй цзичу (Национальная идентичность и поддержка политических партий. Социальная основа партийной борьбы на Тайване) // Чжунъян яньцзуюань минь-цзуюэ яньцзуюэ цзикань (Бюллетень института этнологии Академии «Синика»). 1993. № 74. Ноябрь. С. 40.

ражений декларативного характера» и сосредоточиться на «формах мышления, на основании которых индивид определяет свою «государственную идентичность»⁹.

Подобное многообразие подходов тайваньских исследователей к вопросам «национальной идентичности» тайваньцев, с одной стороны, может значительно затруднить изучение данной темы, но, с другой стороны, свидетельствует о ее актуальности и необходимости ее дальнейшего рассмотрения. Автор данной статьи, принимая все изложенные выше концепции уважаемых тайваньских ученых, все же склоняется к восприятию национальной идентичности жителей острова именно в значении “national identity”, а не “state identity”. Поскольку проблема Тайваня, на наш взгляд, заключается не в выборе государства (оно де-факто на Тайване существует, и изменение его названия и символики вряд ли существенно повлияет на его сущность), а в форме осознания себя населением острова в качестве особого сообщества, от которой будет зависеть и политика островного правительства, в том числе в том, что касается фактического и символического определения статуса Тайваня. Следует признать, что полностью абстрагироваться от проблемы международного положения Тайваня и отношений острова с противоположным берегом Тайваньского пролива вряд ли возможно. Как отмечает один из проповедников «тайваньского национализма», профессор Университета Дунхуа (Хуалянь, Тайвань) Ши Чжэнфэн, важность «национальной идентичности» для Тайваня заключается в том, что «только при условии концентрации внутри Тайваня на [проблеме] “национальной идентичности”, возможно достижение единого мнения относительно своего положения по отношению к внешнему миру», а «наличие “национальной идентичности” является единственным основанием для формирования нации и существования государства»¹⁰.

Тайваньская «этническая идентичность» и межэтнические отношения на острове. Практически любое исследование «национальной идентичности» жителей Тайваня неизменно в той или иной степени затрагивает вопрос тайваньской «этнической идентичности» и межэтнических взаимоотношений на острове¹¹. Кроме того, если

⁹ Цзян Ихуа. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). С. 4–5, 137.

¹⁰ Ши Чжэнфэн. Миньцзу цзыцзюэцюань — Тайвань дули цзяньго дэ миньцзу чжуи гуаньдянь (Право наций на самоопределение — националистический взгляд на создание на Тайване независимого государства) // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня) / Под ред. Чжуан Ваньшоу. Тайбэй, 2002. С. 182.

¹¹ Так, например, У Найдэ в одной из своих статей заявляет, что «различия в национальной идентичности являются ядром межэтнических конфликтов на современном Тайване». См.: У Найдэ. Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуань Тайвань цзуюнь чжэнчжи дэ хэсинь наньти (Конфликт идентичностей и политиче-

обратиться к истокам формирования «тайваньской идентичности», то можно сделать вывод, что на начальном этапе своего существования она носила именно «этнический» характер.

Теоретической основой умозаключений исследователей относительно «этнической идентичности» на Тайване является положение о существовании на острове «четырёх основных этнических групп» (*сы да цзуюнь*) — хокло, хакка, «вайшэнжэней» и аборигенных племен, которые составляют соответственно примерно 72–76%, 10–12%, 12–14% и 1,7% от всего населения КР¹². Разделение жителей острова на «четыре основные этнические группы», а также различия в «представлениях о своей этнической группе», «языке и культуре», «исторической памяти» и «политических действиях», присущие каждой из них, признаются исследователями в качестве «неотъемлемых концепций и инструментов познания» при анализе межэтнических отношений на современном Тайване¹³.

Аборигенные племена (*юаньчжуминь*) — самая малочисленная группа населения Тайваня — представляют собой племена австронезийского (малайского) происхождения, которые укоренились на острове более 8 тыс. лет назад, но по мере нарастания китайской эмиграции с начала XVII в. подверглись истреблению или ассимиляции. В настоящее время численность аборигенов на Тайване составляет чуть более 500 тыс. человек, роль их в политической жизни острова не столь значительна. Хокло (*хэложэнь* или *фулаожэнь*) — это наиболее многочисленная группа населения Тайваня, к которой относятся этнические китайцы (ханьцы), предки которых переселились на остров из южной части материковой провинции Фуцзянь до 1945 г. Хакка (*кэцзяжэнь*), как и хокло, прибыли на остров также в основном в период между началом XVII и концом XIX в., но местом их происхождения является южнокитайская провинция Гуандун. И хокло и хакка объединяются под общим названием «бэньшэнжэнь» («люди из данной провинции»), по сравнению с «вайшэнжэнями» («людьми из внешних провинций»), которые или предки которых переселились на Тайвань после 1945 г.

ское доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе // Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). 2002. № 4. Декабрь. С. 88.

¹² Ван Фучан. Цзуюнь цзечу цзихуэй? Хайши цзуюнь цзинчжэн? Бэньшэн миньнаньжэнь цзуюнь иши нэйхань юй дицзюй чаи моши чжи цзеши (Возможность для межэтнического сближения? Или межэтническая конкуренция? Разъяснение содержания этнического самосознания бэньшэнжэней южнофуцзяньского происхождения и модели региональных различий). С. 32–33.

¹³ Ван Фучан. Майсян Тайвань цзуюнь гуаньси дэ цзайди яньцзю юй лилунь: «цзуюнь юй шэхуэй» чжуаньти даолунь (Двигаясь в направлении к локальным исследованиям и теории межэтнических отношений на Тайване: вступление к теме «Этнические группы и общество»). С. 6.

Строго говоря, с точки зрения примордиализма¹⁴ хокло, хакка и «вайшэнжэни» имеют общее этническое происхождение и относятся к ханьскому этносу, что признается большинством исследователей¹⁵. Однако наличие у них собственных диалектов и особых культурных традиций позволяет исследователям выделять их в отдельные субэтнические группы, и термин «четыре основные этнические группы» Тайваня уже прочно укоренился в тайваньской историографии.

Однако, пожалуй, наиболее существенным фактором разделения населения Тайваня на этнические общности и основанием для изучения «этнической идентичности» Тайваня, имеющим важное отношение к проблеме «тайваньской идентичности» в целом, является история взаимоотношений между различными группами жителей острова после 1945 г. и связанная с этим историческая память каждой из указанных групп¹⁶.

¹⁴ Примордиализм — одна из старейших концепций возникновения этноса и этнической идентичности, согласно которой последняя является категорией, передающейся по наследству и обозначенной прежде всего такими признаками, как кровнородственные узы, общие традиции, язык и культура. Примордиализму противостоят инструменталистская и конструктивистская (структуралистская) теории возникновения этничности, первая из которых рассматривает этническую идентичность как сознательный выбор индивида, в то время как конструктивизм представляет этнос как конструкт, создаваемый искусственно, прежде всего властными элитами. В данной связи главными признаками этноса выступают не столько общее происхождение и культура, сколько разделяемые всеми членами данной общности мифы и историческая память. Конструктивистский подход к возникновению этничности поддерживается большинством виднейших теоретиков национализма: Э. Геллнером, Э. Хобсбаумом, Б. Андерсеном и др.

¹⁵ *Shih Cheng-feng and Chen Mumín. Taiwanese Identity and the Memories of 2–28: a Case for Political Reconciliation* // Asian Perspective. 2010. Vol. 34. № 4. С. 88. При этом в литературе можно встретить совершенно неожиданные заявления, вроде того, что хокло и хакка представляют собой одну из ветвей австронезийских племен (к которым принадлежат и аборигенные народности Тайваня), что якобы подтверждается исследованиями человеческих лейкоцитарных антигенов указанных групп. Подобные утверждения принадлежат, как правило, наиболее радикальным сторонникам движения за независимость Тайваня и не имеют широкой поддержки в научных кругах. См.: Хуан Чжаотан. Точу цзичэн гоцзя лилунь, фэнлье гоцзя лилунь, лай цуцэн синьшэн гоцзя дэ даньшэн: Тайвань синьшэн гоцзя лилунь (Отказ от теории наследования государства и теории расколотого государства ради способствования рождению нового государства: теория нового Тайваньского государства) // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня) / Под ред. Чжуан Ваньшоу. С. 41.

¹⁶ По свидетельствам многочисленных источников, межэтническое напряжение на Тайване исторически существует в нескольких плоскостях: 1) аборигенные племена и ханьцы; 2) хокло и хакка; 3) «бэньшэнжэни» и «вайшэнжэни». Однако наибольшее внимание исследователями уделяется именно последнему типу. Так, например, У Найдэ использует в своих работах словосочетание «две основные этнические группы Тайваня», задаваясь вопросом, создается ли на острове новая этничность; если да, то на основе объединения двух или поглощения одной другой. У Найдэ. Шэнцзи иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун — Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность — к вопросу о теории тайваньской этнической политики). С. 36.

2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о капитуляции во Второй мировой войне. На Тайване о поражении метрополии было объявлено еще 14 августа. По условиям подписанной в 1943 г. главами США, Великобритании и КР Каирской декларации, подтвержденным в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., острова Тайвань и Пэнху наряду с другими территориями, аннексированными Японией у Китая, возвращались под суверенитет КР. Тайваньцы, по свидетельствам авторов многочисленных мемуаров, с нетерпением ожидали прибытия новой администрации, считая, что они наконец-то «станут хозяевами на своей территории»¹⁷. Однако высадка на остров недисциплинированной, плохо укомплектованной армии Китая, образ которой совершенно не соответствовал представлениям об армии державы-победительницы, стала первым разочарованием жителей острова, за которым последовали и другие. Главное недовольство тайваньцев вызывало презрительное отношение и недоверие по отношению к ним как к недавним подданным Японской империи со стороны новой администрации, в которой состояли исключительно выходцы с материка — «бэньшэнжэней» в новых провинциальных органах власти практически не было. Кроме того, уровень жизни большей части населения, существенно поднявшийся в результате экономических реформ во время японского правления, сейчас начал стремительно падать под влиянием неэффективного и откровенно коррупционного управления новой администрации, резкого роста инфляции и т.д.¹⁸ Как отмечают многие авторы воспоминаний, тайваньцы вновь явственно ощущали свое колониальное положение людей второго сорта. Разница состояла лишь в том, что «на смену собакам пришли свиньи»¹⁹. Постепенно стало развиваться взаимное недовольство между уроженцами Тайваня и «вайшэнжэнями», которое переросло в открытое противостояние во время Инцидента 28 февраля 1947 г., в ходе подавления которого, по наиболее распространенным данным, погибло около 30 тыс. человек из числа уроженцев острова²⁰. Данное событие является одним из ключевых звеньев коллективной исторической памяти «бэньшэнжэней», упоминание о котором находилось под строжайшим запретом в период действия на Тайване военного положения (1948–1987). Эта память

¹⁷См., например: *Peng Ming-min. A Taste of Freedom*. Upland, CA. 1994. URL: <http://www.romanization.com/books/peng/chap03.html>

¹⁸ Лай Цзэхань. «Эрэрба шицзянь» яньцзю баогао (Доклад об исследовании «Инцидента 28 февраля»). Тайбэй, 1994. С. 1–45.

¹⁹ «Собаки» и «свиньи» символизируют соответственно японскую и китайскую администрации.

²⁰ Лай Цзэхань. «Эрэрба шицзянь» яньцзю баогао (Доклад об исследовании «Инцидента 28 февраля»). С. 262.

постоянно поддерживается посредством огромного количества статей, публикуемых в тайваньской прессе во время празднования очередной годовщины Инцидента, а пребывающая ныне в оппозиции ДПП постоянно использует ее в качестве козыря в политической борьбе с партией Гоминьдан.

Таким образом, большинство исследователей при анализе «этнической идентичности» тайваньцев придерживаются инструменталистского подхода к вопросу формирования этничности, считая особенно справедливым для Тайваня положение о том, что «этническая идентичность» не только может передаваться из поколения в поколение, но и образовываться/приобретаться под влиянием внешней среды. Главным фактором формирования тайваньской «этнической идентичности» тем самым является монополизация власти партией Гоминьдан и ее попытка политическими методами обеспечить управление группы населения, находящейся в меньшинстве (*«вайшэнжэней»*), большинством жителей Тайваня (*«бэньшэнжэнями»*), что вело к осознанию большинством своего приниженного положения, восприятию себя в качестве «ущемленной этнической группы», образованию общности интересов в виде получения доступа к политической власти и формированию у этого большинства особого «этнического самосознания». Авторы исследования истоков «тайваньской идентичности» в рамках проекта Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня и Университета Чжэнчжи схематично изобразили сказанное выше следующим образом: **авторитарное правление партии Гоминьдан → представление о [своем] отличающемся/приниженном положении → сознание трагичности [своей судьбы] → этническая идентичность**²¹.

Как отмечают многие авторы, межэтнические противоречия периода авторитарного правления ГМД на Тайване, имеющие политические основания, перерастали в межэтнические конфликты на общественно-бытовом уровне. Однако по мере демократизации общественно-политической жизни острова начиная с 1970-х годов и «тайванизации» правящей партии и режима (т. е. привлечения в ряды Гоминьдана и на руководящие посты в государстве все большего количества уроженцев Тайваня) межэтническое противостояние как социального, так и политического характера постепенно сошло на

²¹ Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Тайвань жэньтун дэ циюань юй чжэнчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао (Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности»): доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня). Тайбэй, 2009. С. 11. URL: // <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>

нет, при этом трансформировавшись в «конфликт идентичностей», который заключается в том, что все большее количество «*бэньшэнь-жэней*» не причисляют себя к китайцам и испытывают подозрение по отношению к выходцам с материка, которые в большинстве своем себя к таковым относят²².

Изложенные выше положения являются одними из ключевых вопросов при исследовании проблемы «тайваньской идентичности», которая привлекает к себе внимание со стороны многих западных и тайваньских исследователей, однако довольно слабо изучена в отечественной историографии. Несмотря на то что в настоящее время отношения между двумя берегами Тайваньского пролива находятся, пожалуй, в наилучшем состоянии за всю свою историю, наличие особого «тайваньского самосознания» у жителей острова, по понятным причинам отрицающегося властями КНР, может явиться серьезным препятствием на пути мирного объединения Тайваня и материкового Китая, которое неизменно провозглашается одной из основных задач, стоящих перед правительством КНР. Таким образом, проблема «тайваньской идентичности» напрямую связана с проблемой отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива, являющейся на протяжении более чем полувека одним из основных геополитических вопросов Азиатско-Тихоокеанского региона, и тем самым заслуживает всестороннего изучения.

Список литературы

Ван Фучан. Майсян Тайвань цзуюнь гуаньси дэ цзайди яньцзю юй лилунь: «цзуюнь юй шэхуэй» чжуаньти даолунь (Двигаясь в направлении к локальным исследованиям и теории межэтнических отношений на Тайване:

²² У Найдэ. Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуань Тайвань цзуюнь чжэнчжи дэ хэсинь наньти (Конфликт идентичностей и политическое доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе). С. 80. Данное утверждение не является безапелляционным для абсолютно всех «*бэньшэньжэней*» или для каждого «*вайшэньжэня*» без исключения. Довольно большое количество исследований говорит о том, что так же, как среди приверженцев «тайваньской идентичности» имеется определенное количество выходцев с материка, так и довольно значительное число уроженцев острова считают себя китайцами, или, по крайней мере, и тайваньцами, и китайцами. Однако в целом следует признать, что выходцы с материка, особенно в первом поколении, действительно обладают важной исторической памятью, которая не может быть разделена «*бэньшэньжэнями*», а именно тоской по утраченной родине, т.е. по континентальному Китаю. Попыткой преодолеть противоречия между основными этническими группами Тайваня и предложить общую для всех жителей острова идентичность является теория «нового тайваньца» президента КР в 1988–2000 гг. Ли Дэнхуэя, согласно которой тайваньцем считается любой человек, который живет на Тайване, любит Тайвань и идентифицирует себя с островом, в независимости от его происхождения.

- вступление к теме «Этнические группы и общество») // Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). 2002. № 4. Декабрь.
- Ван Фучан.* Цзуюнь цзечу цзихуэй? Хайши цзуюнь цзинчжэн? Бэньшэн миньнаньжэнь цзуюнь иши нэйхань юй дицуй чаи моши чжи цзеши (Возможность для межэтнического сближения? Или межэтническая конкуренция? Разъяснение содержания этнического самосознания бэньшэнжэней южнофуцзяньского происхождения и модели региональных различий) // Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). 2002. № 4. Декабрь.
- Лай Цзэхань.* «Эрэрба шицзянь» яньцзю баогао (Доклад об исследовании «Инцидента 28 февраля»). Тайбэй, 1994.
- У Найдэ.* Гоцзя жэньтун хэ чжэндан чжичи. Тайвань чжэндан цзинчжэн дэ шэхуэй цзичу (Национальная идентичность и поддержка политических партий. Социальная основа партийной борьбы на Тайване) // Чжунъян яньцзюань миньцзусюэ яньцзюсю цзикань (Бюллетень института этнологии Академии «Синика»). 1993. № 74. Ноябрь.
- У Найдэ.* Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуань Тайвань цзуюнь чжэнчжи дэ хэсинь наньти (Конфликт идентичностей и политическое доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе) // Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). 2002. № 4. Декабрь.
- У Найдэ.* Мянбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзю жэньтун дэ бяньдун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня) // Тайвань чжэнчжи сюэкань (научный журнал «Тайваньская политология»). Тайбэй, 2005.
- У Найдэ.* Шэнци иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун — Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность — к вопросу о теории тайваньской этнической политики) // Цзуюнь гуаньси юй гоцзя жэньтун (Межэтнические отношения и национальная идентичность). Тайбэй, 1993.
- Хуан Чжаотан.* Точу цзичэн гоцзя лилунь, фэньле гоцзя лилунь, лай цучэн синьшэн гоцзя дэ даньшэн: Тайвань синьшэн гоцзя лилунь (Отказ от теории наследования государства и теории расколотого государства ради способствования рождению нового государства: теория нового Тайваньского государства) // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня) / Под ред. Чжуан Ваньшоу. Тайбэй, 2002.
- Цзян Ихуа.* Цзыю чжуи, миньцзю чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). Тайбэй, 1998.
- Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь.* Тайвань жэньтун дэ циюань юй чжэнчжи сяго чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао (Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности»): доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня). Тайбэй, 2009. URL: // <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>
- Ши Чжэнфэн.* Миньцзю цзыцзюэцюань — Тайвань дули цзяньго дэ миньцзю чжуи гуаньдянь (Право наций на самоопределение — националистический взгляд на создание на Тайване независимого государства) // Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня) / Под ред. Чжуан Ваньшоу. Тайбэй, 2002.

- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Prigin and Spread of Nationalism. L.; N. Y., 2006.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 2006.
- Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780. N. Y., 2012.
- Peng Ming-min.* A Taste of Freedom. Upland, CA. 1994. URL: <http://www.romanization.com/books/peng/chap03.html>
- Rigger Sh.* Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics and "Taiwanese Nationalism". Washington, 2006. URL: <http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/handle/10125/3494/ps026.pdf?sequence=1>
- Shih Cheng-feng and Chen Mumin.* Taiwanese Identity and the Memories of 2–28: a Case for Political Reconciliation// Asian Perspective. Vol. 34. 2010. № 4.
- Smith A.D.* National Identity. L.; N.Y., 1991.
- Smith A.D.* Nationalism. Cambridge, 2010.

Сведения об авторе: *Каимова Анна Сергеевна*, ст. преподаватель кафедры истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: annansja@yahoo.com.hk

ФИЛОЛОГИЯ

Н.В. Громова

СОБСТВЕННОЕ ИМЯ В ЯЗЫКАХ БАНТУ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Статья посвящена выявлению особенностей собственных имен в некоторых из языков банту Восточной Африки. Морфемная структура родового имени может свидетельствовать об этнической, гендерной и конфессиональной принадлежности владельца собственного имени. В статье рассматриваются также семантика личного имени, прозвища и псевдонимы.

Ключевые слова: модель собственного имени, этническая, гендерная и конфессиональная принадлежность родового имени, семантика, прозвища, псевдонимы.

The article is devoted to revelation of peculiarities of personal names in some of the Bantu languages of East Africa. Morphemic structure of the family name can be an indication of ethnicity, gender and confessional affiliation of the owner's own name. The article also reviews semantics of the personal name, nicknames and pseudonyms.

Key words: model of personal name, ethnicity, gender and confessional affiliation of the family name, semantic, nicknames, pseudonyms.

Нет между живущих людей, да не может и быть безымянных.
В первый же миг по рождении каждый, убогий и знатный,
Имя как сладостный дар от родимых своих получает...

Гомер

1.1. Собственные имена (антропонимы) играют важную роль в межличностном общении и взаимопонимании. Специфика антропонимической системы в Восточной Африке определяется этнической разнородностью, хотя большинство населения этого региона Африки составляют народы, говорящие на языках банту. Крупнейшим из африканских языков является суахили, на котором в Восточной и Центральной (Тропической) Африке говорят около 150 млн человек. Он является одним из государственных языков в Танзании и Кении, одним из официальных языков в Уганде, Демократической Республике Конго, Руанде и Бурунди, широко используется во всех других пограничных странах.

1.2. Под влиянием чужих культур (в основном мусульман и христиан) в систему собственных (личных) имен в языки банту

проникают арабские коранические и европейские библейские имена. Являясь одной из составляющих историко-культурной жизни общества, антропонимическая система отражает особенности эпохи и социальных изменений, и в последнее время канонические имена становятся менее популярными. Засилье современных европейских и интернациональных личных имен в языках банту связано с процессами глобализации, но тем не менее исконные собственные имена, имена бантуского происхождения, не утратили своего значения и сфера их употребления широка. Они обладают особой морфологической и смысловой структурой, отличающей их от нарицательных имен.

2.1. *Модель собственного имени в языках банту.* Формула бантуского имени включает, как правило, три компонента: личное/индивидуальное имя, получаемое при рождении + среднее имя, присваиваемое при крещении или конфирмации, при вступлении в период юношества (традиционной инициации) или данное в честь предка или некоего известного исторического лица + наследуемое родовое имя/имя отца. Такая трехкомпонентная формула имени используется как средство социальной идентификации личности. При этом порядок следования первых двух составляющих имени может нарушаться. Так, примером трехчленной модели являются имена четырех президентов Танзании: *Julius Kambarage Nyerere*, *Ali Khassan Mwinyi*, *Benjamin William Mkapa*, *Jakaya Mrisho Kikwete*, где первую позицию занимает имя, данное при крещении, вторую — при рождении, на третьем месте — родовое имя (фамилия). Главная информация представлена первым и третьим компонентами, а второй компонент имени в письменном варианте может быть представлен заглавной инициальной буквой, например *Julius K. Nyerere*.

В последнее время наблюдается редукция антропонимической формулы за счет исчезновения одного из компонентов, как правило, второго, а иногда и третьего. Такие двучленные антропонимические модели имени характерны для средств массовой информации, и, по всей вероятности, они обязаны своим появлением общим процессам ускорения информационных приемов, например *George Kahama*, *Njelu Kasaka* и др., где опущен второй компонент. В современном суахили под влиянием западных СМИ имя и фамилия известных лиц, в частности президентов, может обозначаться инициальной аббревиатурой: *Jakaya Kikwete* = *JK* (ср. с русским ВВП = Владимир Владимирович Путин).

Реже встречается элизия третьего компонента, т. е. допускается отказ от родового имени/фамилии. Хотя фамилия вторична по отношению к личному/первому имени, она прибавляется к личному имени для уточнения именуемого лица. Такое отступление от трех-

членной модели встречается не часто, но в таком варианте выяснить фамилию можно только в случае непосредственного знакомства с главой семьи и его детьми. Так, студентка Института суахилийских исследований при Дар эс Саламском университете в своей курсовой работе именуется как *Easter Abel*, что примерно соответствует русскому имени и отчеству, и не указывает фамилию отца *Mreta* (ср. с русским именем-отчеством, иногда воспринимаемым иностранцами как имя и фамилия).

Возможна и противоположная тенденция, когда вместо двучленной или трехчленной модели используется четырехчленная. Человек с широко распространенным мусульманским именем *Musa Mohammed* имеет много однофамильцев, и чтобы избежать путаницы он может добавить к своему имени имя деда, например *Musa Mohammed Salim Shambilu*. Четырехчленная модель появляется и в том случае, когда отец хочет закрепить свое, данное при инициации, имя и фамилию в собственном имени ребенка. Так, профессор Дар эс Саламского университета носит имя *Abdu Mtajuka Khamis*, а полное имя его сына — *Adam Kachwano Mtajuka Khamis*.

Однако в официальном контексте преобладают трехчленные формулы. Так, в списке имен почти 200 студентов из Объединенной Республики Танзания, обучающихся в РУДН, биномы представлены всего четырьмя случаями, а кватрономы вообще отсутствуют.

2.2. *Морфемная структура собственного имени.* Часто фамилия состоит из полного или редуцированного слова *mwana* «сын» и имени отца или какого-либо явления / предмета и т. п., имевшего некоторое отношение к рождению ребенка, например: *Mwananzela* «сын Нзелы», *Mwansoko* «сын рынка» и др.

На ставший хрестоматийным вопрос А.С. Пушкина «Что в имени тебе моем?» ответ практически всегда ясен: каждое имя несет в себе определенные сведения о его обладателе. При этом следует отметить, что в собственных именах народов банту информационная насыщенность ярко проявляется. Как образно отмечает известный кенийский лингвист и писатель К. Вамитила, «имя — окно в мир другой культуры»¹.

Модель собственных имен и их морфемная структура позволяют в большинстве случаев определить этническую, гендерную или профессиональную принадлежность владельца того или иного имени.

3.1. *Этническая принадлежность собственного имени* может определяться фоновыми знаниями того или иного общества. Так, «для носителя русского языка, обладающего соответствующей ономастической компетенцией, ясно, что имя + отчество *Лев Абрамович*

¹ Wamitila K. What's in a name: Towards literary onomastics in Kiswahili literature // Afrikanistische Arbeitspapiere. 60. P. 37.

принадлежит еврею»². В языках банту полная форма слова «сын» — *mwana* свидетельствует о том, что носитель фамильного имени с таким компонентом является выходцем из прибрежных районов Танзании. Сокращенный вариант *mwa* «сын» характерен для этноса ньякьюса, проживающего на юго-западе Танзании: *Mwakasungura* «сын зайчика», *Mwambega* «сын обезьяны гвереча». Фамилии людей из этноса гого (центральные районы Танзании) часто начинаются со слога *ma-* (сокращение от *mwana* «сын»), например *Mamvula* «сын дождя», *Mazengo* «сын стройки» (т. е. родившийся во время строительства дома) и др. В языке самбаа (северо-восток Танзании) многие фамилии в качестве начального слога также используют морфоэлемент *she*, также имеющий значение «сын»: *Shesighe* «сын саранчи» (т. е. родившийся в период нашествия саранчи), *Shemkiwa* «сын печали» (вероятно, рождение ребенка привело к смерти матери) и др. На северо-западе Танзании в языке хайя многие фамилии начинаются с морфоэлемента *rwe* «сын», например *Rweimamu* «сын имама», *Rwechungura* «сын зайца» и др. Структура имен такого типа по существу представляет собой сопряженную/посессивную конструкцию «сын такого-то человека/животного/события и т. п.», в которой опускается сам притяжательный формант и ряд слогов.

В ряде языков банту северной части Танзании и юга Кении элизии подвергается само слово «сын», но сохраняется притяжательный формант. В качестве примера приведем полное имя на языке кикуйю известного писателя *Ngugi wa Thiongo*, что значит Нгуги из [рода] Тхионго (= Нгуги Тхионгский). Иногда возможны случаи, когда притяжательный формант входит в состав фамилии как ее первый слог, например *Wanjiru* (> *wa njiru*) означает «(человек) имеющий отношение к дороге» или *Waweru* (> *wa weru*) «(человек) имеющий отношение к степи» и др. При этом притяжательный формант может быть согласован не по слову «сын», относящемуся к 1-му класса (классу «людей»), а по слову 7-го класса (класса «вещей»), куда входят в том числе и существительные с диминутивным или лаудативным значением, например *mtoto* «ребенок» (1-й класс) > *kitoto* «малыш» (7-й класс). В качестве примера приведем такие имена, как *Chausiku* (> [*kitoto*] *cha usiku* «малыш ночи»), *Chandere* (> [*kitoto*] *cha ndere* «малыш начала, т. е. первенец»).

3.2. *Гендерная принадлежность имени.* Определить пол носителя христианского или мусульманского имени несложно: Адам — мужское имя, Эстер — женское. Хотя и в этом случае встречаются отклонения от общих правил. Так, имя Йохана у протестантов мужское, а у католиков — женское. О таком курьезе рассказал про-

² Васильева Н.Н. Собственное имя в мире текста. М., 2005. С. 36.

фессор Дар эс Саламского университета *Yohana Msanjila*: в бытность студентом он был выбран из четырех претендентов на обучение в США, потому что наряду с другими критериями отбора его имя было воспринято как женское (и можно представить удивление руководства университета при виде мужчины вместо ожидаемой африканской студентки).

Определить гендерную принадлежность личного имени банту-ского происхождения в изолированном контексте значительно сложнее: *Tatu* «третий/третья», *Mashaka* «сомнение», *Tumaini* «ожидание, надежда», поскольку у мужских и женских имен практически нет отличительных признаков. Выявить гендерную принадлежность позволяет сделать только широкий контекст рассказа, статьи и т. п. Но в некоторых языках банту такая возможность существует. Так, в языке камба (Кения) мужское имя «Любимый, Любовь» имеет форму *Mwendwa*, в то время как женское имя «Любимая, Любовь» представлено формой с окончанием на *-e*, т. е. *Mwendwe*³. В языке лугуру (юго-запад Танзании) имя *Mkude* всегда принадлежит мужчине, а *Kimwenda* — женщине.

Для выражения гендерной оппозиции используются также заимствованные из арабского языка слова *bin* «сын» и *binti* «дочь», например *Hemedi bin Robert* или *Siti binti Saad*.

В одном из нилотских языков Кении — языке джолуо — гендерное противопоставление выражается сменой начального гласного *O* (мужской род) на *A* (женский род): *Ochieng* (мужское имя), *Achieng* (женское имя)⁴, что можно сравнить с русскими фамилиями на *-ов* или *-ова*.

3.3. *Конфессиональная принадлежность имени.* Заимствованное христианское или мусульманское личное имя позволяет легко определить конфессиональную принадлежность их носителей (при переходе из одной конфессии в другую обычно исходное имя заменяется на соответствующее конфессиональное). Так, президенты Танзании *Julius Kambarage Nyerere* и *Benjamin William Mkapa* — христиане (католик и протестант), *Ali Khassan Mwinyi* и *Jakaya Mrisho Kikwete* — мусульмане.

В том случае, когда собственное имя включает лишь бантуские слова, определить конфессиональную принадлежность носителя антропонима невозможно.

³ *Mwololo, M.* Living magazine: What do you call your child? // Daily Nation. Nairobi, 2009. 28 January. P. 6–7.

⁴ *Okal B.O.* Nafasi ya tafsiri katika taaluma ya onomastiki: uhakiki wa mbinu zake katika tafsiri ya toponomastiki («Возможность перевода ономастики: критика приемов перевода топонимов») // KISWAHILI. Journal of the Institute of Kiswahili Studies. 2012. Vol. 75. P. 33.

4. *Семантика имени.* Многие собственные имена в языках банту семантически значимы, это так называемые «говорящие» имена. В качестве именованного первого и второго компонентов имени могут использоваться названия растений или цветов (*Asumini* «жасмин», *Yungi* «водяная лилия, нимфея»), драгоценных камней (*Rubi* «рубин», *Lulu* «жемчуг») и т.п. Имя может указывать на обстоятельства рождения (*Juma* «пятница», *Tatu* «третий/третья» в семье), на проблемы, возникшие при родах (*Shida* «трудность», *Matata* «проблемы»), радость ожидания ребенка (*Tumaini* «надежда», *Pendo* «любовь», *Furaha* «радость») и др. В языке хайя (северо-запад Танзании) имя *Mtajuka* означает «не теряй надежды» (ребенок родился слабым, но родители верили в его жизнеспособность), *Kachwano* — «борьба, сражение» (имя дано ребенку сестрой 75-летнего отца в надежде на то, что племянник будет выносливым).

Существует некая традиция в именовании близнецов в разных языках банту: старшего обычно называют *Kakuru*, *Kurwa* или другими близкими вариантами слова *Mkuu* «старший, главный», а младшего — *Kato*, *Nyakato*, *Ndoto*, т.е. вариациями суахилийского слова *Mdoto* «маленький, младший».

Выявить семантику третьего компонента формулы имени, т.е. фамильного имени, в силу разнородности этнического состава населения (в частности, только в Танзании проживает более 120 этносов) представляется затруднительным. Некоторые фамильные имена подвергаются семантической расшифровке, например фамилия первого президента Танзании *Nyerere* значит «браслет из медной проволоки» на языке этноса занаки, второго президента *Mwinyi* — «земледелец» на языке суахили. Такие фамилии, как *Chuma* «железо», *Almasi* «алмаз», *Simba* «лев» или *Mapigano* «борьба» имеют в основе явный апеллятивный характер. Такие значимые («говорящие») имена могут использоваться для любого из компонентов имени. Возможно, что подобные именованья были изначально прозвищами, а затем вошли в состав трехчленного имени как фамилия. При этом они могут образовывать гибридные имена: арабское или европейское заимствование + бантуское имя, например *Sada Mjinga* «Сада Глупая», *Mohamed Abdala Dume* «Мохамед Абдалла Семец/Смельчак», *Emanuel Pius Moto* «Эмануэль Пиус Огонь/Костер», *Yohana Peter Msanjila* «Йохана Петр Большая дорога».

5. *Прозвища.* Для антропонимии характерны также «придуманные» фамилии. Прозвища обычно даются в шутку или содержат указание на какую-либо заметную черту характера или деятельности человека. Так, во время немецкой колонизации дед одного из нынешних студентов РУДН получил прозвище, связанное с выполняемой

им работой *Mfungahema* «тот, кто собирает палатки». Насмешливое прозвище *Chapombe* — сокращение от [*chombo*] *cha pombe* «пивная [бочка]» — говорит само за себя.

Многие известные политики или государственные деятели также получают прозвища, например, первый президент Танзании Дж. Ньерере известен под ником *Baba wa taifa* «отец народа/нации», президент Занзибара Салмин Амур — *Komandoo* «командир», первый президент Кении Дж. Кениата — *Mkukii uwakao* «пылающее копье», император Эфиопии Хайле Селассие — *Simba wa Yuda* «иудейский лев» и др.⁵

Прозвища могут получать не только люди, но и города, и страны. Так, Дар эс Салам называют “*Bongo*” (множественное число от *ubongo* «мозг; ум, разум»), а Танзанию соответственно — *Bongoland* «страна умников».

6. *Псевдонимы*. Псевдонимы — вымышленные имена, придуманные человеком для самого себя, — чаще распространены в среде творческой интеллигенции. Так, писатель Абдрахман Саффари, резко обличавший пороки общества «уджамаа» (общества, строившего африканский социализм), писал под псевдонимом *Mbingusi* «рыба-молот». Особенно популярны псевдонимы в среде молодежной музыкальной субкультуры Бонго Флева (< *Bongo flavour* «аромат Дар эс Салама»), певцы и музыканты которой часто меняют свои псевдонимы, называя себя то бантускими (*Goya* на диалекте кипемба — «шутка», *Mwamba wa kaskazini* — «северная скала», *Mwanafalsafa* «философ» и др.), то английскими именами (*chief*, *king*, *lion* и др.). При этом предпочтение отдается все же бантуским именам⁶.

6. Имена собственные чрезвычайно важны в межкультурной и межкультурной коммуникации. Именно с вопроса «Как вас зовут?» начинается знакомство с человеком другой национально-культурной общности, т. е. персонализация безличных отношений. Изучение и понимание особенностей собственных имен представляет значительный интерес не только для филолога или культуролога, но и для отечественных специалистов, работающих в Восточной Африке. Выше были затронуты лишь некоторые уникальные свойства собственного имени в отдельных языках банту, но для того чтобы проследить имятворческие процессы во всех банту языках (а их только в Восточной Африке более 200) требуется специальное и многолетнее

⁵ Mulokozi M. Fasihi ya Kiswahili (Литература суахили). Dar es Salaam, 1996. P. 42.

⁶ Omari Sh. Call me ‘Top in Dar’: the role of pseudonyms in Bongo Fleva music // Swahili Forum 18 (2011). P. 72–73.

исследование. Танзанийские филологи понимают важность затронутой проблемы, и в настоящее время исследование особенностей собственных имен является одной из тем, предлагаемых в качестве курсовых и дипломных работ студентам Института суахилийских исследований при Дар эс Саламском Университете.

Список литературы

- Васильева Н.Н.* Собственное имя в мире текста. М., 2005.
- Mulokozi M.* Fasihi ya Kiswahili (Литература суахили). Dar es Salaam, 1996.
- Mwololo M.* Living magazine: What do you call your child? // Daily Nation. Nairobi. 2009. 28 January.
- Okal B.O.* Nafasi ya tafsiri katika taaluma ya onomastiki: uhakiki wa mbinu zake katika tafsiri ya toponomastiki (Возможность перевода ономастики: критика приемов перевода топонимов) // KISWAHILI. Journal of the Institute of Kiswahili Studies. Vol. 75. 2012.
- Omari Sh.* Call me 'Top in Dar': the role of pseudonyms in Bongo Flewa music // Swahili Forum 18 (2011).
- Wamitila K.* What's in a name: Towards literary onomastics in Kiswahili literature // Afrikanistische Arbeitspapiere. 60.

Сведения об авторе: Громова Нелли Владимировна, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gromova@iaas.msu.ru

С.Н. Воробьёва

СИСТЕМА ЖАНРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРЕЦКОЙ АШЫКСКОЙ ПОЭЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

В статье предпринимается попытка теоретического осмысления жанровой системы средневековой ашыкской поэзии, представляющей собой индивидуально-авторское творчество турецких певцов-поэтов. Автор на примере двух наиболее распространенных в турецком литературоведении жанровых классификаций ашыкской поэзии демонстрирует полярность точек зрения турецких ученых относительно термина «жанр», который понимается либо как совокупность содержательно-музыкологических, либо формальных характеристик. Автор предлагает свою жанровую классификацию ашыкских песен, основываясь на подтвержденной в ходе исследования идее о том, что термин «жанр» применительно к ашыкскому творчеству должен включать четыре тесно связанных между собой и равноценных с точки зрения их жанроразделительной функции элемента: тема, эмоциональная тональность, мелодия и стихотворная форма.

Ключевые слова: ашык, ашыкская поэзия, жанр, жанровая классификация.

The article gives a theoretical analysis of the genre system of the medieval Turkish *ashik* poetry — oral individual-author creation of *ashik*-singers. The author takes into consideration two the most popular in the Turkish philology genre classifications of the *ashik* poetry and shows the opposite views about the term «genre» and points out weak places of the existing classifications. In the conclusion the author suggests his own genre classification of *ashiks'* songs basing on the idea that the term 'genre' relating *ashiks'* songs must comprise four closely connected with each other and equal from the point of their genre determinating role elements — theme, emotional tone, melody and form.

Key words: ashik, ashik poetry, genre, genre classification.

Ашыкская¹ поэзия — устное творчество турецких народных певцов-поэтов, которое уходит корнями в исполняемый огузскими певцами-озанами² тюркский героический эпос. Творчество певцов-ашыков играет важную роль не только в турецкой, но и в азербайджанской, туркменской, киргизской, башкирской, армянской, гре-

¹ От слова «ашык» (тур., букв. «влюбленный») — поэт-певец, исполняющий авторские произведения.

² Озан (тур.) — исполнявший эпические произведения, а также выполнявший функции шамана певец, который примерно в XVI в. уступил свое место на арене турецкой словесности певцам-ашыкам.

ческой и других культурах. Ашыкское искусство непосредственно связано с фольклором своим происхождением, устным характером распространения и сферой бытования. Выделившись в качестве самостоятельной ветви турецкой словесности в XIII–XIV вв. в статусе индивидуально-авторского творчества³, ашыкская поэзия к XVII в. выработала основные мотивы, образы, стилистические особенности, к этому же времени относится и выстраивание ее жанровой системы.

Зародившееся в лоне фольклорной традиции и не прерывавшее с ней художественной переклички индивидуально-авторское искусство ашыков на протяжении всего своего развития теснейшим образом взаимодействовало также с диванной литературой и литературой *текке*⁴. Наличие в «родословной» ашыкской традиции множества различных корней обуславливает своеобразие ее жанровой системы, в состав которой входят как экспортированные ашыкской традицией из различных фольклорных и литературных источников, так и присущие сугубо ашыкской поэзии жанры и жанровые формы. Попытка теоретического осмысления аутентичных ашыкских жанров и жанровых форм и предпринимается в данной статье.

Поскольку в российской фольклористике и литературоведении жанровые ресурсы средневекового ашыкского творчества (XVI — начала XIX в.) не являлись предметом научных изысканий, обратимся к достаточно многочисленным исследованиям этого вопроса у турецких ученых и проанализируем выработанный ими терминологический инструментарий.

Система терминов для описания жанровых ресурсов творчества ашыков разработана такими известными турецкими специалистами по ашыкскому творчеству, как Т. Онай⁵, Х. Ильяйдын⁶, М. Ярдымджы⁷, М. Север⁸, А. Кайа⁹, Э. Артун¹⁰ и др. В большинстве исследований они применяют термин «форма» (*biçim*) для фиксации формальных признаков произведения: рифмический рисунок, стихотворный размер, объем произведения, вид строфы, а термин «жанр» (*tür*) — для

³ Подробнее об ашыкской поэзии как индивидуально-авторском творчестве см.: Воробьёва С.Н. О месте ашыкской поэзии в средневековой турецкой словесности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 2. С. 68–77.

⁴ Литература *текке* (тур., букв. «обитель дервишей») — термин, использующийся в турецком литературоведении для обозначения поэтического творчества адептов многочисленных братств, преимущественно суфийского толка (алеви, бекташи, календери, накшибенди, хальвети и др.).

⁵ Onay A.T. Halk Şiirlerinin Şekil ve Nevi. İstanbul, 1928.

⁶ İlaydın H. Türk Edebiyatında Nazım. İstanbul, 1959.

⁷ Yardımcı M. Başlangıçtan Günümüze Türk Halk Şiiri. Ankara, 2002.

⁸ Sever M. Türk Halk Şiiri. Ankara, 2003.

⁹ Kaya B.A. Aşık şiiri. İstanbul, 2005.

¹⁰ Artun E. Aşıklık Geleneği ve Aşık Edebiyatı. İstanbul, 2008.

характеристики ашыкской песни с точки зрения её содержательных и музыкологических характеристик¹¹.

Учитывая все разнообразие и неоднозначность определений, даваемых отечественными литературоведами терминам «жанр» и «жанровая форма», автор статьи придерживается точки зрения известного востоковеда М.Л. Рейснер, которая вслед за авторитетным литературоведом С.С. Аверинцевым под «жанром» понимает «исторически сложившуюся форму сосуществования элементов топики, стиля и стиха», а «жанровой формой» предлагает именовать «обладающую набором устойчивых черт внешнюю структуру произведения, в которой реализуется то или иное содержание»¹². Согласно такому пониманию данных терминов, жанры и жанровые формы, пришедшие в ашыкскую традицию из фольклорных и литературных источников, могут быть представлены следующим образом:

1) жанры фольклорного происхождения: *мани, тюркю;*

2) жанры литературы *текке: иляхи, нефес, нутук, деврийе, шатхийе;*

3) жанровые формы, заимствованные ашыкской традицией из диванной (светской и суфийской) литературы: *газель, мурабба, шаркы, мухаммес, мюседдес* и др.

Гораздо сложнее дело обстоит с жанровыми образованиями (жанрами и жанровыми формами), присущими сугубо ашыкской традиции, — как использующие квантитативную метрику — *аруз* (*дивани, календери, семаи* и др.), так и народную силлабику — *хедже везни* (*кошма, дестан, семаи, варсагы, гюзеллеме, кочаклама, ташлама, агыт* и др.), которые являются основным предметом споров турецких литературоведов и фольклористов. В то же время существенным является то обстоятельство, что именно эта группа жанров и жанровых форм составляет ядро всей жанровой системы ашыкского творчества на протяжении всего его развития вплоть до наших дней. Все вышесказанное объясняет, почему данная статья посвящена проблеме жанровой регламентации именно аутентичных ашыкских песен.

Полярность точек зрения относительно проблемы, связанной с жанровой квалификацией аутентичных ашыкских произведений, наглядно демонстрируют две классификации, предлагаемые наиболее известными специалистами по ашыкскому творчеству Х. Диздароглу¹³ и Дж. Дильчином¹⁴. Представим данные классификации в виде

¹¹ Под музыкологическими характеристиками турецкие ученые подразумевают мелодию, исполняемую самим ашыком на *сазе* (струнный щипковый инструмент) в ходе выступления и являющуюся непременным сопровождением песни ашыка.

¹² *Рейснер М.Л.* Эволюция классической газели на фарси (X–XIV века). М., 1989. С. 9.

¹³ *Dizdaroğlu H.* Halk şiirinde türler. Ankara, 1969. S. 66–146.

¹⁴ *Dilçin C.* Örneklerle Türk şiir bilgisi. Ankara, 1983. S. 305–343; 354–366.

таблицы, для удобства восприятия приведенные в ней основные термины отмечены цифрой в скобках и разъяснены непосредственно после таблицы:

	Классификация Х. Диздароглу	Классификация Дж. Дильчина
Жанры	Жанры, использующие <i>хедже везни</i>: 1) одиннадцатисложные песни с определенным рифмическим рисунком: а) <i>кошма</i> (1); б) <i>дестан</i> (2); 2) восьмисложные песни с определенным рифмическим рисунком: а) <i>семай</i> (3); б) <i>варсагы</i> (4). Жанры, использующие <i>аруз</i>: а) <i>дивани/диван</i> (5); б) <i>семай</i> (6); в) <i>календери</i> (7)	1) <i>гюзеллеме</i> (хвалебные песни о любви и природе); 2) <i>кочаклама</i> (героические песни); 3) <i>ташилама</i> (сатирические песни); 4) <i>агыт</i> (плачи); <i>Гюзеллеме, кочаклама, ташилама</i> и <i>агыт</i> создаются преимущественно в форме <i>кошма</i>.
Жанровые формы	Не указывает	Жанровые формы, использующие <i>хедже везни</i>: 1) одиннадцатисложные песни с определенным рифмическим рисунком: а) <i>кошма</i> (1); б) <i>дестан</i> (2); 2) восьмисложные песни с определенным рифмическим рисунком: а) <i>семай</i> (3); б) <i>варсагы</i> (4) Жанровые формы, использующие <i>аруз</i>: а) <i>дивани/диван</i> (5); б) <i>семай</i> (6); в) <i>календери</i> (7)

В рамках своих классификаций Х. Диздароглу и Дж. Дильчин дают одинаковые определения терминам *кошма*, *дестан*, *семай* на *хедже везни* и *арузе*, *варсагы*, *дивани* и *календери*, а именно:

кошма (1) — исполняющаяся под особую мелодию лирическая песня, состоящая из трех-пяти четверостиший;

дестан (2) — исполняющаяся под особую мелодию эпическая песня с числом четверостиший от пяти до ста; *дестаны* можно разделить на восемь основных групп с точки зрения реализуемых в

них тем: *дестаны* о войне, о разбойниках, о животных, о возрасте человека и др.;

семай (3) — исполняющаяся под особую мелодию и состоящая из трех–пяти четверостиший лирическая песня, разрабатывающая темы любви и природы;

варсагы (4) — исполняющаяся под особую мелодию и состоящая из трех–пяти четверостиший лирическая песня, в которой герой бросает вызов судьбе; для песен-*варсагы* характерен «удалой» стиль воспроизведения;

дивани (5) — исполняющаяся под определенную мелодию и созданная на *арузе* в форме *газели*, *мурабба*, *мухаммеса* и *мюседдеса* лирическая песня;

семай (6) — то же, что *дивани* (5);

календери (7) — то же, что *дивани* (5).

Как мы видим, *кошма*, *дестан*, *семай* на *арузе* и *хедже*, *варсагы*, *дивани*, *семай* и *календери* получают у Х. Диздароглу и Дж. Дильчина одинаковые характеристики, но при этом ученые придерживаются прямо противоположных точек зрения относительно того, каким статусом данные жанровые образования должны обладать в рамках классификации: Х. Диздароглу называет их «жанрами», Дж. Дильчин — «жанровыми формами». Разница в подходах Х. Диздароглу и Дж. Дильчина к описанию ашыкских жанровых образований состоит в том, что каждый из ученых вкладывает свое значение в понятие «жанр». По мнению Х. Диздароглу, четких границ между *кошмой*, *дестаном*, *семай*, *варсагы*, *дивани* и *календери* ни с точки зрения содержания, ни с точки зрения формы провести нельзя. Ученый, говоря, что для данных жанровых образований не характерна структурная стабильность, призывает вообще отказаться от термина «жанровая форма» применительно к жанровым образованиям ашыкской поэзии: «В ашыкской литературе нет жанровых форм с четко выстроенными структурами, как в диванной поэзии... Для ашыка, в отличие от диванного поэта, важно не следовать жанровым правилам, а через импровизацию выражать свои чувства»¹⁵. Называя *кошму*, *семай* на *хедже* и *арузе*, *варсагы*, *дестан*, *дивани* и *календери* жанрами и подчеркивая, что данные им в классификации каждому из этих жанров характеристики носят «общий, релятивный» характер, Х. Диздароглу ставит во главу угла мелодию, только она, по мнению ученого, отличает один жанр от другого. Для Дж. Дильчина в понятии «жанр» ключевым элементом является топика, поэтому в класс жанра попадают характеризующие песню в плане содержания *гюзеллеме*, *кочаклама*, *ташлама* и *агыт*, а мелодией

¹⁵ Dizdaroğlu H. Halk şiirinde türler. Ankara, 1969. S. 45.

отличаются друг от друга жанровые формы *кошма*, *дестан*, *семаи*, *варсагы*, *дивани* и *календери*.

Как явствует из предложенных турецкими учёными классификаций, при определении жанра Х. Диздароглу и Дж. Дильчин выделяют в качестве приоритетного только один признак — мелодию или топику. Такой подход к определению понятия «жанр» проистекает из того, что, по нашему мнению, в основе обеих классификаций лежат три нуждающихся в уточнении тезиса, признаваемых Х. Диздароглу и Дж. Дильчином априори.

Во-первых, оба ученых воспринимают мелодию, на которую ашык слагал свою песню, как своего рода лакмусовую бумажку, позволяющую сразу же определить жанровую квалификацию ашыкской песни. Это представление турецких ученых основано на широко распространенном, однако не отражающем истинное положение мнению, укоренившемся, вероятно, после выхода в свет работ патриарха турецкого литературоведения Ф. Кёпрюлю, который утверждал, что *кошма* представляет собой песню на особую мелодию¹⁶. Хотя Ф. Кёпрюлю в той же работе характеризовал *дестан* как песню, которую ашык может исполнять под несколько различных мелодий, т. е. признавал вариативность мелодийного фонда применительно к одной и той же песне-*дестану*, его суждение о «мономелодийности» *кошмы* было принято многими другими учёными за аксиому, вследствие чего в научных трудах турецких литературоведов и фольклористов прочно закрепилось мнение о том, что любой жанр ашыкского творчества обслуживается только одной, определенной мелодией: *bir ezgi = bir tür* (одна мелодия = один жанр). Однако справедливости ради нужно сказать, что не все турецкие ученые разделяли этот тезис. Так, например, Х. Ильайдын¹⁷, О. Огуз¹⁸, О. Чобаноглу¹⁹ и др. доказывают ошибочность утверждения о «мономелодийности» жанра в ашыкском искусстве. Указанные ученые подчеркивают, что певцы-ашыки имеют в своем распоряжении музыкальный фонд, который состоит из множества сочиненных мастерами-ашыками мелодий. Этот фонд постоянно пополняется новыми образцами, прошедшими апробацию со стороны публики. Кроме того, на основе исследований этих ученых можно утверждать, что мелодия в ашыкском искусстве обслуживает не *кошму* или *дестан* (как указывают Х. Диздароглу²⁰ и Дж. Дильчин²¹), а такие

¹⁶ Köprülü F. Edebiyat Araştırmaları I. Ankara, 2004. S. 246.

¹⁷ İlaydın H. Türk Edebiyatında Nazım. İstanbul, 1959.

¹⁸ Oğuz O. Aşık Makamları Üzerine Bir Değerlendirme // Milli Folklor. 1990. № 7. S. 22–29.

¹⁹ Çobanoğlu Ö. Aşık Tarzı Kültürü ve Destan Türü. Ankara, 2000.

²⁰ Dizdaroğlu H. Halk şiirinde türler. Ankara, 1969. S. 66.

²¹ Dilçin C. Örneklerle Türk şiir bilgisi. Ankara, 1983. S. 305.

жанровые образования, как *гюзеллеме*, *кочаклама*, *ташлама*, *агыт*, *семаи на хедже* и *арузе*, *варсагы*, *дивани* и *календери*. Так, согласно утверждению О. Чобаноглу, молодой ашык в процессе обучения ашыкскому искусству заучивает не только тексты песен своих коллег-мастеров, но и запоминает определенное количество мелодий, и сочиняя, к примеру, песню-*гюзеллеме*, выбирает на свое усмотрение музыкальное оформление из фонда мелодий-*гюзеллеме*. Таких мелодий может насчитываться более ста, название мелодии обычно включает топоним — наименование района, в котором она получила наибольшее распространение, или имя ашыка, считающегося ее создателем (например, *Ардахан гюзеллемеси*, *Керем гюзеллемеси*, *Хаста Хасан гюзеллемеси* или *Эрзурум диваниси*, *Чылдыр диваниси*, *Реисоглу диваниси* и др.²²). О. Чобаноглу также подчеркивает, что подобранная ашыком для определенной песни мелодия не является ее неотторжимой частью. По своей воле и/или по желанию публики ашык может во время исполнения выбрать для своей песни и другое музыкальное сопровождение из фонда мелодий²³.

Во-вторых, Х. Диздароглу вообще не рассматривает такие жанровые образования, как *гюзеллеме*, *кочаклама*, *ташлама* и *агыт*, а тезис Дж. Дильчина о том, что они обозначают только тему песен и реализуются в форме *кошма*, нуждается в пересмотре. Исследователи Х. Ильайдын²⁴, М. Ярдымджи²⁵, О. Чобаноглу²⁶ подчеркивают, что *гюзеллеме*, *кочаклама*, *ташлама* и *агыт* — это не только обозначение темы произведения. Согласно мнению этих ученых, тематический диапазон каждого из данных жанровых образований достаточно широк и не ограничивается одной темой. Так, песня-*гюзеллеме* может быть посвящена возлюбленной или воспевать красоты природы. Как далее поясняют турецкие исследователи, в то же время каждому из этих жанровых образований присущ свой эмоциональный рисунок, который варьируется в зависимости от типа: восхваление, порицание, жалоба, дидактика, высмеивание, оплакивание. Определенная «эмоциональная тональность»²⁷ произведения раскрывается с помощью закреплённых традицией способов сюжетно-композиционной и словесной организации текста, а также благодаря устойчивой музыкально-певческой форме, помогающей усилить эмоциональный регистр песни.

²² *Taşlıova Ş. Kars ve Çevresinde Sazla Sesle Söylenen Aşık Makamlarının İsimleri. // Uluslararası Folklor ve Halk Edebiyatı Semineri Bildirileri. Ankara, 1976. S.139*

²³ *Çobanoğlu Ö. Aşık Tarzı Kültürü ve Destan Türü. Ankara, 2000. S. 32.*

²⁴ *İlaydın H. Türk Edebiyatında Nazım. İstanbul, 1959.*

²⁵ *Yardımcı M. Başlangıçtan Günümüze Türk Halk Şiiri. Ankara, 2002.*

²⁶ *Çobanoğlu Ö. Aşık Tarzı Kültürü ve Destan Türü. Ankara, 2000.*

²⁷ Термин В.Е. Хализева, который он использует для обозначения преобладающего эмоционально-смыслового начала в произведении (Теория литературы 2005:78).

Кроме того, О. Чобаноглу считает, что *дестан* и *кошма* используют одни и те же типы эмоциональности и мелодии, также в них реализуется достаточно широкий общий круг тем. Этот вывод был сделан ученым в результате общения с певцами-поэтами, которые донесли до сегодняшнего дня основные традиции ашыкского творчества. Так, Ашык Закири (род. 1960) делает следующее важное замечание: «Существуют различные виды *дестанов*: плачи-*дестаны* (например, *дестан* о землетрясении в Эрзинджане), *гюзеллеме-дестаны*, *кочаклама-дестаны*...», то же отмечает и ашык Хусейн Чыракман (род. 1930): «У слушателей наибольший интерес вызывают плачи-*дестаны*, *кочаклама-дестаны* и *ташлама-дестаны* ...»²⁸. Таким образом, мы можем утверждать, что *гюзеллеме*, *кочаклама*, *ташлама* и *агыт* создаются ашыками не в одной, как полагают большинство исследователей, а в двух стихотворных формах: *кошма* и *дестан*. На наш взгляд, основное отличие двух данных форм состоит в том, что каждая из них предлагает свои композиционные нормы освоения материала. *Кошма* служит идеальной формой для выражения лирических чувств, переживаний и размышлений поэта-певца. Она свободна от композиционного регламента, благодаря чему ашык может актуализировать сразу несколько мотивов и калейдоскопично перемещать их внутри песни. В *дестане* же, который способен растягиваться до сколь угодно большого объема, ашык в деталях рассказывает об актуальных, интересных событиях, объясняет какое-либо явление или понятие. В композиционно-содержательном плане *дестан* отличается от *кошмы* тем, что в нем всегда выделяется центральный мотив, проходящий через всё произведение. Таким образом, ашык выбирает между формами *кошма* и *дестан* в зависимости от того, какие потенции *гюзеллеме*, *кочаклама*, *ташлама* и *агыт* он хочет актуализировать.

Наконец, в-третьих, *дивани*, *семай* и *календери*, обладающие, согласно классификациям Х. Диздароглу и Дж. Дильчина, только формальными характеристиками, в действительности имеют довольно узкий тематический диапазон: в песнях-*дивани* ашык разрабатывает тему любви, *семай* посвящает возлюбленной и/или природе, в песнях-*календери*, имеющих шуточный характер, высмеиваются различные явления и события общественной жизни²⁹.

Итак, как мы сумели убедиться, исследования турецких исследователей относительно жанровых характеристик аутентичных ашыкских произведений зачастую полярно противоположны друг другу, многие из них содержат фактологические неточности. Если

²⁸ Çobanoğlu Ö. Aşık Tarzı Kültürü ve Destan Türü. Ankara, 2000. S. 35–36.

²⁹ Kaya B.A. Aşık şiiri. İst., 2005. S. 36–37.

собрать воедино рассуждения турецких литературоведов и фольклористов, выделив лишь те, которые отражают истинное положение дел в жанровой системе аутентичных ашыкских произведений, и попытаться привести их к единому знаменателю, то перед нами предстает следующая картина. Турецкие ученые, анализируя принадлежность того или иного аутентичного ашыкского произведения к определенному жанру, выделяют в качестве основных характеристик либо его содержательные/содержательно-музыкалогические, либо формальные признаки; об особом типе эмоциональности, присущем каждой ашыкской песне, говорится спорадически, и она не играет, с точки зрения большинства турецких ученых, жанроразделительной функции.

Однако в отношении произведений ашыкского творчества было бы неверно рассматривать жанр только как совокупность содержательно-музыкалогических или формальных характеристик. В связи с этим, на наш взгляд, термин «жанр» в отношении аутентичных ашыкских произведений следует толковать гораздо шире: жанр является не содержательной или содержательно-музыкалогической, и даже не содержательно-формальной категорией; термин «жанр» должен включать четыре тесно связанных между собой и равноценных с точки зрения их жанроразделительной функции элемента: 1) тема; 2) эмоциональная тональность; 3) мелодия; 4) стихотворная форма. Таким образом, под жанром в ашыкской поэзии мы предлагаем понимать исторически сложившуюся, относительно устойчивую модель произведения, которая служит для воплощения определённого эмоционально-оценочного состояния с помощью традиционных мотивов, сюжетных схем, стилистических, а также музыкальных средств выражения. Основываясь на таком понимании жанра, мы предлагаем следующую классификацию аутентичных ашыкских жанров.

Жанры, использующие *хедже везни*:

1. *Гюзеллеме* — исполняющаяся под мелодию-гюзеллеме песня, в которой прославляется возлюбленная и/или описываются красоты природы;

2. *Кочаклама* — исполняющаяся под мелодию-кочаклама песня, в которой воспеваются битвы и прославляется мужество воина;

3. *Ташлама* — исполняющаяся под мелодию-ташлама песня, в которой высмеиваются общечеловеческие недостатки, а также социальные пороки общества;

4. *Агыт* — исполняющаяся под мелодию-агыт песня, в которой оплакиваются погибшие в бою солдаты и правители, а также жертвы природных катастроф и болезней.

Мотивы, представленные в песнях-*гюзеллеме*, *кочаклама*, *таш-лама* и *агыт*, могут быть реализованы в двух стихотворных формах: *кошма* и *дестан*.

Кошма — одиннадцатисложная, состоящая из трех–пяти четверостиший стихотворная форма с определенным рифмическим рисунком, для которой характерен описательный тип развертывания мотивов.

Дестан — одиннадцатисложная, состоящая более чем из пяти четверостиший стихотворная форма с определенным рифмическим рисунком, для которой характерна повествовательная логика развертывания мотивов, передающих определенную последовательность действий;

5. *Семаи* — исполняющаяся под мелодию-семаи восьмисложная, состоящая из трех–пяти четверостиший песня с определенным рифмическим рисунком, в которой прославляется чувство любви и красоты природы, *семаи* отличается от *гюзеллеме-кошмы* игривым, более легким стилем воспроизведения;

6. *Варсагы* — исполняющаяся под мелодию-варсагы восьмисложная, состоящая из трех–пяти четверостиший лирическая песня с определенным рифмическим рисунком, в которой ашык жалуется на жизненные невзгоды, но в то же время бросает вызов судьбе; для песен-варсагы характерен «удалой» стиль воспроизведения, в песнях могут использоваться довольно грубые слова и выражения.

Жанры, использующие *аруз*, в которых ашыки разрабатывают преимущественно мотивы диванной литературы:

1. *Дивани* — исполняющаяся под мелодию-дивани песня, в которой прославляется любовь, в песнях-дивани традиционно разрабатываются мотивы равнодушного и пренебрежительного отношения любимой к герою;

2. *Семаи* — исполняющаяся под мелодию-семаи песня, в которой прославляется красота возлюбленной и/или красоты природы;

3. *Календери* — исполняющаяся под мелодию-календери песня, в которой высмеиваются различные явления и события общественной жизни.

В завершение добавим, что эволюционировавшая в рамках средневековой культуры система жанров ашыкской поэзии продолжает свое функционирование вплоть до сегодняшнего дня: турецкая ашыкская поэзия — как и турецкая литература в целом отказавшаяся от *аруза* во второй половине XIX в. — вернулась к своим истокам — силлабической метрике; созданные на ее основе современные ашыкские песни по-прежнему занимают значительное место в культурном пространстве Турции.

Список литературы

- Artun E.* Aşıklık Geleneği ve Aşık Edebiyatı. İstanbul, 2008.
Çobanoğlu Ö. Aşık Tarzı Kültürü ve Destan Türü. Ankara, 2000.
Dilçin C. Örneklerle Türk Şiir Bilgisi. Ankara, 1983.
Dizdaroğlu H. Halk Şiirinde Türler. Ankara, 1969.
İlaydın H. Türk Edebiyatında Nazım. İstanbul, 1959.
Kaya B.A. Aşık şiiri. İstanbul, 2005.
Köprülü F. Edebiyat Araştırmaları I. Ankara, 2004.
Oğuz O. Aşık Makamları Üzerine Bir Değerlendirme // Milli Folklor. 1990. № 7. S. 22–29.
Onay A.T. Halk Şiirlerinin Şekil ve Nevi. İstanbul, 1928.
Sever M. Türk Halk Şiiri. Ankara, 2003.
Taşlıova Ş. Kars ve Çevresinde Sazla Sesle Söylenen Aşık Makamlarının İsimleri // Uluslararası Folklor ve Halk Edebiyatı Semineri Bildirileri. Ankara, 1976.
Yardımcı M. Başlangıçtan Günümüze Türk Halk Şiiri. Ankara, 2002.

Сведения об авторе: *Воробьёва Светлана Николаевна*, аспирант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: svetlanavorob-yova@yandex.ru

Ю.А. Дрейзис

**ТЕМА СМЕРТИ В РОМАНЕ ЮЙ ХУА
«КРИКИ В МОРОСЯЩИЙ ДОЖДЬ»**

В статье рассматривается проблема концептуализации смерти в романе современного китайского писателя Юй Хуа «Крики в моросящий дождь» (Цзай си юй чжун хухань). Анализ феномена ведется в тройной перспективе: с точки зрения влияния на творчество писателя традиционных китайских представлений, а также западных философских систем и тоталитарного дискурса времен маоизма. В итоге исследователь приходит к выводу о том, что поиск некоей экзистенциальной истины, исторической аутентичности и попытка переосмыслить китайскую традицию составляют ядро художественного мира писателя.

Ключевые слова: Юй Хуа, китайская литература, тема смерти, Крики в моросящий дождь (Цзай си юй чжун хухань).

The paper centers on the problem of conceptualization of death in the novel “Cries in the Drizzle” (Zai xi yu zhong huhan) by modern Chinese writer Yu Hua. The analysis of the phenomenon is carried out from a triple perspective: in terms of influence of traditional Chinese worldview, Western philosophies and totalitarian (maoist) discourse on the views of Yu Hua. The author comes to a conclusion that the simultaneous search for a kind of existential truth, historical authenticity and attempts to re-think Chinese tradition lie at the core of the writer’s art world.

Key words: Yu Hua, Chinese literature, death, Cries in the Drizzle (Zai xi yu zhong huhan).

Творчество современного китайского писателя Юй Хуа относится к так называемому авангардному (*сяньфэн*) направлению китайской литературы, ярко заявившему о себе на литературной сцене 1980-х годов. Представителей направления объединяло разочарование в героизме и гуманизме, увлечение языковой игрой, изображением немотивированного насилия, карнавализацией художественного пространства, а также стиранием границы между миром реального и нереального¹.

По мнению многих западных и китайских критиков², центральной для творчества Юй Хуа (а потому наиболее хорошо изученной)

¹ Подробнее о Юй Хуа см.: Дрейзис Ю.А. Назад к модернизму: творчество Юй Хуа в контексте развития китайского литературного авангарда // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. М., 2011. С. 404–406.

² См., например: Ван Биньбинь. Юй Хуа дэ фэн янь фэн юй (Безумный бред Юй Хуа) // Дандай цзоцзя пинлунь (Критика современных писателей). 1991. № 2;

является тема насилия. При ближайшем рассмотрении, однако, можно отметить, что тема смерти играет сравнимую с ней роль, особенно в произведениях крупной формы. Безусловно, отчасти это объясняется связью между насилием и смертью как таковыми: оба они представляют собой формы разрушения, к тому же, смерть часто является следствием насилия. Кроме того, и смерть, и насилие выступали в качестве неотъемлемых элементов общественной жизни маоистского Китая в эпоху «культурной революции» — период отрочества Юй Хуа. Жестокость и разрушительная мощь «культурной революции», а также психическая травма, с ним ассоциируемая, оказали глубокое влияние на все поколение писателей китайского авангарда, в том числе на Юй Хуа. Таким образом, смерть — естественное явление, которое приобрело извращенный характер в бурные годы социальных пертурбаций — становится доминирующей темой в творчестве писателя.

Проблема смерти отражена не только в прозе Юй Хуа, но и в произведениях других авторов, переживших эпоху «культурной революции» (Мо Янь, Янь Лянькэ, Гао Синцзянь и др.), где по-разному высвечиваются в сюжетах концепты смерти и инобытия. Для Юй Хуа смерть и насилие, обычно выключаемые за пределы дискурса, формируют ядро художественного мира писателя. Чтобы увидеть это, обратимся к анализу романа «Крики в моросящий дождь» (*Цзай си юй чжун хухань*, 1991), где тема смерти раскрывается наиболее ярко.

Роман представляет собой повествование, сотканное из отдельных эпизодов, составляющих детские воспоминания рассказчика — мальчика по имени Сунь Гуанлинь: рассказ о людях, с которыми он сталкивается, и о событиях, свидетелем которых он становится в своей родной и приемных семьях. Средний сын из трех, Гуанлинь постоянно испытывает пренебрежение со стороны родителей и братьев. Положение изгоя дает ему уникальную возможность для наблюдения за изменением характера китайского общества и собственной семьи. Через призму его видения Юй Хуа обращается к проблемам социальной динамики современной КНР, а также экзистенциальным проблемам жизни, смерти, одиночества и становления личности.

Цзи Хунфан. Юй Хуа «лэнмо сюйшу» юаньинь цянътань (Краткое исследование причин «отстраненного повествования» у Юй Хуа) // Хуйчжоу сюэюань сюэбао (Вестник Хуйчжоуского института). 2003; № 23 (1); *Chen J.* Violence: The Politics and the Aesthetic — Toward a Reading of Yu Hua // *American Journal of Chinese Studies*. 1998. № 5 (1); *Jones A.* The Violence of the Text: Reading Yu Hua and Shi Zhicun // *Positions*. 1994. № 3 (2), а также соответствующие главы в: *Choy H.Y.F.* Remapping the past: fictions of history in Deng's China, 1979–1997. Leiden, 2008 и *Lu T.* Misogyny, cultural nihilism & oppositional politics: contemporary Chinese experimental fiction. Stanford, 1995.

Тема смерти раскрывается в романе через систему центральных и второстепенных персонажей. К числу первых стоит отнести единственного героя, к которому протагонист относится с уважением и симпатией, — его лучшего друга Су Юй, симпатичного, молчаливого и одинокого отпрыска врачебной семьи. Смерть Су Юя описывается в романе подробнее всего. Для деревенского мальчишки Сунь Гуанлиня Су Юй предстает и надежным другом, и своего рода наставником. Его чистая и искренняя дружба согревает сердце главного героя, однако жизнь Су Юя оказывается трагична: гармоничная на первый взгляд семья на самом деле окружает его холодом и безысходностью, и он испытывает одиночество и отчуждение от мира. Несмотря на кажущуюся зрелость суждений и спокойный нрав, Су Юй сталкивается со всеми типичными психологическими и физиологическими проблемами подростка. Подобно своим сверстникам, он смущен и страдает от своих сексуальных желаний, которые превращают его жизнь в абсолютное несчастье. Самый ужасный момент в жизни Су Юя наступает, когда одним летним днем он оказывается настолько околдован соблазнительными формами молодой женщины, что, поддавшись неконтролируемому желанию, решается обнять ее — это стоит ему года в исправительно-трудовой колонии, а также его репутации.

Кульминация несчастий Су Юя — его смерть. Повествование о ней, как и сама смерть, потрясает неожиданностью и прямотой:

Су Юй, который обыкновенно вставал рано, в то утро из-за разрыва сосуда в мозгу погрузился в забытие. Остатки сознания помогли ему слегка открыть глаза и совсем слабым взглядом звать к этому миру о помощи³.

Перед лицом смерти Су Юй в отчаянии издает свой последний, безгласный крик. Первой мимо умирающего героя проходит его мать; она реагирует на неожиданную «леность» сына потоком упреков в том, что он не принес горячей воды для всей семьи. За ней следует отец Су Юя с целой серией грубых замечаний, при этом слегка приоткрытые глаза героя вызывают лишь раздражение. Последним мимо умирающего Су Юя проходит его младший брат Су Хан. Ему непривычная «леность» брата кажется странной, однако и он покидает комнату с равнодушием:

Су Хан вслед за родителями подошел к двери и, не поглядев на брата, распахнул ее. В этот миг последний проблеск света хлынул в комнату, освещая отраженным сиянием жизнь Су Юя. Из глубин своего сердца он закричал брату, но ответом ему была лишь захлопнувшаяся дверь⁴.

³ Юй Хуа. Цзай синюй чжун хуань (Крики в моросящий дождь). Шанхай, 2004. С. 114.

⁴ Там же. С. 116.

Единственный ответ мира умирающему герою — закрытая дверь. Эта сцена представляет собой развернутую аллессию беспомощности и безнадежности человеческого существования⁵. Она подталкивает к мысли о тотальном отчуждении и равнодушии к страданиям других людей. Персонажи романа действуют исключительно в собственных интересах, они лишены чувства заботы, привязанности или симпатии по отношению к другим героям. Ни один из членов семьи Су Юя не замечает его страданий и неотвратимости его смерти; их интерпретация болезни героя как неожиданного приступа «лености» — результат эгоцентричного мышления, свидетельство эгоистичной человеческой природы. Рассказчик отмечает, что звуки, издаваемые членами семьи, — скрип ступеней, хлопки открываемой и закрываемой двери, стук посуды на кухне, плеск воды и шум от чистки зубов — отсрочивают процесс умирания Су Юя, но все эти неосознаваемые действия представлены всего лишь как вкрапления в сам процесс, а отнюдь не попытки помочь. История смерти Су Юя высвечивает экзистенциалистские установки творчества Юй Хуа; автор как бы вторит знаменитому утверждению Сартра «Ад — это другие».

Сам рассказчик «Криков...» представляет читателю собственное видение умирания Су Юя. Мрачная и ужасающая атмосфера, обычно ассоциируемая со смертью, уступает в видении юного Суня место заворачивающему процессу, почти торжественному ритуалу:

Наконец тело Су Юя стало неодолимо оседать, все быстрее и быстрее, и начало вращаться. После невыносимо долгого удушья он внезапно обрел покой исчезновения, словно бы легкий ветер приятно развеял его тело, и он почувствовал, как обратился в бесчисленные капли, которые мелодично и звонко растаяли в воздухе⁶.

Это изображение прекрасного, спокойного конца напоминает широко известный эпизод, когда Чжуан-цзы пел, ударяя в таз (*гу пэнь эр гэ*), вместо того, чтобы оплакивать усопшую жену⁷. Раздраженный его реакцией на смерть, ученик Хуэй-цзы задает вопрос о причине столь странного поведения, и философ объясняет, что смерть, подобно жизни, представляет всего лишь звено в нескончаемой цепи трансформаций универсума. Далее в той же главе он описывает мир смерти как идеальное место, где царит полная свобода и «царственное счастье»⁸. Чжуан-цзы придерживается экзистенциалистского взгляда на проблему жизни и смерти, проводя мысль о том, что

⁵ Отметим явную параллель с рассказов Ф. Кафки «Превращение» (1912), где герой также оставлен родными и описание его мучений раскрывает трагедию одинокого, покинутого человека перед лицом абсурдной и бессмысленной судьбы.

⁶ Там же.

⁷ См.: Малявин В.В. Чжуан-цзы: Даосские каноны. М., 2002. С. 134.

⁸ Там же. С. 135.

оба они представляют естественные процессы, а потому различия между ними могут быть проигнорированы. Описывая смерть как «царственное счастье», он старается эстетизировать умирание и лишить его привычной ужасающей ауры.

Юй Хуа очевидным образом наследует Чжуан-цзы в осуществлении этой задачи. Если смерть — не более чем растворение капель воды в воздухе, то она ничуть не менее желанна, чем жизнь, полная мрака и уродства. Для Су Юя, который привык испытывать лишь равнодушие со стороны родственников и презрение вкупе с унижением со стороны внешнего мира, смерть приносит утешение и освобождение. Покидая мир во цвете лет, он тем самым утверждает в вечности свой образ как сочетание физической красоты и моральной цельности. Связь между красотой и смертью у Юй Хуа высвечивает тенденцию по эстетизации умирания — наследие философии Чжуан-цзы.

Вводя концепт времени в художественный мир своего творчества, Юй Хуа пытается объяснить феномен смерти в хайдеггеровском ключе. Отметим, что смерть занимает центральное место в метафизических спекуляциях на тему смысла бытия Хайдеггера и некоторых других западных философов, например, Ясперса и Кьеркегора, которых китайская интеллектуальная элита начала открывать для себя именно в конце 1980-х гг. Подобно смерти, время или же темпоральность — один из ключевых концептов философской системы Хайдеггера. Философ отмечает, что темпоральность есть смысл бытия как такового. Согласно интерпретации западного хайдеггеровед К. Уайт, он описывает время как «горизонт всего понимания бытия и любого способа истолковать его»⁹. Хайдеггер определяет жизнь как непрерывное течение времени и время как непосредственно прожитую жизнь. Можно сказать, что он исповедует представление о времени как о субъективированной и индивидуализированной реальности¹⁰. Если доктрина Чжуанцзы эпистемологична по своей сути (поскольку и жизнь, и смерть — естественные процессы, то, чтобы избавиться от ужаса смерти, мы должны рассматривать их оба одинаково спокойно), то концепция Хайдеггера онтологична, так как подчеркивает неразделенность жизни и смерти с самого начала существования.

В романе Юй Хуа рассказчик, вводя в дискурс концепт времени, определяет жизнь как проживаемое, субъективированное время. Так, например, смерть его младшего брата Сунь Гуанмина, рассматривается не как трагедия в общепринятом понимании, но как чисто экзистенциальное явление:

⁹ White C.J. *Time and Death: Heidegger's Analysis of Finitude*. Aldershot, 2005. P. 18.

¹⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

*На самом деле мы живем не на земле, но во времени. Поля, улицы, реки, дома — это все наши товарищи по времени, и время движет нас вперед или назад, меняя, к тому же, нашу наружность... Когда мой взгляд прошел долгой дорогой воспоминаний, я вновь увидел Сунь Гуанмина, который выходил, но уже не из дома. Он вышел за пределы времени. Расставшись с ним, брат сделался твердо определенным и постоянным, а мы продолжили свое движение вперед, подталкиваемые временем. Сунь Гуанмин увидит, как время будет уносить окружающих его людей и пейзажи. А я увидел вот какую реальность: когда живые хоронят своих мертвецов, те остаются навечно лежать в могиле, а живые продолжают движение. Это намек, который время делает людям, еще блуждающим в этом мире*¹¹.

Здесь Юй Хуа увязывает понимание жизни и смерти с представлением о темпоральности. В экзистенциальной феноменологии Хайдеггера темпоральность предстает как самая суть бытия. Включая концепт времени в свое повествование, Юй Хуа описывает людей как некие сущности, помещающиеся во времени, подобно полям, улицам, рекам и домам. Тем самым он дистанцируется от традиционного фаталистичного и морализирующего видения, которое тесно связано с концептами Неба и Земли. Вместе с тем его понимание темпоральности отлично от хайдеггеровского: Юй Хуа утверждает, что время есть отдельная от людей сущность, так как мы живем «во времени», в то время как Хайдеггер неоднократно подчеркивает, что бытие проистекает не во времени, но оно само суть время¹².

Если мы рассмотрим все смерти, описанные в «Криках...», то увидим, что, несмотря на различия в их причинах, последствиях и т. п., они демонстрируют удивительное сходство. Смерть с точки зрения ее атмосферы, эстетического эффекта и социального воздействия всегда соотносена с характеристиками персонажа: его/ее внешностью, характером, моральными достоинствами, эстетическими предпочтениями и т. п. Привлекательные и добродетельные герои всегда уходят из жизни красиво, и читатель оказывается захвачен чувствами уважения и печали, в то время как злодеи или противоречивые персонажи умирают страшно и жалко, и их смерть вызывает лишь отвращение. Если гибель Су Юя воплощает всю красоту человеческой жизни и печаль по поводу ее утраты, то смерть родного отца рассказчика Сунь Гуанця служит примером того, как испорченные и развращенные обречены в мире «Криков...» умереть самым отвратительным и отталкивающим образом. Жестокого отца, непочтительного сына и неверного мужа Сунь Гуанця сводит в могилу его неумеренное пристрастие к алкоголю. Однажды ночью по пути

¹¹ Юй Хуа. Цзай сиюй чжун хухань (Крики в моросящий дождь). Шанхай, 2004. С. 31.

¹² Jalbert J.E. Time, Death, and History in Simmel and Heidegger // Human Studies. Vol. 26. 2003. № 2. С. 267–268.

домой из винной лавки он пьяным падает в выгребную яму и, захлебнувшись в нечистотах, погибает (отметим здесь явное сходство со смертью родного отца Бритого Ли из романа «Братья» (Сюнди, 2005); он умирает, случайно соскользнув в выгребную яму в процессе подглядывания за женщинами из общественной уборной).

Тенденция приписывать прекрасный финал людям безупречного поведения и постыдный — развратникам связана с традиционным китайским представлением о нравственном воздаянии. Так, например, в классическом комментарии «Цзочжуань» приводится история цзиньского правителя Цзин-гуна, который в наказание за многочисленные злодеяния умирает в куче экскрементов, подобно злосчастному Сунь Гуанцаю. Эта идея воздаяния в дальнейшем подтверждается еще одной деталью: другой пьянчужка, проходящий ночью мимо утонувшего Суня по ошибке, принимает его за мертвую свинью. Решив, что ему выпала невиданная удача, он выволакивает тушу из ямы, однако обнаружив, что перед ним тело Сунь Гуанцяя, со злостью пинком отправляет его обратно в зловонную жижу. Уравнивание трупа со свиной тушей только усиливает отвращение читателя и одновременно отсылает к еще одному элементу китайского культурного наследия — тенденции связывать аморальное поведение с животным миром.

Смерти второстепенных персонажей также вписываются в эту схему нравственного воздаяния (отметим здесь близость с буддистской идеей *кармы*). Так, гибель старшего брата Лю Сяоцина — пожалуй, наиболее оптимистичной фигуры во всем романе — изображается в весьма романтическом ключе. Он умирает от приступа острого гепатита, который происходит в деревне, куда героя направляют в статусе *чжицина*. Две крепкие девушки, сменяя друг друга, на собственных плечах относят молодого человека домой в город, и он умирает в ту же ночь. Бабка рассказчика, всю свою жизнь посвятившая заботам о семье, отходит в мир иной тихо и спокойно, во сне. И ее жизнь, и ее смерть остаются незамеченными миром. Приемный отец Сунь Гуанлиня, чьи сексуальные желания не находят выхода из-за хрупкого здоровья его жены, живет трагически и гибнет трагически — наложив на себя руки, после того как на свет выплывает его измена.

Наиболее подробно изображена в романе смерть деда рассказчика Сунь Ююаня, о котором тот часто отзывается в пейоративном тоне. Пространное описание смерти Сунь Ююаня отражает как китайские представления о смерти, так и индивидуальное видение Юй Хуа. Обычно «нормальная смерть» в обыденном сознании предстает как естественный процесс, находящийся за пределами человеческого контроля, в отличие, например, от самоубийства. Однако умирание

деда рассказчика представлено как деятельность, контролируемая самим умирающим.

Этот процесс начинается с проклятия и опрометчивого наказания героем самого Будды. Накануне времени сбора урожая дождь затопляет поля, грозя погубить весь созревший рис. Некоторые жители деревни устраивают в домах тайные алтари, где они совершают подношения бодхисатвам в надежде, что те остановят ливень и предотвратят катастрофу. В этот критический момент Сунь Ююань предлагает собственное решение: он требует, чтобы деревенские жители выкинули изображения бодхисатв под проливной дождь, мотивируя это тем, что «помокнув денек под дождем, они спекутся и, отведав лиха, взмолятся Царю драконов, чтоб он прекратил ливень»¹³. По иронии судьбы мысль Сунь Ююаня о наказании божеств совпадает с призывом коммунистов избавиться от суеверий — статуэтки выбрасывают под дождь под руководством партийного начальства и старика Суня. Однако вопреки ожиданиям Сунь Ююаня, дождь не прекращается, и он приходит в неописуемый гнев, проклиная само Небо и совершая тем самым страшный грех с точки зрения традиции. «Давай же, владыка небесный! Покажи свое хозяйство, затрахай меня до смерти!» — кричит он в запале¹⁴. В итоге дождь прекращается к полудню, и пророчество старика наконец-то сбывается. Деревенские жители, которым поведение Суня сначала казалось недостойным и нечестивым, начинают относиться к нему как к человеку, находящемуся в непосредственном контакте с сверхъестественным.

Когда ливень в конце концов проходит, Сунь Ююань превращается в глазах соседей чуть ли не в божество, однако самого героя снедает невыносимый страх. Ему кажется, что душа покидает тело, вылетая из него, подобно птице. Это странное ощущение чрезвычайно печалит старого Суня, и он принимает решение умереть или, скорее, встать на путь смерти, так как он полагает, что утрата души является свидетельством начала умирания, ниспосланного самим Небом. Соседи также полагают, что он должен перейти в инобытие, что было бы естественно для бессмертного, который обречен покинуть земную юдоль и вернуться в свой настоящий мир.

После нескольких дней, проведенных в постели безо всяких признаков ухудшения самочувствия, Сунь Ююань начинает беспокоиться. Однако вскоре он обнаруживает причину и объявляет сыну, что его душа, отделившаяся от тела, не смогла улететь далеко, будучи привлеченной запахом риса, а потому она скрывается неподалеку, в воробьиной стае. Он просит сына изготовить несколько

¹³ Юй Хуа. Цзай сиюй чжун хухань (Крики в моросящий дождь). Шанхай, 2004. С. 181.

¹⁴ Там же.

соломенных чучел и расположить их вокруг дома, чтобы отпугнуть душу. Непокорный сын игнорирует просьбу отца, но соседи с радостью приносят в дом Суней два чучела. Вскоре после этого состояние старика действительно начинает стремительно ухудшаться: он становится все слабее, теряет аппетит, пока однажды домашние не решают, что он умер. Сын Суня зовет односельчан, чтоб они помогли вынести труп из дома, но в тот самый момент, когда они покидают комнату, старик вдруг начинает улыбаться. Люди разбегаются в страхе. Через двадцать дней старый Сунь внезапно встает с постели и начинает понемногу ходить. Но уже на следующее утро, когда его сын окончательно смиряется с мыслью, что отец никогда не умрет, тот наконец-то отходит в мир иной.

Странная смерть Сунь Ююаня очевидным образом нарушает естественные законы человеческого существования. Если рассматривать ее с философской точки зрения, то можно увидеть, что за нарушением природного порядка кроется порядок иного рода — закон Небесного мандата (*тяньмин*) или Фатума. Согласно популярным китайским представлениям, жизнь и смерть определяются судьбой или Небом. То что происходит с Сунем, лишь подтверждает непреодолимую силу судьбы. Хотя его смерть необъяснима с медицинской точки зрения, странное чувство утраты души является прямым свидетельством предопределения. Предсказание собственной смерти и тщательное приготовление к ней, а также действия односельчан, предоставивших соломенные фигуры, — все это свидетельства осознания воли Неба и готовности ей следовать. Юй Хуа вновь обращает читательское внимание на ряд важных аспектов популярных китайских представлений о мире — фатализм и веру в существование души.

Популярное китайское восприятие жизни и смерти характеризуется представлением о дуализме души. Душа человека состоит из двух элементов: *хунь* и *по* (оба слова традиционно переводятся одинаково — «душа»). Как пишет Майкл Леве: «Оживляя материальное тело и сохраняя его в состоянии гармонии, они служили для того, чтобы поддерживать существование индивида; смерть наступала тогда, когда три элемента в лице *хунь*, *по* и тела оказывались разъединены. В течение жизни *хунь* и *по* выполняли разные функции. *Хунь* соответствовала силе, которая могла направлять деятельность и обеспечивала способность к духовному опыту и интеллектуальной энергии. *По* позволяла телу предпринимать действия и использовать члены, поскольку она наполняла силой и движением различные его части»¹⁵. После смерти *хунь* отлетает к Небу, в то время как *по* нисходит в Землю.

¹⁵ Loewe M. Chinese Ideas of Life and Death. L., 1982. P. 26.

Если мы свяжем странную гибель Суня с его непочтительным поведением по отношению к отцу (он использует тело отца как оружие, чтобы отбиться от врагов), то элемент нравственного воздаяния обозначается максимально четко. Детальное описание перехода Сунь Ююаня в мир иной также указывает на духовное измерение смерти: физически здоровый человек умирает вопреки всему — это подчеркивает, что смерть не есть просто биологический феномен; она тесно связана с психологическим, ментальным и духовным состоянием индивида. Популярная китайская концептуализация смерти также часто ассоциируется с различными табу и суевериями.

В этом смысле большое значение имеет изображение жизни и смерти такого второстепенного персонажа, как Старуха в черном. Эта героиня принадлежит к числу наиболее запоминающихся героев романа. Она живет странной, уединенной жизнью, общаясь только с умершими. Все стены в ее спальне завешаны фотографиями мертвых спутников ее одиночества; она продолжает обедать так, словно погибший за много лет до этого муж по-прежнему обедает вместе с ней. При этом общение с миром живых дается ей нелегко, и жизнь для старухи превращается в невыносимую тягость.

Воплощением страха перед жизнью становится золотисто-рыжий пес¹⁶, который поджидает женщину на дороге к дому и всегда облаивает ее, когда она проходит мимо. Больше всего она боится, что собака умрет прежде нее и будет поджидать свою жертву на пути в иной мир. В конце концов героиня умирает по дороге домой из бакалейной лавки, откуда она возвращается с бутылкой соевого соуса в компании приятеля рассказчика Гоцина. Почувствовав, что ей тяжело переставлять ноги, она садится у стены и спрашивает у мальчика, на месте ли золотисто-рыжая собака. После утвердительного ответа она с облегчением закрывает глаза и умирает.

Позднее Гоцин использует идеи старухи, чтобы самому объяснить ее смерть. Он полагает, что она обречена заблудиться и замерзнуть на пути в мир иной:

Она слишком поспешила на тот свет — даже теплую одежду и масляную лампу прихватить забыла. А дорога на тот свет долгая, там темно и холодно. Вот она шла-шла в этой темени — хоть глаз выколи — и в конце концов заблудилась. Спереди налетел ледяной ветер, и она затряслась от холода. Ей стало невозможно идти дальше. Села, вот и замерзла насмерть¹⁷.

¹⁶ Желтыми источниками (хуанцзянь) часто именуется в китайской традиции загробный мир, подробнее об этом см.: Loewe M. Op. cit. P. 27. Примечательно, что цвет шерсти наводящего ужас пса так же обозначен, как хуан, т.е. изжелта-рыжий.

¹⁷ Юй Хуа. Цзай синой чжун хухань (Крики в моросящий дождь). Шанхай, 2004. С. 237.

История смерти Старухи в черном раскрывает два представления, характерных для традиционной китайской культуры. Во-первых, легкость, с которой этот персонаж пересекает границу между миром мертвых и живых (она общается с умершими и переходит в мир иной, словно погружаясь в послеобеденный сон), служит еще одним подтверждением идей Чжуан-цзы о естественности смерти. Во-вторых, история умирания загадочной старухи напрямую связана с концептуализацией китайцами инобытия: представления героини о загробном мире, ее отношения с собакой и дальнейшие объяснения Гоцина демонстрируют, что смерть не является концом существования; скорее это начало новой жизни в новом месте. Эта новая жизнь зеркально отражает существование в мире живых. Представление о неотличимости природы существования в этом и в ином мире, а также о нравственном воздаянии составляет один из наиболее важных аспектов популярной китайской мысли и простонародных религиозных верований.

Еще одна смерть — гибель родного брата рассказчика Сунь Гуанмина — призвана служить своего рода политической аллегорией и показать искаженный характер духовного мира личности в условиях доминирования маоистского дискурса. Сунь Гуанмин гибнет в результате нелепой случайности, пытаясь спасти тонущего приятеля. После его смерти отец спасенного объявляется на пороге дома Суней, пытаясь предложить им деньги в качестве компенсации. Однако семья умершего подростка отказывается от денег взамен на «политический капитал» и требует, чтобы отец мальчика доложил властям о героическом поступке их сына. Вскоре о нем рассказывают по местному радио. Отец Суня и его брат начинают представлять себе, как на них должны, словно из рога изобилия, посыпаться многочисленные блага, которые полагаются семье «героя». Однако вопреки завышенным ожиданиям (или благодаря их подчеркнутой ирреальности и нарочитости) семейство Суней становится объектом насмешек всей деревни. Когда прекрасные мечты рассеиваются, как дым, они вновь вспоминают о деньгах и отправляются выколачивать их из отца спасенного мальчика. Получив отказ, Суня громят дом. Для Сунь Гуанця эта эскапада завершается пятнадцатую сутками в полицейском участке.

Для Суней смерть их родственника становится не экзистенциальной трагедией, вызывающей горе и чувство утраты, но фактом, которым они пытаются манипулировать в собственных интересах. Ощущение радостного возбуждения от открывающихся перспектив начисто вытесняет из их душ горе от потери близкого человека. Тот факт, что благородный поступок Сунь Гуанмина в конце концов приносит его семейству лишь позор и проблемы, становится еще

одним свидетельством уродства того общества, в котором они существуют.

Таким образом, изображение смерти в романе Юй Хуа решает три задачи одновременно. Во-первых, оно отображает размышления автора о безнадежности существования и эгоистической сущности человеческой природы, наследуя тем самым традиции западноевропейской философской мысли. Во-вторых, оно обращает внимание читателя на ряд традиционных китайских представлений (в том числе даосских и буддистских) с предполагаемой возможностью их переосмысления и, наконец, подчеркивает деформацию духовного мира личности в условиях тоталитарного дискурса. Одновременный поиск некой общей экзистенциальной истины, исторической аутентичности и попытка переосмыслить китайскую традицию составляют ядро художественного мира писателя. В этом контексте примечательна его открытость чуждой традиции, которую Юй Хуа инкорпорирует в свое творчество наряду с даосизмом, конфуцианством и простонародными представлениями о мире.

Список литературы

- Дрейзис Ю.А.* Назад к модернизму: творчество Юй Хуа в контексте развития китайского литературного авангарда // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. М., 2011.
- Малявин В.В.* Чжуан-цзы: Даосские каноны. М., 2002.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- Jalbert J.E.* Time, Death, and History in Simmel and Heidegger // Human Studies. Vol. 26. 2003. № 2.
- Loewe M.* Chinese Ideas of Life and Death. L., 1982.
- White C.J.* Time and Death: Heidegger's Analysis of Finitude. Aldershot, 2005.
- Юй Хуа.* Цзай сиюй чжун хухань (Крики в морозящий дождь). Shanghai, 2004.

Сведения об авторе: *Дрейзис Юлия Александровна*, аспирант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: xiaoyouliya@gmail.com

ПУБЛИКАЦИИ

Давид ибн Марван ал-Мукаммис.

ДВАДЦАТЬ ГЛАВ. ГЛАВЫ 5–6

Мы завершаем публикацию перевода глав из трактата, посвященных сотворенности и сущности мира. Глава 5 — центральная и самая длинная в этом разделе, ибо именно в ней окончательно доказывается, что мир и все, что в нем сотворено. В противоположность этому глава 6, очень короткая, выглядит как дополнение к разделу, чтобы реализовать концептуальную композицию, выбранную автором, стержнем которой являются четыре аристотелевских вопроса. Ведь два из них вошли в эту короткую главу. Однако при всей краткости этой главы в нее включено очень важное для всей средневековой религиозной мысли положение — мир создан, чтобы человек мог через него познавать Бога. Это положение, которым завершается шестая глава и весь раздел, как бы перекидывает мостик к следующему разделу — о Творце.

Глава 5 [Субстанции и акциденции мира — новосозданы]

1) Нам надлежит теперь исследовать следующие вопросы. Являются ли субстанции и акциденции мира вечными, бывшими всегда, и ничто из них не является новосозданным? Или же субстанции мира — вечные, бывшие всегда, а акциденции — новые? Или же акциденции его — вечные, бывшие всегда, а субстанции — новые? Или же и субстанции, и акциденции мира — новые, которых не было, и ничто из них не является вечным, бывшим всегда?

2) Это демонстрирует следующая таблица.

Исследование субстанций и акциденций мира может привести к одной из четырех возможностей
Либо субстанции и акциденции мира — вечные, бывшие всегда, и ничто из них не новосоздано, но это — неверно.
Либо его субстанции — вечные, бывшие всегда, а его акциденции — новые, но и это — неверно.
Либо акциденции его — вечные, бывшие всегда, а его субстанции — новые, но и это — неверно.
Либо и субстанции, и акциденции его — новые, которых не было, и ничто из них не вечно, и это — истина.

3) Теперь мы готовы дать разъяснения, необходимые для установления истинности того, что мы полагаем истинным, и опровержения того, что мы считаем ложным, и Бог — помощник.

Мы рассуждаем так. Допустим, некто признает, что мир состоит из субстанции и акциденции, что субстанция — самодостаточна и существует не благодаря чему-то другому и не пребывает в чем-то ином, а акциденция пребывает в другом и соотносена с ним, не самодостаточна. Если он вместе с тем полагает, что они обе — вечные, бывшие всегда, то он утверждает невозможное. Мы покажем, что неизбежные следствия из его слов противоречат сказанному им, чтобы его собственным языком было выражено признание его несостоятельности.

4) Ему следует сказать: «Расскажи нам о субстанции, которая принимает противоположные акциденции, например, здоровье и болезнь. Принимает ли она их вместе, одновременно и в одном и том же состоянии, или же она каждую из них принимает по отдельности?».

Если он скажет, что субстанция принимает вместе, одновременно и в одном и том же состоянии, тогда он вынужден признать, что человек бывает здоровым и больным одновременно и в одном и том же состоянии, что он бывает недвижимым и движущимся одновременно и в одном и том же состоянии.

Тогда человек может быть спящим и бодрствующим, живым и мертвым, стоящим и сидящим, отступающим и наступающим, молчащим и говорящим в одном и том же состоянии и одновременно.

Однако я не знаю никого, кто бы принимал и утверждал это мнение¹.

5) Если же он скажет, что субстанция принимает каждую из акциденций по отдельности, ему следует сказать: «Ты говоришь, что акциденции вечны и пребывали всегда, что субстанции тоже вечны, и что ничто из них не новосоздано, чтобы чего-то не было, а потом оно стало, а также что субстанция принимает противоположности не вместе, а по отдельности, одну за другой. Тогда из твоих слов следует, что акциденции одновременно и вечны и пребывали всегда и новосозданы, так что их не было. Такое утверждение явно несостоятельно и абсурдно».

Если же он спросит: «Откуда это следует?», ему следует сказать: «Если бы субстанция принимала противоположности вместе, то каждая из них могла бы быть вечной, такой, что была всегда, однако это утверждение абсурдно. Если же субстанция не принимает обе

¹ Ср.: *Аристотель*. Метафизика. Кн. 9. Гл. 2, 1046b 16; *Он же*. Категории. Гл. 5, 4а 10–30. Как указывает Струмза, арабские теологи, такие как Матуриди и Бакиллани, тоже приводили абсурдность соединения противоположностей в одной и той же субстанции как аргумент в данном контексте.

противоположности вместе, то каждая из них оказывается новосозданной. Ведь каждая из них исчезает (*yubtal*) и после нее возникает (*yahduth*) другая. И исчезновение одной означает возникновение другой, а исчезновение второй — возникновение первой. Например, движение возникает после того, как исчезает покой, а покой возникает после исчезновения движения. То же самое относится к болезни и здоровью, сну и бодрствованию, речи и молчанию, наступлению и отступлению и всему подобному этому. А раз дело обстоит так, значит, акциденции новосозданы, и их сначала не было, а потом они стали.

Таким образом, оказались несостоятельными два утверждения. Первое — утверждение того, кто говорит, что и субстанция мира и его акциденции — все это вечно и было всегда...²

6) Ведь только одно из двух может быть установлено: либо что и субстанция и акциденции — новые, либо что и акциденции мира вечны и субстанция его вечна, но мы выше показали абсурдность утверждения, что акциденции мира вечны. А если дело обстоит так, то и вопрос о новизне субстанции решен со всей очевидностью. Мы изложили то, что хотели бы услышать сказанным по этому вопросу, в другой книге, в главах которой мы дали определение акциденции. Это наша книга об акциденциях согласно логике³. Однако мы и здесь изложим вкратце то, что говорили там.

7) Мы говорим, что акциденция названа «акциденцией» именно потому, что она существует благодаря другому и находится в ином. Будь это не так, ее не назвали бы «акциденцией». В этом — указание на то, что она новосоздана. Субстанция тоже новосоздана в силу того, что здоровье в ней возникает после того, как его не было, и болезнь возникает в ней после того, как ее не было. Подобных примеров много. А раз установлено, что субстанция принимает акциденции, значит, установлено и то, что и они новосозданы, ведь принятие их субстанцией и есть их возникновение, например, принятие телом болезни и принятие динаром печати и тому подобное. А так как все субстанции мира принимают акциденции, значит, установлена и их новосозданность. Вопрос этот ясен, если только оппонент не заупрямится, игнорируя свой разум, и не войдет в свой собственный глаз, как говорит пословица⁴.

² Как указывает Струмза, далее отсутствует одна или несколько страниц. Вероятнее всего, они были посвящены опровержению возможности сочетания вечных субстанций и сотворенных акциденций, см. итог всей дискуссии в конце главы (§ 5:41).

³ Струмза указывает, что реконструкция всего этого пассажа в какой-то степени гипотетична. Трудно сказать, о каком именно сочинении идет речь.

⁴ Мне остается только согласиться со Струмзой, которая говорит, что это изречение ей неизвестно.

8) Допустим, что некто из тех, кто отрицает, что акциденции новосозданы, говорит, пытаясь умничать: «Акциденция, которую ты считаешь новой (*ḥadītha*), существовала потенциально (*bi-l-quwwa*) прежде, чем возникла актуально (*bi-l-fi'l*)».

Однако мы продемонстрируем их новосозданность и придем⁵ к истине.

Лишь одна из пяти возможностей может реализоваться в акциденции, которая существовала потенциально, а потом возникла актуально:

Либо она существовала потенциально всегда и всегда пребудет потенциально, и ее актуальное существование невозможно.

Либо она существовала актуально всегда и всегда пребудет актуально, и ее потенциальное существование невозможно.

Либо она всегда существовала актуально и становится потенциальной.

Либо она всегда существовала потенциально и становится актуальной.

Либо ее существование, и потенциальное, и актуальное, новосоздано.

9) Это демонстрирует следующая таблица.

Лишь одно из пяти возможно в акциденции, которая существовала потенциально, а потом возникла актуально
Либо она всегда существовала потенциально и всегда пребудет потенциально, и ее переход в актуальное состояние невозможен, и это — неверно.
Либо она всегда существовала актуально, и ее потенциальное существование невозможно, и это — неверно.
Либо она всегда существовала актуально и становится потенциальной, и это — неверно.
Либо она всегда существовала потенциально и становится актуальной, и это — неверно.
Либо ее потенциальное и актуальное существование одинаково новосозданы, и это — истина.

10) Мы исследуем все эти допущения и завершим демонстрацию того, какое из них — истина, а какое — ложь.

Мы говорим: первое допущение, утверждающее, что акциденция всегда пребывала потенциально и всегда пребудет потенциально и что ее переход в актуальное бытие невозможен, — явно несостоятельно. Ведь то, что пребывает потенциально, — безгранично⁶ и никакое имя или прозвище к нему не относится явно.

⁵ Глагол, стоящий в оригинале, переводчику неизвестен и переведен в соответствии с общим контекстом.

⁶ Арабское выражение *lam yantahi* «бесконечно, безгранично» реконструировано Струмзой с большими сомнениями и оговорками. Предложенный ею перевод — «неопределенно».

Как сказал Аристотель, потенциальное не имеет имени, так как никакое имя явно не соотносится с потенциально сущим⁷. Те акциденции, что мы наблюдали, пребывают актуально и имеют имена и прозвища, по которым их узнают, называют и обозначают, например, «белизна» и «чернота», «сладость» и «горечь», «жара» и «холод», «влажность» и «сухость». В нашем обсуждении и в нашей дискуссии с оппонентом по поводу его отрицания новосозданности акциденции после того, как он признал ее, речь шла об актуально существующих акциденциях, и ни о чем ином.

11) Я не знаю никого, кто утверждал бы подобное. Ведь если кто бы то ни было признает, что нечто существует в нем потенциально, то тогда возможно и то, что оно актуализуется, т.е. что его пребывание в актуальности не невозможно. Так, ребенок может стать писцом, плотником или строителем, ибо все это в нем потенциально. Не невозможно, чтобы то, что есть в нем потенциально, перешло в актуальность. Именно поэтому и говорят, что оно в нем потенциально.

Однако то, чем он не является потенциально, тем он не может стать, и то, чего в нем нет, то не может появиться. Так, мы говорим, что ребенок не является потенциально книгой, и не допускаем, что в нем может проявиться книжность⁸. В этом — опровержение допущения тех, кто утверждает, что якобы акциденции потенциально пребывали всегда и всегда останутся пребывающими потенциально.

12) Допущение, что акциденции всегда пребывали актуально и всегда останутся пребывающими актуально, и их потенциальное бытие невозможно, — тоже явно несостоятельно.

Ведь мы вместе, и мы, и наш оппонент, который утверждает это, признали, что субстанция может принимать как некую акциденцию, так и ее противоположность. Живое тело принимает здоровье и болезнь, всякое тело может принимать движение и покой, и тому подобное.

Мы признали и то, что субстанция не принимает их одновременно и в одном и том же состоянии, но, напротив, принимает противоположности по отдельности, каждую из них в свое время и в своем состоянии, а не вместе и сразу. В этом — утверждение новосозданности одной противоположности по исчезновении другой, и исчезновения одной противоположности при возникновении другой.

Если же дело обстоит так, то допущение того, кто утверждает, что якобы акциденции всегда пребывали актуально и всегда пре-

⁷ Струмза отмечает, что найти похожую цитату у Аристотеля не удалось.

⁸ В оригинале — *al-kitābiyya* «книжность, качество книги, сущность книги, то, что делает книгу книгой».

будут актуально, оказывается несостоятельным точно так же, как и предыдущее допущение.

13) Что касается того, кто утверждает, что акциденции всегда пребывали актуально и что они переходят в потенциальность — то это вывернутое наизнанку допущение и утверждение, обратное тому, что осознается и понимается⁹. Ведь все, кто признает актуальность и потенциальность, утверждают, что вещь была потенциальной, а потом актуализовалась, а вот что она пребывала актуально, а затем стала потенциальной, они не утверждают. Можно сказать, что ребенок потенциально был писцом или торговцем, а когда вырос и выучился, то стал этим актуально. Однако не говорят, что он был этим актуально, а затем стал этим потенциально. Такое допущение явно несостоятельно.

14) Что касается того, кто утверждает, что акциденции пребывали потенциально всегда и что они могут перейти в актуальное состояние, то это утверждение, клянусь жизнью, есть такое допущение, которое подходило бы для сторонника вечности (*dahrī*) или манихея. Мы остановимся на этом утверждении и не ограничимся краткими замечаниями или примером для читателя. Целью нашей будет выявить и показать все следствия данного понятия и допущения и опровергнуть его, Бог — помощник, дающий понимание.

15) Мы говорим, что есть только два возможных допущения относительно утверждения, что акциденции всегда пребывали потенциально и что они могут переходить в актуальное состояние. Либо можно утверждать, что они всегда пребывали потенциально, а когда актуализовались, то перестали существовать потенциально. Либо можно утверждать, что они всегда пребывали потенциально и, даже перейдя в актуальное состояние, они остались в своем предшествовавшем состоянии потенциально сущего.

16) Если некто утверждает, что они всегда пребывали потенциально и что, перейдя в актуальное состояние, они также сохранили и потенциальность, то он должен принять и то, что мы сейчас охарактеризуем. Он будет вынужден признать, что, если акциденции остались потенциальными, одновременно став актуальными, то это значит, что потенциальное и актуальное бытие у них совпадают, а подобное утверждение абсурдно.

Если бы это было возможно для того, что начинается заново (*yasta'nif*), я имею в виду, что они, став актуальными, оставались бы потенциальными, как и прежде, то было бы возможным и то, что они в прошлом всегда пребывали одновременно и потенциально и актуально.

⁹ Струмза указывает, что имеется в виду интуитивное знание и понимание, и переводит текст соответственно этому толкованию.

Однако это допущение неприемлемо, и мы никогда не слышали, не видели и не знаем никого, кто бы утверждал подобное.

17) Ведь абсурдно утверждать, что человек может быть одновременно и безбородым и бородатым на том основании, что борода у безбородого существует потенциально, а когда она отрастает, то переходит в актуальное бытие.

Точно так же абсурдно полагать, что ребенок может быть, оставаясь ребенком, также и взрослым мужем на том основании, что мужественность присутствует в ребенке потенциально, а когда он возмужает, то она становится актуальной.

Из этого ясно, что утверждение, что нечто может существовать одновременно и потенциально и актуально, абсурдно.

18) Если это допущение оказалось несостоятельным, остается одно, а именно, что потенциальное и актуальное бытие не могут совпадать. А раз дело обстоит так, то и утверждение того, кто говорит, что акциденции, которые всегда пребывали потенциально, перейдя в актуальное состояние, остаются вместе с этим также и в прежнем потенциальном состоянии, хотя и они и стали актуальными, также несостоятельно.

19) Если же он скажет, что нечто, пребывавшее потенциально всегда, перестает быть потенциальным, перейдя в актуальное состояние, ему следует сказать: «Если возможно, чтобы пребывающее всегда прекратилось, а вместо него было создано нечто другое, тогда вечно пребывающее входит в категорию того, чего прежде не было. А если это возможно, значит, также возможно, чтобы то, чего прежде не было, вошло в категорию вечно пребывавшего».

Это — абсурдное заявление и неприемлемое притязание. Положим, что вечно пребывавшее, а именно, потенциально сущие акциденции, может иметь конец. А об акциденциях, перешедших в актуальное состояние, говорится, что они могут иметь конец, поскольку имеют начало. Тогда получается, если следовать аналогии с этим рассуждением, что потенциально сущее тоже должно иметь начало, раз оно имеет конец.

20) Если дело обстоит так, значит, утверждение того, кто говорит, что акциденции, бывшие потенциальными, вечно пребывали потенциальными, а когда они стали актуальными, то перестали быть потенциальными, — ложно.

Если же он скажет: «Я считаю возможным, чтобы нечто, бывшее всегда, имело конец, а то, чего прежде не было, новосозданное, не имело конца», ему следует сказать: «По аналогии с данным рассуждением, ты обязан признать, что мир, с его субстанциями и акциденциями, если он, согласно твоему взгляду, пребывал всегда, может иметь конец, так что его больше не будет. Если же он, для тебя, новосоздан, и его прежде не было, то тогда он, значит, может

существовать вечно. Что же тогда отличает тебя от сторонника утверждения вечности (*dahr*), или утверждения, что субстанция вечна, всегда пребывала и всегда пребудет, или что акциденция вечна, пребывавшая всегда потенциально, как ты говоришь, и актуально?»

21) Таким образом, четыре допущения оказались ложными. Я имею в виду:

- слова того, кто утверждает, что акциденции потенциально пребывали всегда и пребудут всегда и что стать актуальными они не могут;

- а также слова того, кто утверждает, что они всегда пребывали и всегда пребудут актуально и что невозможно, чтобы они могли оказаться пребывающими потенциально;

- а также слова того, кто утверждает, что они всегда пребывали актуально и что они могут стать, после актуального состояния, потенциальными;

- а также слова того, кто утверждает, что они всегда пребывали потенциально и что они могут стать, после потенциального состояния, актуальными.

Остается лишь пятое допущение, так как в нашем анализе (*taqsīm*) ничего другого не осталось. Это — утверждение того, кто говорит, что и потенциально сущие акциденции новосозданы, равно как и актуально сущие тоже новосозданы.

22) К числу доказательств ложности предыдущих четырех допущений относится и то, что данное, пятое допущение верно. Ведь новорожденный, когда он создается из сгустка человеком, вместе с ним создаются и возможность и сложная потенциальность, так что, когда положенные сроки завершатся, появляется как актуальное то, что было в нем потенциально. Например, рост его первых зубов, когда он еще грудной, выпадение их, когда он еще ребенок, и рост других зубов, достижение зрелости в отрочестве, рост бороды, когда он становится зрелым мужем, седина в волосах в старости. Все это новосоздано вместе с его созданием, и ничто из этого не было пребывавшим извечно.

23) Теперь мы перейдем к полемике с теми, кто утверждает, что субстанции мира вечны и пребывали всегда, а акциденции его новосозданы, а прежде их не было.

Мы говорим, что относительно субстанции, вмещающей в себя акциденции, верно одно из шести допущений.

Либо она было вечно пребывающей, изначально без всяких акциденций, а уж потом были созданы акциденции.

Либо акциденции были вечно пребывающими, изначально без всякой субстанции.

Либо субстанция была вечно пребывающей, и все акциденции были вместе с ней.

Либо субстанция была вечно пребывающей с некоей акциденцией, затем эта акциденция, которая была вечно пребывающей в субстанции и с ней, кончилась, и вслед за этим в субстанции последовали сотворенные акциденции, одна за другой.

Либо субстанция была вечно пребывающей, а акциденции следовали в ней, друг за другом и друг перед другом. Не было ни первой, вечной, всегда пребывавшей акциденции, ни сотворенной акциденции, которой не предшествовала бы другая акциденция.

Либо и субстанция и акциденция новосозданы, и ни то, ни другое не является вечным, что всегда пребывало и всегда пребудет.

24) Это демонстрирует следующая таблица.

Одно из шести допущений приложимо к субстанции и акциденции
Либо субстанция была вечно сущей и изначально без всяких акциденций, а затем были созданы акциденции, и это — неверно. Это утверждают те, кто верит ¹⁰ в первоматерию (<i>hayūlā</i>) ¹¹ , а также дуалисты.
Либо акциденции были вечно сущими, но без субстанции, и это — тоже неверно.
Либо субстанция была вечно сущей вместе со всеми и каждой акциденцией, и это — неверно.
Либо субстанция и какая-то акциденция были вечно сущими, а затем та акциденция, что была вечно пребывающей в ней, кончилась, и после этого в субстанции последовали сотворенные акциденции, и это — неверно.
Либо субстанция была вечно сущей, а в ней сменялись акциденции, одна за другой, одна за другой, и не было ни первой, вечной, всегда бывшей акциденции, ни новосозданной акциденции, которой не предшествовала бы другая акциденция, и это — неверно.
Либо ни субстанция, ни акциденция, ни одна из них, не является вечной, бывшей всегда и будущей всегда, и это — истина.

25) Нам теперь подобает разобрать эти допущения, выделенные нами, вид за видом, и показать несостоятельность того, что мы полагаем несостоятельным и ложным, и установить истинность того, что мы утверждаем как истину.

¹⁰ В оригинале *yadīnu* букв. «считает (делает) своей религией, верит как в религию».

¹¹ Мукаммис в седьмой главе (7:6) отождествляет «сторонников первоматерии» с гностической сектой сабиев, в чем он совпадает с некоторыми арабскими теологами. Как мы увидим ниже, детальное опровержение этого течения мысли в рукописи отсутствует.

Что касается первого учения, которое утверждает, что субстанция была вечно сущей, а акциденций изначально не было, а потом уже были созданы акциденции, то те, кто разделяет его...¹²

26) «... и орудие и пространство и время, поскольку, хотя Он и сделал то, что сделал, и произвел его из первоматерии, Он не нуждается ни в орудии, с помощью которого Он бы делал и производил, ни в пространстве и времени. Ведь такова характеристика бессильных временных деятелей, которые производят то, что производят, лишь с помощью орудия и лишь в определенное время и в определенном месте».

27) Им следует сказать: «Аналогично, их отдельность не исключает смешивания, и оба сущих объекта, побыв некоторое время отдельными, затем смешаются и, пробыв смешанными некоторое время, снова разделятся, так что ни одно из состояний, смешение или отдельность, не более заслуживает считаться вечным, чем другое».

И то же самое они говорили выше и о движении и покое. Однако это противоречит их утверждению и учению, ведь их учение утверждает, что два бытия вечно пребывали разъединенными, и между ними не возникали ни движения, ни смешивания, только бытие и бытие, которые до этого смешения не делились на части и не будут делиться после этого, когда два бытия разъединятся и разделятся.

28) Если же они скажут, что движение и покой имели начало, которое было одним из них и что оно было новосоздано, им следует сказать: «Тогда вы вынуждены признать, что оба бытия были прежде создания первого из двух, т. е. движения и покоя, ни покоящимися, ни движущимися, но это выходит за рамки разумного. Будь это возможным, тогда возможно было бы, чтобы два бытия были ни разъединены, ни соединены, ни объединены, ни разделены. И это выходит за рамки того, что согласно с разумом, и расходится с тем, что в пределах понимания».

29) Дуалисты вынуждены принять одно из тех допущений, которые мы перечислим:

Либо утверждать, что два бытия извечно пребывали движущимися, а потом стали покоящимися, точно так же, как они извечно были разъединены, а потом смешались.

Либо говорить: «Они были извечно покоящимися, а потом пришли в движение, точно так же, как они извечно были разъединены, а потом смешались».

¹² В оригинале отсутствует как разбор позиции «сторонников вечности», так и начало разбора взглядов дуалистов.

Либо утверждать, что они извечно были движущимися, покоящимися и снова движущимися, и у этого нет известного начала или старта.

Либо же утверждать, что они были ни в движении, ни в покое.

Если это то, что они говорят, то им придется принять и то, что мы упомянули выше, и даже более того.

30) Затем им следует сказать: «Скажите нам о следующем: Два бытия не могут не быть одним из четырех:

– либо каждое из них, поскольку оно тело, не является ни легким, ни тяжелым;

– либо они оба легкие, но ни одно из них не легче другого;

– либо они оба тяжелые, но ни одно из них не тяжелее другого;

– либо одно из них — тяжелое, а другое — легкое».

31) Если они скажут: «Оба они ни тяжелые, ни легкие», то они выкажут пренебрежение разумом и игнорирование очевидного. Ведь всякое тело, которое мы видели, является либо тяжелым, как земля или вода, либо легким, как огонь и воздух и тому подобное. В этом случае им придется допустить, что ни одно из них не смешано с другим, ни отдельно от него, ни в согласии с другим, ни в конфликте с ним, что ни одно из них не лучше другого и не хуже его, что ни одно из них не светлее другого, ни темнее его, что ни одно из них не ниже другого и не выше его. Если они допускают и утверждают все это, если они принимают это и выдвигают это как предмет веры, то они опровергают свои собственные утверждения относительно смешения и раздельности, согласия и враждебности, т. е. конфликта, освещенности и темноты, высокого и низкого положения в пространстве.

32) Если же они скажут: «Они оба — легкие, но ни одно из них не легче другого», то они опровергают себя во многих аспектах.

Во-первых, если ни одно из них не легче другого, то говорить о легкости бессмысленно. Ведь если «тяжелого» не существует, раз ничего не существует, кроме этих двух бытностей (*kawnayn*), и они оба легкие, одинаковые по легкости, т. е. по весу, то и говорить о легкости, как мы указали, бессмысленно.

Во-вторых, если они оба легки, и ни одно из них не тяжелее другого, ибо они оба одинаковы по легкости, значит, не существует ни тяжелого, ни легкого.

Осадив их, оспорив их и предупредив их, что у них не остается ни тяжелого, ни легкого, мы получили то, что опровергает изначальное существование двух бытностей, опровергает их слова о разъединении и смешении, опровергает их утверждения о добре и зле, о свете и тьме.

Если же они скажут, что они оба тяжелые, но ни одно из них не тяжелее другого, то и тогда не существует больше ни тяжелое, ни легкое.

33) Если они скажут, что одно из них — легкое, а другое — тяжелое, скажем им: «Тогда одно из двух: либо легкий из двух объектов является темным, а тяжелый — светлым, либо наоборот, т. е. легкий является светлым, а тяжелый — темным».

Если они скажут, что легкий объект является темным, а тяжелый — светлым, то у них выходит, что свет — внизу, а темнота — вверх. Но это расходится с их учением, ибо их вера указывает, что свет — вверх, а темнота — внизу.

34) Если же они скажут, что темным является тяжелое, а светлым — легкое, им следует сказать: «Тогда расскажите нам об этих двух объектах. Когда они смешались, то каждый из них остался в своем центре, или же Добро опустилось, а Зло — поднялось?».

Если они скажут: «Каждый из них остался в своем центре», впадут в абсурд, ибо если каждый из них остался в своем центре, то им не встретиться, так как средней точкой встречи не может быть ни один из центров.

Если же они скажут: «Свет опустился, а темнота поднялась», они отойдут от своего учения. Свет оказывается тяжелым, а темнота — легкой. Ведь они же сами утверждают, что свет опускается, а темнота — поднимается. Согласно как представлениям и наблюдениям, так и аналогическому рассуждению поднимается только легкое, а опускается только тяжелое, если только не под воздействием принуждения, как, например, в случае камня, который бросили вверх.

Наше краткое изложение завершено, а Бог дарует понимание и помощь. В нашем рассуждении — указание для того, в ком тоже есть понимание, кто тоже любит истину и стремится наставить свою душу, и у Бога мы просим удачи.

35) ...¹³ Сказанное до сих пор является опровержением двух оставшихся допущений. Это — утверждение того, кто говорит, что субстанция пребывала изначально с одной извечно сущей акциденцией, а затем эта акциденция перестала быть, и после этого возникли другие акциденции, а также утверждение того, кто говорит, что акциденции изначально сменяли друг друга в субстанции, и что этому нет ни начала, ни конца.

36) Кто-то из тех, кто признает акциденции, но полагает, что они извечно сменяли друг друга в субстанции, и что этому нет ни начала, ни конца, может сказать по поводу нашего утверждения, что раз акциденции новые (*ḥadītha*), а субстанция никогда не бывает без них, значит, субстанция — новосоздана (*muhḍath*), следующее:

«Если субстанция должна быть новосозданной на том основании, что она не обходится без обновления (*ḥadath*), то она должна

¹³ Обсуждение всех остальных возможностей, перечисленных выше, не сохранилось.

быть также и сущей в чем-то ином на том основании, что она не обходится без сущего в чем-то ином».

Мы скажем: «Это не обязательно в силу того, что мы сейчас изложим, а именно:

То, что субстанция сопряжена с акциденциями (*mu'tarid*), раз она не может быть без них, не означает, что субстанция должна пребывать в чем-то другом, раз акциденция пребывает в чем-то другом.

Точно так же из того, что субстанция должна быть новосозданной, раз она не может быть без обновления, не следует, что субстанция должна пребывать в чем-то другом, раз акциденция пребывает в чем-то другом.

Аналогично, из того, что тело должно быть или здоровым или больным, поскольку оно не может быть без здоровья или болезни, не следует, что тело должно быть сущим в чем-то другом, раз болезнь и здоровье пребывают в чем-то другом.

Вовсе не обязательно, чтобы субстанция пребывала в чем-то другом, если акциденция пребывает в чем-то другом».

37) Он может сказать: «Если новосозданность субстанции следует из того, что она неотделима от акциденций, которые новосозданы, то это означает, что и акциденция должна быть само-сущей, так как она неотделима от субстанции, которая является само-сущей».

Мы же скажем: «Тело (*jism*) должно обладать длиной, поскольку оно не может быть без длины, но из этого не следует, что длина должна иметь длину, ширину и толщину, раз она неотделима от тела, что имеет длину, ширину и толщину.

Точно так же тот факт, что акциденция не может не пребывать в том, что само-суща, не означает, что и акциденция само-суща.

Аналогично, из того, что тяжесть и легкость не могут не пребывать в теле с длиной, шириной и толщиной, не следует, что тяжесть и легкость — это тела с длиной, шириной и толщиной.

Точно так же, из того, что субстанция не может быть без акциденций, которые новосозданы, следует, что и субстанция новосоздана, однако из того, что акциденция не может не пребывать в субстанции, которая само-суща, не следует, что акциденция само-суща».

38) Если же он скажет: «Если из того, что субстанция неотделима от акциденций, которые новосозданы, следует, что и субстанция новосоздана, тогда получается, что акциденция — вечна и пребывала всегда», мы скажем: «Субстанция иногда в движении, иногда — в покое, но из этого не следует, что движение иногда в движении, а иногда — в покое, или что покой иногда в движении, а иногда — в покое».

Мы также скажем: «Из того, что субстанция не может быть без того, что новосоздано, следует, что она новосоздана, но из вечности субстанции не следует, что и акциденции вечны. Однако Боже упаси

нас от того, чтобы утверждать, что субстанция — вечна. Она — новосоздана, и ее не было, а потом она стала. Нашей целью здесь и является утверждение того, что субстанция — новосоздана, так как же ты можешь допускать, что мы обязаны принять твой контраргумент, исходящий из того, что субстанция — вечна».

39) Если же он скажет: «Если мы должны принять, что субстанция создана вместе с созданием акциденции, тогда, следовательно, субстанция должна прекратиться с прекращением акциденции. Однако дело обстоит совсем не так. Мы можем наблюдать, как в субстанции создается акциденция, а другая исчезает в ней, и снова акциденция исчезает, а другая создается. Субстанция же не исчезает с исчезновением исчезнувшей акциденции и не создается с созданием созданной».

Но ведь мы и не утверждали, что субстанция создается с созданием каждой акциденции, которая создается в ней, или что она исчезает с исчезновением каждой акциденции. Мы говорили иное, а именно, что субстанция была создана с созданием первой акциденции в ней, поскольку существование субстанции без акциденций невозможно, а также что субстанция может исчезнуть с исчезновением последней акциденции в ней, поскольку существование субстанции без какой бы то ни было акциденции невозможно. Следуя той же логике, мы говорим, что субстанция исчезает с исчезновением последней акциденции, которая обосновалась в ней, а затем исчезла, как говорим, что субстанция возникает с возникновением первой акциденции, которая обосновалась в ней, а затем исчезла¹⁴.

40) Если же он скажет: «Субстанция была создана в начале, когда была создана и какая-то из акциденций. Зачем же тогда в ней следуют друг за другом другие созданные акциденции, а мы не можем быть свидетелями ее создания вместе с их созданием и их исчезновения вместе с их исчезновением?», мы скажем: «Эти новосозданные акциденции следуют друг за другом в ней, чтобы указать нам на то, что они никогда не может быть без них. И хотя каждая из них новосоздана, субстанция не предшествует им всем. А раз субстанция не предшествует им всем, значит, она новосоздана. Если бы субстанция существовала с той акциденцией, что была создана вместе с ней, и мы бы не наблюдали, как в ней возникают и из нее исчезают новосозданные акциденции, мы бы и не знали, что в ней есть акциденция. Тогда мы не могли бы отличить акциденцию от

¹⁴ Струмза указывает, что Мукаммису было бы достаточно сказать, что субстанция создается вместе с созданием первой акциденции в ней, ибо тот факт, что первая акциденция тоже в свое время исчезает, не имеет отношения к предмету дискуссии, однако это утверждение составляет параллель к весьма существенному положению о последней акциденции.

субстанции, ни заметить, что акциденция, равно как и субстанция, новосозданы».

41) Если же он скажет: «Ты допускаешь, что субстанция была создана вместе с созданием какой-то из акциденций, которая является первой акциденцией, которая, как ты говоришь, создана вместе с созданием субстанции. Однако ты не допускаешь, что субстанция была создана вместе с созданием всех акциденций. Почему тогда ты не допускаешь, что акциденция была сотворена вместе с созданием одной из субстанций, а не вместе с созданием всех субстанций?», мы скажем: «Но мы именно это и говорим. Мы утверждаем, что первая акциденция была создана вместе с созданием субстанции и параллельно созданию субстанции, а не то, что каждая акциденция после этого, которая возникла в субстанции, возникла параллельно ее возникновению. Аналогично мы утверждаем, что субстанция была создана вместе с созданием и параллельно созданию первой акциденции, что была с ней и в ней, а не то, что она создавалась с созданием каждой акциденции, которая была создана в ней после этого. Тем не менее все эти акциденции в ней, а не каждая сама по себе. Ведь мы видели, что акциденции возникают и исчезают, одна за другой, а субстанция никогда не бывает без них».

42) То, что мы сказали до сих пор, — ответ на то, что было направлено против нас сторонниками вечности, утверждающими, что якобы субстанции — вечные, бывшие изначально, а акциденции изначально сменяют друг друга в них, одна за другой и одна перед другой.

Пятая глава завершена.

Глава 6 [Качество и обоснование мира]

1) В главах третьей, четвертой и пятой этой книги мы кратко изложили вопрос о сущности мира и выделили разные учения и мнения. Мы ясно показали верность верного учения и ложность ложных взглядов.

Итак, получается следующее:

- мир состоит из субстанции и акциденции;
- субстанция и акциденция — новосозданы, их не было, а потом они стали;
- субстанция была сотворена вместе с первой акциденцией, а за ней потом последовали и другие акциденции;
- субстанция и акциденция не существуют отдельно друг от друга;
- субстанция — не вечна.

Все это привело к заключению, что мир — новосоздан, а не вечен.

Перейдем теперь к другим темам, рассматриваемым в этой книге, а именно к третьему аспекту исследования мира.

К настоящему моменту мы уже показали, что истина — в руке того, кто говорит, что мир существует, и что существование его твердо установлено.

Затем мы исследовали сущность мира и установили, что мир состоит из субстанции и акциденции, а также что и то, и другое — новосоздано.

Обратимся же теперь к качеству мира и исследуем, каким он существует.

2) (КАЧЕСТВО МИРА)

Мы говорим, что мир таков, каким мы его описываем, и утверждаем, что его субстанции самодостаточны и что его акциденции пребывают в его субстанциях, что сферы его вращаются, и что тела, появляющиеся на них, — двух видов: тела тяжелые, подобные земле и воде, и тела легкие, подобные огню и воздуху, что земля — как диск, а небо — как свод.

3) Среди земных животных есть те, что ползают, есть те, что ходят, есть те, что летают. Вода окружает иных животных, среди которых есть обладающие покровом, т.е. раковиной, и есть те, у которых раковины нет. Человек выделяется тем, что наделен речью, все же остальные животные речью не обладают. Растения бывают разных видов. Есть растения питательные, как, например, пшеница и другие злаки, а также виноград и прочие плоды. Есть растения лечебные, как, например, миробалан, скамния, колоцинт¹⁵. Есть растения полезные иным образом, например кедр обычный и ливанский.

Вот что мы можем сказать о том, каким существует мир.

(ОБОСНОВАНИЕ МИРА)

4) Теперь перейдем к четвертому аспекту, а именно, как мы говорили, зачем мир есть и зачем он нужен.

Мы говорим, что мир существует для человека, наделенного речью, цивилизованного, наделенного разумом и знанием. Он существует, чтобы человек мог воспитываться с его помощью, чтобы он мог размышлять о нем, увидеть в нем доказательство наличия Творца и дойти до осознания повелений Господа, обращенных к нему, чтобы он мог достичь Его награды, Его садов, Его благодати.

Глава шестая завершена.

Перевод Д.В. Фролова

Сведения об авторе: Фролов Дмитрий Владимирович, чл.-корр. РАН, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dvfrolov@yandex.ru

¹⁵ Два последних растения мне не удалось опознать, и я не уверен в том, как точно называются эти растения по-русски. По-английски их названия Струмза дает как *scammony* и *colocynth*.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Турецкий язык: Учебное пособие по переводу турецко-российской прессы / Е.А. Оганова, С.Н. Воробьева; Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Восточная литература, 2012. 309 с.

Публикация Елены Огановой и Светланы Воробьевой посвящена весьма важному для современной межкультурной коммуникации аспекту: современной турецко-российской прессе. Пособие предназначено, как указано в аннотации, прежде всего, для студентов старших курсов языковых вузов, а также для лиц, изучающих турецкий язык самостоятельно и желающих углубить свои знания.

Хотелось бы особо отметить своевременность появления данного пособия и его практическую важность. За последние десятилетия российско-турецкие отношения вышли на принципиально новый уровень. Политические и культурные связи России и Турции в результате торгово-экономического сотрудничества 1990-х и 2000-х годов укрепляются с каждым днем, и в настоящее время реализуется большое количество стратегических проектов государственного уровня. В контексте этих процессов роль средств массовой информации трудно недооценить, а умение эффективно управлять получаемой информацией подчас приобретает первостепенную важность. Таким образом, обучение студентов навыкам двустороннего, синхронного и последовательного перевода современных текстов деловой и политической тематики приобретает особое значение.

Стоит также отметить академическую важность данной работы. В процессе изучения турецкого языка в сугубо научных целях, прессе, ее динамичному, стремительно меняющемуся языку нередко уделяется мало внимания. В то же время что, как не средства массовой информации, — газеты, Интернет, телевидение, радио, — дает возможность следить за современным, «сиюминутным» состоянием такого изменчивого в лексическом плане языка, как турецкий.

Пособие состоит из Предисловия (с. 3–6), основной части, которая представлена десятью уроками (с. 7–161), турецко-русского (с. 162–223) и русско-турецкого (с. 224–286) словарей, а также семи приложений-списков некоторых терминов и их турецких соответствий: список основных международных организаций и их предста-

вителей; список наиболее употребительных в турецко-русской прессе топонимов; список органов власти Турецкой Республики и их представителей; список органов власти Российской Федерации и их представителей; список основных видов спорта, список жанров кино; список наиболее употребительных в турецкой прессе аббревиатур (с. 287–308).

Каждый урок состоит из четырех блоков.

Первый блок представляет собой турецкий текст из первоисточника, при этом и орфография, и авторская стилистика сохраняются. В тексте выделены специальные термины и устойчивые словосочетания. За текстом следует лексический комментарий, который представляет собой список терминов и устойчивых словосочетаний из текста, предлагаемых к усвоению, перевод этих терминов на русский язык с использованием специальных устоявшихся соответствий. Кроме того, и текст, и комментарий сопровождаются дополнительными научными комментариями в сносках.

Второй блок представляет собой набор фрагментов русских и турецких газетных текстов с лексическим комментарием, анализ которых дает возможность учащимся освоить употребление новой лексики и лучше понять, как тот или иной турецкий термин употребляется в контексте.

Третий и четвертый блоки являются методическими. В третьем блоке учащимся предлагается ряд упражнений по переводу терминов с турецкого языка и на турецкий для тренировки употребления в контексте, а в четвертом — необходимо выполнить перевод русских текстов на турецкий язык.

Тематика первого урока (с. 7–22) особенно полезна для устного и письменного перевода текстов, связанных с государственной службой и дипломатией. В «научных» сносках к первому уроку авторы выделяют две интересных проблемы (одна — морфологического и синтаксического, а другая, соответственно, лексического характера): проблему колебаний аффиксов принадлежности 3-го лица ед.ч. в употреблении аффиксного либо безаффиксного изафета (с. 7) и проблему словообразования в турецком языке (с. 13), которые вполне могут стать темами самостоятельных научных статей. Тема международной политики — Ближний Восток, Турция, Россия — США — Европа — продолжается во втором, третьем и четвертом уроках. Пятый урок посвящен социально-политической ситуации в стране (выборы и акции протестов). Тематическим центром шестого урока является социально-экономическая ситуация в стране. Седьмой, восьмой и девятый уроки посвящены глобальным проблемам человечества:

международный терроризм, СПИД, наркотики, экология и защита окружающей среды, кибермошенничество, пиратство, различные виды катастроф. В десятом уроке актуализируется лексический пласт, связанный со спортом и культурой..

Оба словаря — турецко-русский и русско-турецкий — особенно ценны. Мы знаем, что развитие турецкого языка в XX–XXI вв. таит в себе противоречие, двойственность: с одной стороны, турки в огромном количестве продолжают заимствовать иностранные слова, с другой — стремятся заменять их искусственно созданными тюркскими эквивалентами, что приводит к одному: любой словарь безнадежно устаревает в течение, максимум, 10 лет. В последнее время различными издательствами было выпущено немало словарей различной тематики: политической, военной, экономической, строительной, компьютерной. Кроме того, как в России, так и в Турции существует большое количество онлайн словарей (толковых, двуязычных и моновязычных вики-словарей, составляемых пользователями). Общим недостатком всех этих работ является, как правило, отсутствие академической базы у авторов, что, как следствие, приводит к неполному отражению специальной лексики той или иной области знаний. Словари же, приведенные в издании Е.А. Огановой и С.Н. Воробьевой, отвечают всем требованиям. Они и составлены на должном научном уровне, и отражают новейшую лексику по тематике.

Данное учебное пособие можно без преувеличения назвать новаторским, так как подобных работ, посвященных лексическому анализу средств массовой информации, сочетающих академизм и практическую ценность, ни в России, ни в Турции, в условиях перенасыщенного массовой информацией общества, до сих пор не существовало. Подача материала позволяет эффективно использовать эту работу в университетском учебном процессе. Пособие является прекрасным образцом учебной литературы для студентов-тюркологов.

А.С. Аврутина

Сведения об авторе: *Аврутина Аполлинария Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литератур факультета свободных искусств и наук СПбГУ. E-mail: apollinarial@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.М. Насилов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУКОПИСИ — ПЕРВИЧНЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ»

13–14 марта 2013 г. в г. Ашхабаде, столице Туркменистана, проходила Международная научная конференция «Рукописи — первичный источник изучения национального наследия», инициатором проведения которой выступил Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, а ее организатором стал Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана. Эта конференция посвящена 20-летию юбилею известного рукописного хранилища и исследовательского академического центра.

В работе конференции приняли участие представители более 30 стран ближнего и дальнего зарубежья, заинтересованных в сохранении и научном изучении рукописного наследства как собственной страны, так и сопредельных государств. Среди этих стран можно назвать Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Алжир, Иорданию, Египет, Тунис, Турцию, Англию, Францию, Швецию, Румынию, Пакистан, Индию, Китай, Корею, Россию и другие страны СНГ.

К началу конференции Национальный институт рукописей АНТ выпустил сборник тезисов докладов участников конференции на трех языках — туркменском, английском и русском. В нем представлено более 160 докладов¹.

Большая часть представленных на конференции докладов была посвящена вопросам сохранения и изучения тюркоязычных письменных источников, однако многие выступавшие касались и общих проблем рукописного наследия, хранящегося в различных архивных фондах библиотек и музеев.

Россия на конференции была представлена четырьмя докладами, один из которых был сделан профессором кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ *Д.М. Насиловым*. В докладе «Место рукописного наследия в изучении истории тюркских языков» он

¹ Рукописи — первичный источник изучения национального наследия // Материалы международной научной конференции (13–14 марта 2013 года). Ашгабат, 2013.

отметил, что одна из важнейших задач освоения рукописных фондов — введение в научный оборот новых манускриптов, прежде всего, относящихся к ранним этапам истории языка, и их лингвистическое изучение. Так, например, в аспекте истории огузской языковой группы практически не используются рукописные памятники, которые традиционно называются памятниками «древнеуйгурского языка», хотя все они отражают состояние огузо-уйгурских диалектов X–XIV вв. Важно также освоить огузскую составляющую в языке текстов караханидского и последующего периодов. Представляется, что без детального лингвистического анализа этих памятников трудно построить историю огузских языков, в том числе и туркменского языка. Докладчик подчеркнул, что необходимо интенсивно внедрять новейшую методiku и приёмы лингвотекстологического изучения письменных памятников, в основе которого лежит учет общих закономерностей возникновения и развития литературных языков и функционально-стилистических особенностей текста, выделение базового диалекта или койне, легших в основу данного литературного языка, реконструкция языковой ситуации времени создания памятника.

Широкий научный и общественный резонанс, вызванный постановкой темы международной конференции о рукописном наследии как величайшего национального достояния каждой страны, показал заинтересованность научного сообщества в дальнейшем освоении этого богатства, а также высветил целый ряд фундаментальных проблем в данной области исследований.

Сведения об авторе: *Насилов Дмитрий Михайлович*, доктор филол. наук, профессор кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nadi1803@mail.ru

Всероссийская мемориальная конференция «Губеровские чтения»: «Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм их взаимодействия. История и современность»

13–14 марта в Институте стран Азии и Африки кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии была проведена Всероссийская мемориальная конференция «Губеровские чтения», посвященная памяти выдающегося ученого-востоковеда академика А.А. Губера (1902–1971), на тему «Страны ЮВА и Запад: многообразие форм их взаимодействия (история и современность)», актуальность которой определяется многократным возрастанием темпов и масштабов экономического, политического и культурного взаимодействия народов и государств в условиях глобализации.

В ходе конференции при рассмотрении как общерегиональных проблем, так и специфики отдельных стран ЮВА был осуществлен комплексный анализ особенностей форм взаимодействия стран ЮВА и Запада на различных этапах исторического развития. Особый интерес вызвала проблема изменения форм взаимодействия стран ЮВА и Запада в XXI в., когда западная модель либерально-демократического индустриального общества, переживает серьезный кризис, столкнувшись с вызовами, на которые пока не может найти достойного ответа, а страны ЮВА демонстрируют устойчивые тенденции успешной экономической и политической модернизации. Был сформулирован важный вывод о том, что в процессе активного усвоения странами ЮВА экономических, политических и культурных норм и ценностей, привнесенных Западом, большинству из них удастся успешно сохранять собственные традиционные мировоззренческие установки, специфические особенности национального мышления и поведенческую мотивацию местного социума.

В конференции приняли участие более 40 ведущих специалистов высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений нашей страны — МГУ, МГИМО (У) МИД РФ, РГГУ, ИВ РАН, ИМЭМО РАН, ИДВ РАН, а также Российского совета по международным делам. Среди присутствовавших на форуме были широко представлены студенты и аспиранты ИСАА и МГИМО. Работу конференции освещали российские средства массовой информации.

И.Н. Липилина

Сведения об авторе: *Липилина Ирина Николаевна*, канд. ист. наук, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lipilina.i@gmail.com

ПАМЯТИ...

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕКА

15 марта 2013 г. на 67-м году жизни после тяжелой болезни скончался известный российский тюрколог, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, член Российского комитета тюркологов Юрий Владимирович Щека.

Ю.В. Щека родился 13 августа 1946 г. в г. Москве. С 1964 по 1970 г. учился в Институте восточных языков при МГУ, где получил специальность востоковеда-тюрколога. В августе 1970 г. Юрий Владимирович был направлен на работу в Турцию в качестве переводчика в Аппарате советника по экономическим вопросам Посольства СССР. Вернувшись в Москву в 1976 г., он поступил стажером кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ, с которой связал всю последующую творческую научную жизнь и преподавательскую деятельность. В ноябре 1976 г. Ю.В. Щека был зачислен в дневную аспирантуру ИСАА, а в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию «Особенности синтаксиса турецкой разговорной речи (простое предложение)». Диссертация послужила основой для издания монографии «Турецкая разговорная речь» (утверждена к печати в 1985 г., 2-е изд. — 2010 г.), ставшей существенным подспорьем для преподавания разговорного аспекта турецкого языка не только в ИСАА, но и во многих других тюркологических центрах. В 1990 г. Ю.В. Щека получил второе образование, закончив физический факультет МГУ. В 1993 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Интонология турецкого языка и проблемы ее общетеоретического обоснования». В 1994 г. получил звание профессора кафедры тюркской филологии, а с 1996 г. до настоящего времени возглавлял ее. В 2005 г. Ю.В. Щека стал заслуженным профессором МГУ.

Ю.В. Щека широко известен как крупнейший среди российских тюркологов специалист по современному турецкому языку. Его перу принадлежат как интересные научные разработки по теоретической грамматике турецкого языка, так и пользующиеся популярностью учебные пособия, в которых нашла отражение его своеобразная методика преподавания турецкого языка в стенах ИСАА. Всего Ю.В. Щекоей опубликовано свыше 100 научных и научно-методических работ, хорошо известных тюркологической

общественности, из них более тридцати — за последние пять лет. Его научно-исследовательские интересы не ограничиваются кругом собственно лингвистических проблем турецкого и других тюркских языков (общие вопросы теории тюркских и алтайских языков, проблемы их глоттогенеза и пр.), но выходят в область общего языкознания, философии языка, а также проблем гносеологии и методологии научного творчества в рамках междисциплинарных исследований эволюции языка и мышления. Он опубликовал по этим проблемам большую серию статей в разных научных изданиях и неоднократно докладывал результаты своих построений на научных форумах, где его выступления всегда вызывали оживленные дискуссии.

В 2007 г. Ю.В. Щека издал «Практическую грамматику турецкого языка», основу которой составил курс теоретической грамматики, читавшийся автором студентам ИСАА МГУ, — первую за последние пятьдесят лет работу подобного рода после «Граматики современного турецкого литературного языка» А.Н. Кононова (1956).

Созданный Ю.В. Щекоей «Интенсивный курс турецкого языка» (1-я часть — 1996 г., 2-я часть — 2000 г.; испр. и перераб. изд. — 2005 г.) является базовым учебником не только в ИСАА, но и во многих учебных заведениях, где преподается турецкий язык.

Большую известность получили у тюркологов и всех изучающих турецкий язык составленные Ю.В. Щекоей словари, которые выдержали многочисленные издания (с 1997 по 2012 г. вышло четыре издания «Турецко-русского словаря», в 2004 г. увидел свет «Русско-турецкий словарь»). Столь же известны и турецко-русские разговорники, которые Ю.В. Щека подготовил для пользователей разных специальностей: от простых туристов до коммерсантов и политических работников.

В стенах ИСАА Ю.В. Щека читал лекционные курсы, входящие в цикл дисциплин «Теория основного восточного языка», среди которых следует назвать «Теоретическая фонетика турецкого языка», «Теоретическая грамматика турецкого языка»; он участвовал в чтении курса «Введение в специальность (тюркологию)», читал спецкурсы «Функциональная дифференциация турецкого языка», «Словообразование в турецком языке», «Интонология турецкого литературного языка», вел спецсеминар «Османско-турецкий язык», а также спецсеминары для филологов старших курсов «История развития тюркологии в Турции» (на турецком языке), «Практика перевода» и др., проводил практические занятия по турецкому языку. Ю.В. Щека составил ряд программ по востоковедным дисциплинам кафедры, на основе которых в настоящее время осуществляется учебный процесс.

Благодаря стараниям Юрия Владимировича, на кафедре тюркской филологии укоренилась практика преподавания других тюркских языков, прежде всего, туркменского и узбекского. Юрий Владимирович сам неустанно изучал тюркские языки, что открывало в его научных работах огромную зону экстраполяции.

Ю.В. Щека в течение многих лет являлся членом диссертационного совета по языкознанию в Институте стран Азии и Африки МГУ и Института языкознания РАН.

Юрий Владимирович повсеместно известен в России и за рубежом как великолепный знаток живого турецкого языка, блестящий переводчик-синхронист, работавший на самом высоком государственном уровне. Не будет преувеличением сказать, что его знанию турецкого языка завидовали даже сами носители языка. Ученый так же безупречно владел английским, французским, немецким языками. Обладая уникальными лингвистическими способностями, Ю.В. Щека без труда осуществлял устный перевод с одного иностранного языка на другой.

Юрий Владимирович проявлял большой интерес к искусству, литературе (читая ее, конечно же, на языке оригинала), музыке (в свое время он даже планировал поступать в консерваторию). Он сам прекрасно играл на фортепиано, виртуозно исполняя самые сложные в техническом и эмоциональном отношении произведения, с удовольствием и подолгу обсуждал их мелодический рисунок. Будучи заботливым отцом и дедушкой, Ю.В. Щека передал свои познания в области иностранных языков, любовь к искусству дочери Елене, а затем и внучке Яночке, неустанно, день за днем занимаясь с ними.

Еще одной сферой многосторонних интересов Ю.В. Щеки явились технические и естественные науки, особенно физика, математика и астрономия. Эрудиция Юрия Владимировича не переставала поражать как его коллег по работе, так и — в еще большей степени — студентов. В аудитории со студентами (по-турецки) и в любых подходящих для этого местах с коллегами Юрий Владимирович с подлинным интересом обсуждал вопросы из любой области: лингвистика, литературоведение, философия, физика, естественные науки, астрономия, искусство, демонстрируя глубинные знания практически по каждому предмету беседы.

Будучи еще недавно ученицей Юрия Владимировича, я могу подтвердить, что для студентов Ю.В. Щека был без преувеличения «человеком-легендой», еще учась на первом курсе, студенты старались хотя бы посмотреть на преподавателя, о котором они столько слышали. Занятия с Юрием Владимировичем всегда были для нас событием, они всегда были информативны, увлекательны,

неожиданны, полны открытий в самых разнообразных областях науки, пронизаны тонким юмором нашего любимого профессора. Все студенты, конечно же, помнят доску, исписанную к концу урока сверху донизу замысловатыми формулами (математическими? физическими? химическими?) с надписями к ним по-турецки и его неизменное восклицание: «Это ведь так интересно!». Сотни студентов Юрия Владимировича хранят в памяти незабываемые воспоминания о своем учителе — наставнике не только в тюркологии, но и в жизни.

Несмотря на свои достижения в академической сфере, в жизни Юрий Владимирович оставался необычайно скромным человеком. В общении он никогда не повышал голос, всегда уважительно и на равных относился к своему собеседнику — будь то именитый академик или студент-двоечник, пришедший на вторую пересдачу. Несмотря на огромную загруженность, Юрий Владимирович всегда общался с собеседником так, как будто только и ждал встречи именно с ним, откладывая все свои дела, ни разу не отказал никому в помощи.

Его мощный интеллектуальный ресурс в сочетании с интеллигентным юмором, шутками, всегда сказанными к месту, легко и непринужденно (когда на английском, когда на турецком, когда на французском), создавали на кафедре прекрасную животворящую атмосферу: за те 17 лет, когда кафедрой заведовал Юрий Владимирович, на ней было защищено значительное количество кандидатских и одна докторская диссертация; помимо собственных многочисленных работ Ю.В. Щеки, регулярно выходили научные, методические работы, монографии других сотрудников кафедры. Для каждой из таких работ Юрий Владимирович находил теплые слова. Как члены кафедры, так и коллеги-тюркологи, общаясь с Юрием Владимировичем, всегда имели возможность подпитаться его вдохновенным отношением к жизни и к научному творчеству, любовью к своему делу, энтузиазмом, азартом.

Присутствие Юрия Владимировича в нашей жизни озаряло ее невидимым светом, ощущением того, что недостижимое рядом, создавало чувство защищенности, придавало уверенность в завтрашнем дне. Уход Юрия Владимировича из жизни — огромная невосполнимая утрата для нас всех и в человеческом, и в научном плане. Мы скорбим по близкому, ставшему всем нам родным человеку. *İşıklar içinde yatın, değerli Yuriy bey!*

Д.М. Насилов, Е.А. Оганова